

АКСИОМОДЕРН
О ПАМЯТИ
О ПАМЯТНИКАХ
О ПРАВОСЛАВИИ
О ВОЙНЕ
О ПОЛИТИКЕ

Книга почётного гражданина г. Тарусы Александра Щипкова «**Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы**» посвящена трудному процессу преодоления социального кризиса. Картина культурного и политического ландшафта страны дана как взгляд из маленького русского города Тарусы, в котором живёт автор и где сплелись воедино судьбы военных, учёных, писателей, диссидентов.

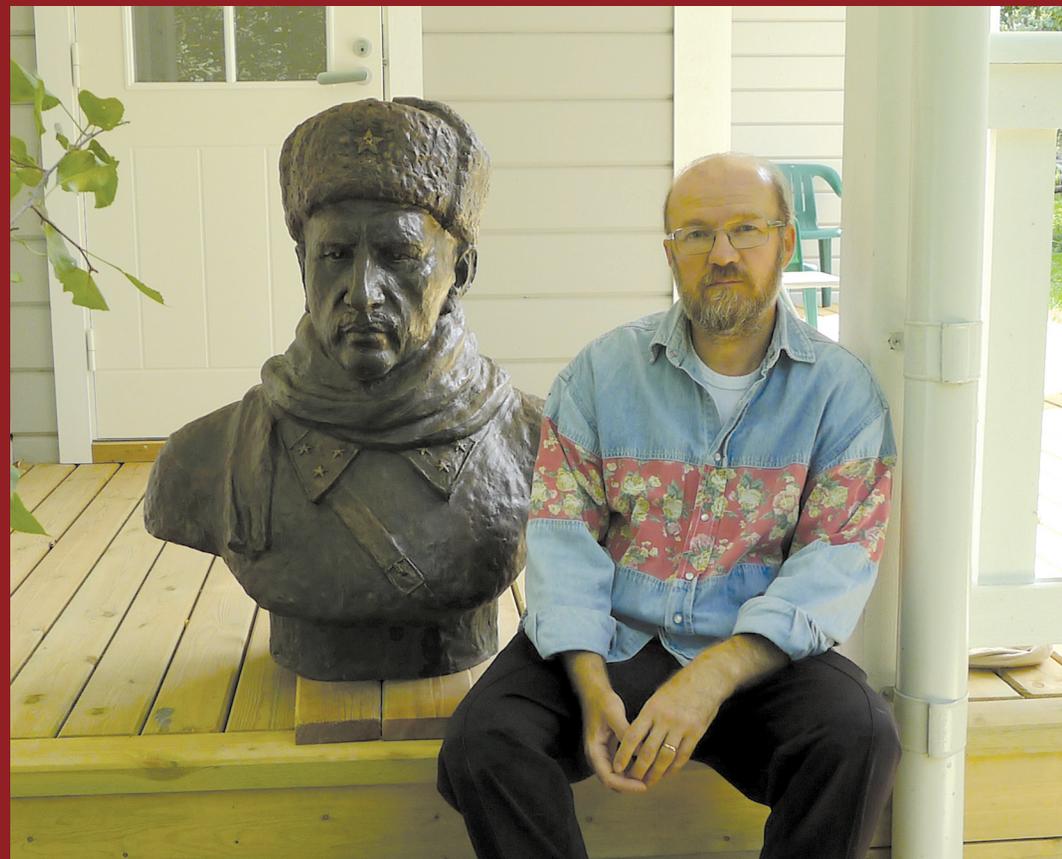
Идейно-смысловая ось книги – исследование такого уникального явления русской культуры, как Бронзовый век, феномен которого выходит далеко за рамки литературы, наполняясь историческим и социальным содержанием. Каждая глава этой искренней книги открывает читателю малоизвестные, но от того не менее значимые явления русской жизни.

Читатель узнает, сколько в России верующих и почему всегда, во все времена их насчитывается восемьдесят пять процентов, в чём состояли ошибки постсоветской интеллигенции, каковы истоки современного нацизма и почему происходит синтез левой и консервативной идей. Это сборник текстов о русской культуре, религии и политике. Все они, за исключением вводного, написаны в форме интервью, что облегчает восприятие подчас сложных идей и делает их доступными самому широкому кругу читателей.

АЛЕКСАНДР
ЩИПКОВ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК РОССИИ • ВЗГЛЯД ИЗ ТАРУСЫ

АЛЕКСАНДР ЩИПКОВ БРОНЗОВЫЙ ВЕК РОССИИ

Взгляд из Тарусы

АЛЕКСАНДР ЩИПКОВ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК РОССИИ

Взгляд из Тарусы

«Русская культура»

Санкт-Петербург
2015

УДК 348.71
ББК 66.3 (2Рос)
Щ 86

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Щ 86 **Щипков А.В. Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы.** – М., 2015. – 192 с.

ISBN 978-5-905618-08-6

Книга «Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы» посвящена трудному процессу преодоления социального кризиса. Картина культурного и политического ландшафта страны дана как взгляд из маленького русского города Тарусы, в котором живёт автор и где сплелись воедино судьбы военных, учёных, писателей, диссидентов. Идеино-смысловая ось книги – исследование такого уникального явления русской культуры, как Бронзовый век, феномен которого выходит далеко за рамки литературы, наполняясь историческим и социальным содержанием. Каждая глава этой искренней книги открывает читателю малоизвестные, но от того не менее значимые явления русской жизни. Читатель узнает, сколько в России верующих и почему всегда, во все времена их насчитывается 85%, в чём состояли ошибки постсоветской интеллигенции, каковы истоки современного нацизма и почему происходит синтез левой и консервативной идей. Это сборник текстов о русской культуре, религии и политике. Все они, за исключением вводного, написаны в форме интервью, что облегчает восприятие подчас сложных идей и делает их доступными самому широкому кругу читателей.

Книга издана по инициативе и при поддержке Всемирного русского народного собора.

*На обложке: Александр Щипков в день установки в Тарусе
бюста генералу М.Г. Ефремову. 24 августа 2011 года.*

ISBN 978-5-905618-08-6

© Щипков А.В., 2015

Книга известного российского общественного деятеля, политолога и публициста Александра Щипкова «Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы» посвящена трудному процессу преодоления социального кризиса, в котором наша страна находится уже более четверти века. По жанру это сборник концептуальных текстов о русской культуре, религии и политике. Однако все они, за исключением вводного, написаны в форме интервью, что облегчает восприятие подчас сложных идей и делает их доступными самому широкому кругу читателей.

Картина культурного и политического ландшафта страны дана как взгляд из маленького русского города Тарусы, где живёт автор и где сплелись воедино судьбы многих известных людей: военных, учёных, писателей, диссидентов. Географическая дистанция необходима: большое видится на расстоянии.

Идейно-смысловая ось книги – исследование такого уникального явления, как русский Бронзовый век. В силу ряда политических обстоятельств наступление этого периода было задержано, или, как выражается автор, «подморожено». Изучение эпохи, современниками которой нам выпало быть, Александр Щипков начинает с литературной ситуации 1970-1980-х. Провозвестниками нового века становятся ленинградский поэт Олег Охупкин и московский архивариус русской поэзии Слава Лён.

По мере чтения глав этой книги становится ясно, что феномен выходит далеко за рамки поэзии и литературы вообще. Бронзовый век, определяемый как состояние субрелигиозности, проявляется также в сфере общественных нравов, политических споров и влияет на пробуждение исторической памяти. Одно из свидетельств этому – появление в подмосковной Тарусе памятника генералу Михаилу Ефремову, «не предавшему Родину и солдат», прямому антиподу печально известного генерала Власова. Следующий шаг на этом пути – памятник Николаю

Заболоцкому, поэту, фактически открывшему в России «бронзовую» эпоху, согретую теплом веры и причастности.

Каждая глава этой искренней книги открывает читателю малоизвестные, но от того не менее значимые явления русской жизни. Показательна история о борьбе петербургской общественности за право поставить храм на месте блокадного крематория: военная святыня и святыня религиозная как единое целое – важнейшая черта Бронзового века. Читатель узнает, сколько в России верующих, почему всегда, во все времена их насчитывается 85%, в чём состояли ошибки постсоветской интеллигенции, каковы истоки современного нацизма и почему происходит синтез левой и консервативной идей. А. Щипков вводит новое понятие *аксиомодерн*, смысл которого вы поймёте, прочитав эту книгу.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК И АКСИОМОДЕРН

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В почти уже легендарные «девяностые» на фоне сворачивания долгосрочных культурных проектов расцветал «клуб стайл». Проводились трогательные уютные поэтические фестивали и маленькие конференции, на которых обсуждали Бродского («ах, ещё не так давно он был только в самиздате») и Серебряный век («ах, он был совершенно недооценён»). Историческую несправедливость спешили исправить – и дооценить.

Серебряный век, несмотря на свою декадентскую «тональность», воспринимался как эталон и своеобразная матрица грядущего ренессанса. Подтекст был такой: культурное поле выжжено тоталитаризмом, поэтому надо мысленно вернуться к последним «тучным» для культуры годам, а это начало века. И тогда возможен новый расцвет. На том и стояли.

Между тем литературный процесс в постсоветской «новой» России становился делом всё менее престижным и востребованным. Новые литературные премии вроде «Русского Букера» становились междусобойчиком и полем клановых разборок внутри «тусовки» – в те годы само слово «тусовка» считалось едва ли не атрибутом респектабельности. Писательское сословие обречено было работать для всё более узкого круга, и гуманитарное сообщество по сути оказывалось в культурном гетто, но предпочитало считать себя элитарным закрытым клубом. Так было психологически проще.

Выстраивалась потребная моменту мифология, влиявшая в том числе на спектр интересов. Приоритет отдавался явлениям, так или иначе подвергавшимся в советское время замалчиванию, дискриминации.

*Слава Лён.
Исторический контрапункт*

Идею Бронзового века концептуализировал поэт Слава Лён – собиратель, исследователь и архивариус современной русской поэзии. Он появлялся на гуманитарных собраниях, предлагая обществу тщательно выстроенную схему, согласно которой, по его мнению, эта поэзия развивалась. Эту схему он убедительно рисовал на ватмане. Там были обозначены все течения, школы и «школочки» – от хрестоматийных символизма-акмеизма до современных концептуализма и квалитизма.

Из схемы Лёна следовало, что с 1953-го по 1989-й год в России продолжался Бронзовый век – новая эпоха, когда поэзия вновь осваивала утраченные глубинные и универсальные смыслы. Тогда я не мог ещё в полной мере оценить точность и глубину этой концепции; это произошло несколько позднее.

После века Серебряного следует особый период, связанный, в частности, с футуризмом. На мой взгляд, футуризм – это переходное состояние: уже не серебро, ещё не бронза. Скорее, некое выгорание пламенной печи. Динамическая пауза в смене эпох.

Это промежуточное положение не помешало футуризму и конструктивизму убить эстетику Серебряного века. Кружева декаданса расплзлись и сгорели в огне футуристических доменов.

Но это была лишь прелюдия.

Сам Бронзовый век берёт начало в 1950-е. Он вызван к жизни многими факторами. Это и естественное ослабление поэтических влияний начала века, и война. «Вставай, страна огромная!»... – тут уж не до искр снега на зубах акмеизма. И Победа 1945 года, создавшая в сознании людей образ святой коллективной жертвы. И смерть Сталина с окончанием жёстких идеологических «заморожков».

В обычных условиях всё это вполне могло бы закончиться расцветом религиозной лирики – но не в условиях СССР и продолжающихся антирелигиозных гонений. Избирательная хрущёвская «оттепель» рас-

пространялась, разумеется, не на всех и не все темы «открывала». Тем не менее поэзия в это время получает заряд новой сакральности и новой искренности; поэты вновь учатся говорить о горних, не сиюминутных вещах, пусть и без явных библейских мотивов.

Сказываться эта сакральность могла по-разному и очень долго – на протяжении 1960-1970-х. Вот простой пример. Однажды в 1970-е легендарный Давид Самойлов резко отчитал молодого поэта Владимира Бурича, едва не отказав ему в праве писать стихи, вот за такие строки:

*Мир наполняют
послевоенные люди
послевоенные вещи
нашёл среди писем
кусочек довоенного мыла
не знал что делать
мыться
плакать*

Очевидно, Самойлова задела та невыносимая легкость, с которой Бурич своим вальжным верлибром касался военной темы. Она была как выстрел.

Откуда здесь ощущение кошунства? Дело в том, что тема войны для человека «бронзового» периода имеет особый смысл. Эта тема сопоставима с мотивом распятия, хотя сопоставление и не могло быть прямо высказано. Но на глубинном уровне считывалось. Человек с историческим гражданством века Серебряного – а такие оставались до конца советского периода – отнёсся бы к этому тексту гораздо спокойнее. Взвесил бы на весах эстетического чувства и оставил в покое. В этом – разница.

*Олег Охупкин.
Новая сакральность*

Концепция «бронзовой» эпохи была составлена упомянутым Славой Лёном на основании источников, пребывающих в самом литературном пространстве. Бронзовый век – во многом поэтическое самоназвание. Сегодня его хронология выстраивается автоматически – бери и пользуйся. Как, например, у Ирины Сидоренко:

*И век золотой пьянит —
Там болдинская осень,
Сусальный шелест битв
На нерчинском погосте...*

*Век звона серебра:
Вино и опий – в строчки!
В смерть крестит снег! —
«Ура» – людские многоточья...*

*И – бронзовый! – как месть
За миллион насилий.
Вернём красу и честь?
И мозг спинной – без гнили?*

Это нынешние перепевы, уже ставшие привычными. А начиналась коллективная ода Бронзовому веку в 1975 году с поэмы моего друга, великолепного Олега Охупкина, которая так и называлась – «Бронзовый век»:

*Он исторгнул из Храма лишних.
Торговавших талантом, чтобы
Воцарился в сердцах Всевышний,
А в торгующих – дух утробы.*

*И пошли по домам поэты.
Те, кто Бога встречали – с миром,
А купцы разбрелись по свету
Золотому служить кумиру.*

*Разбрелися по всем дорогам.
Приступили ко всем порогам,
И на бронзовосерых лицах
Тихо бронзовый век горел.*

У Охупкина речь идёт о поэтах, которых коснулся Христос, – они вновь почувствовали Божье дыхание. Вернули жизни религиозную составляющую, которая была утрачена в декадансе, отвергнута в футуризме и тщательно замаскирована в советской литературе. Хотя после войны это чувство всколыхнулось. В охупкинском «Бронзовом веке» есть даже список имён его собратьев по цеху, отливших свои стихи в «бронзу»:

*Красовицкий, Ерёмин, Уфлянд,
Глеб Горбовский, Соснора, Кушнер...
Макинтошами, помню, устлан
Путь Господень в живые души.*

*Рейн да Найман, Иосиф Бродский,
Дмитрий Бобышев да Охупкин
Наломали пред Ним берёзки,
Постилали цветов охупки.*

*Ожиганов, Кривулин... Впрочем,
Дальше столько пришло народу.
Что едва ли строфу упрочим,
Если всех перечислим сряду.*

*Куприянов Борис да Виктор
Ширали... Стратановский, кто же
Не вспомянет о них! Без них-то
Было б грустно. Скажи, Серёжа...*

*Чейгин, Эрль... может. Лён иль кто-то
Из других: Величанский, либо
Кто ещё, но открыл ворота
Всей процессии. Всем спасибо.*

*И когда Он вошёл в сердца нам.
Мы толпою пред Ним стояли.
Но дружиною стали, кланом.
Чуть бичи Его засвистали.*

Легко заметить, что в этих «святцах» нет «официальной фронды», нет ни одного поэта Политеха. И это закономерно. Взять хотя бы Андрея Вознесенского. Невероятно талантлив. Но в какую сторону он идёт? Играет в футуризм, издаёт «Треугольную грушу». Потому что Маяковский – это символ, и подражание ему давало карт-бланш на эксперимент в известных рамках. Но по сути это был шаг назад, а не вперёд.

А у Олега Охупкина перечислены те, кто был готов всерьёз свидетельствовать о мире перед Богом. И тем не менее всех перечислить – не хватит стиха. Но главные современники века уже названы, и будущие составители хрестоматии избавлены от необходимости лишней раз лезть в справочники.

Охупкин чётко и уверенно проводит границу, отделяющую его «бронзовую» эпоху от прошлой, «серебряной». Но делает он это не в основном тексте, а за его пределами, в эпиграфе, создавая таким образом поэтическую «рамку». Для эпиграфа взяты строчки из «Поэмы без героя» Анны Ахматовой, бесспорной королевы века предшествующего:

*На Галерной чернела арка.
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.*

Это как запись на полях. В поэме «Бронзовый век» Охупкин тоже обыгрывает тему арки («На Галерной пылала арка») – сквозная связь времён? Получается: связь – через отталкивание.

Борьба за признание

Собственно именно Олег Охупкин и создал понятие «Бронзовый век» – почувствовал его и дал ему название. Разумеется, всего этого недостаточно. Чтобы определить рамки явления профессионально, а не поэтически, нужен был кто-то, кто сумеет выйти за пределы поэтического цеха. Этим человеком и стал Слава Лён. Практически он оказал потомкам ту же услугу, которую когда-то оказал им и Николай Оцуп, застолбивший название соседней эпохи в своей статье «Серебряный век русской поэзии», впервые напечатанной в 1933 году в парижском журнале «Числа».

А вот масштабная поэтическая антология «Бронзовый век русской поэзии», составленная Лёном, увидела свет лишь в 2013 году (Бронзовый век русской поэзии. – Спб. : ВВМ, 2013). Причём судьба всей той масштабной работы с наследием Бронзового века, которую много лет подряд осуществлял автор, оказалась непростой. Это сейчас лёновская концепция – свершившийся научный факт. А в 1990-е просветительская деятельность Славы Лёна вызывала разные реакции в среде постперестроечных гуманитариев. Так, на одном из литературных диспутов один филолог саркастически возразил Лёну, предлагая поменять на его схеме временную шкалу на «степени возрастания градуса». Возражение, может быть, и остроумное, но явно не по существу... Приходилось в разное время встречать и другие возражения. Например, что, мол, понятие «Бронзовый век» утверждает идею ухудшения и деградации: вслед за Бронзовым и Железным должны идти «плохонькие» века без имени.

В этих рассуждениях проявляется культур-шовинизм новейшей культурной бюрократии. Во-первых, отказывая Бронзовому веку в праве так называться по причине якобы нисходящей оценочности, за веком Серебряным то же самое право охотно оставляли. Хотя «серебро» символически тоже менее ценно, чем золото. И логика подсказывает: возражение против «бронзы» рикошетом бьёт и по серебру. Вывод прост: надо или вовсе избавляться от шкалы нисходящих оценок и упразднить

названия всех эпох или, сохраняя её, наделить Бронзовый век общими правами. Но этого не происходит. Что можно «серебру», того нельзя «бронзе». «Серебряный запас» русской литературы якобы должен считаться неиссякаемым.

Однако Бронзовый век вовсе не обязан считаться менее «ценным», чем его исторический предтеча. Скорее наоборот. Серебро – холодный металл. Бронза – тёплый. Она как бы хранит в себе частицу золота. Стремится на свой лад изобразить свойственную «золотому» периоду полноту и теплоту бытия. То есть наследует классическим ценностям Золотого века, хотя и через поколение. У Серебра – иная задача: совершенство, симметрия, отточенность языка. Игра форм и смыслов, из которых надо сложить слово «Вечность». Но не более.

Люди с системным мышлением проявляли интерес к концепции Лёна, но статусным гуманитариям она совершенно не нравилась. Хотя бы потому, что у них уже были свои обобщающие схемы и делиться почётной ролью создателей дефиниций никому не хотелось. Лёновский же подход явно диссонировал с тем, что уже было принято и возведено в канон.

Согласно этому канону история русской поэзии, да и культуры в целом рассматривалась как бы сквозь призму Серебряного века. И этому веку было предписано длиться и никогда не заканчиваться – продолжаться вечно, пусть даже в форме осознанного и неосознанного подражания, что, в общем-то, опиралось на некоторые объективные факты литературной реальности. Ведь никто не возьмётся отрицать следы сильного влияния Цветаевой в стихах Беллы Ахмадулиной или следование за Маяковским Андрея Вознесенского. Другое дело, что эта «затухающая серебряная» линия в литературе была, мягко говоря, не единственной. Но никакая другая кураторам культурного процесса была просто не нужна. Музейное отношение к культуре побеждало. Серебряный век должен был длиться покуда стоит мир.

А остальные должны ждать, когда кончится этот затянувшийся декадентский век.

Наверное, излишне говорить о том, что вожди новой генерации начальников-гуманитариев в точности воспроизвели советскую модель отношения к культуре, ориентированную на отсев всего идеологически чуждого. Всё «выдержанное» и пригодное к употреблению берётся в расчёт, остальное игнорируется. Новые люди в гуманитарной сфере активно боролись за влияние с бывшими советскими институциями, но продолжали мыслить и действовать в рамках прежней парадигмы. Просто эта парадигма была ими присвоена или, если угодно, приватизирована, словом – перевернута и переделана под себя.

В связи с этим цензурно-идеологическим перевёртышем необходимо сказать несколько слов о так называемой «советской литературе». На самом деле, по моему глубокому убеждению, такой литературы не существовало. Была и есть русская литература советского периода. «Советская литература» – миф, который вначале был выгоден советской власти, а затем и её противникам. Он помогал отделять удобных от неудобных, агнцев от козлиц.

Понятие «поэт Серебряного века» со временем стало играть точно такую же роль: из термина оно превратилось в знак качества. Точнее, доброкачественности. Стало синонимом «поэта первого сорта». При этом Твардовский, Самойлов, Слуцкий или Багрицкий считались поэтами классом ниже. Ещё сложнее было с поэтами андеграунда, сформировавшимися в советскую эпоху. При таком подходе очевидно, что Бронзовый век был не нужен и неинтересен литературным начальникам как в советский, так и в постсоветский периоды.

В советскую эпоху это утверждалось административно-приказным порядком. В 1990-е по-другому – средствами медийного влияния, поскольку уже вступил в силу принцип: если тебя нет в информационном поле, тебя нет вообще. Так или иначе аллергия на «несистемные» культурные явления оставалась формой идеологии и в «новой» России.

Поначалу я думал, что «ответственным» людям просто очень не хочется возиться с новой грудой литературных фактов. Позднее понял, что причины гораздо более глубокие. Инстинктивное неприятие любых разговоров на тему Бронзового века – не проявление академического обскурантизма. Дело в том, что эта постановка вопроса ломает готовый сценарий культурных исследований. В рамках этого сценария Серебряный век – что-то вроде «осевого времени» или «точки отсчёта». Матрица Серебряного века – не в обиду его почитателям будет сказано – превратилась в новый идеологический стандарт для просвещённой публики.

Навязывалась эта матрица с помощью элементарной подмены. Серебряный век – безусловно, интереснейший и богатый на художественные открытия период русской культуры – использовался в совершенно не свойственной ему функции – как идеологическая рамка. Для этого требовалось максимально передвинуть вперёд по исторической шкале его верхнюю границу, неявно вписывая в этот отрезок то, что просто не могло к нему относиться, иную культурную реальность.

Протесты не принимались. Они отклонялись с помощью эмоциональной аргументации: «Ну что вы, как можно! Начало века – это наше всё. А через несколько лет, вообразите: большевистская смута, крах, тёмные века варварства». Трагическая коллизия «цветение Серебряного века против большевистского варварства» перекидывалась из начала века в наше время.

Иными словами, модель разделённого исторического времени, модель «разрыва традиции» использовалась уже второй раз. Вначале она была востребована советским официозом. Затем, уже с противоположного конца – либеральным «антисоветским» официозом, вышедшим всё из той же советской шинели.

Понять происходящее до конца в то время мало кому посчастливилось. Только теперь становится понятно, что адепты «исторического декаданса» подморозили движение культуры.

В России существует экзотическая историософская традиция, описывающая линию национального развития как смену «заморозков» и «оттепелей». С этих позиций при желании можно объяснить всё, что угодно. Так, Серебряный век протекал в ситуации относительных «заморозков» (1905-1916). Но период конца 1990-х на фоне «оттепели» 1980-х означал «заморозки», в том числе и для самой культуры, которая просто была полностью маргинализована. А шоковая терапия с разгромом индустрии, стрельбой из танков в 1993-м, печально известным «письмом 42-х», по концентрации ненависти не уступавшим коллективным призывам сталинского времени, – всё это позволяет говорить не об оттепели, а о новых масштабных заморозках, которые не кончились и сейчас.

Иллюзия оттепели обернулась ледниковым периодом. Но если те, старорежимные заморозки культуре как бы не мешали, а фи́га в кармане даже развивала способность к метафоризации, то нынешние холода привели к вымерзанию эстетических ростков до самых корней. Произошла заморозка тех точек роста, которые должны были дать всходы в «девяностые» – «нулевые». Но не дали. Это и есть наш задержанный Бронзовый век.

Ведь как рассуждали на излёте перестройки? Вот сейчас сдёрнут с науки удавку марксизма-ленинизма – и она расцветёт. Гуманитарии будут свободно просвещать нацию, проводить высокую культурную политику... Удавку сняли, а утро не наступило. Вернее, наоборот. Если в СССР гуманитариев контролировали идеологически – в 1990-е их просто вышвырнули за пределы «нового дивного мира», сделав их лишними людьми. Музыкантам столичных оркестров пришлось стать бомбилами и челноками... Имена Лотмана, Лихачёва и иных потускнели в сознании интеллигентного обывателя. Потому что когда отече-

ственную культуру пускали под нож, они за неё не вступились. Так в России свершилось то, что на Западе принято называть предательством интеллектуалов.

То же и в поэзии. В 1990-е годы её развитие приостановилось, словно было искусственно задержано. После Кривулина, Охупкина, Бродского... Бронзовый век не породил сопоставимых по масштабу фигур. Он длился, но редко плодоносил. Произошло это, судя по всему, по причине «заморозки» 1990-х, благодаря которой развитие Бронзового века было искусственно задержано, а престиж высокой культуры в обществе в целом искусственно занижен.

И эта ситуация в целом сохраняется до сих пор.

Легко объяснить моду на верлибр, распространившуюся в 1990-е – 2000-е. Только работая над верлибрами, можно было попасть в поле зрения западных славистов. И это были не те верлибры, которые сочинялись во время оно французскими символистами. Здесь главная задача – заменить поэтическую речь фрагментами бытовой, профанной речи. При этом максимально расширив, а значит, отменив границы эстетического. Так при абсолютных монархиях в XVI веке были утеряны границы исторического. В историю «записывалось» всё: с какой ноги встал монарх, какого цвета туфли он надел и что ел на обед. «Это достойно истории!» – восклицали придворные хронисты. Всё было достойно истории. Но всё значит ничего. Так история государства превращалась в нечто вроде Марлезонского балета на тему королевской охоты на дроздов...

Или вот молодёжная субкультура 1990-х. Это ведь тоже декаданс, только сильно приземлённый. Молодёжная субкультура была потребительской, завязанной на клубной индустрии с танцевально-наркотическим репертуаром. А рядом – приезжие западные звёзды, вышедшие в тираж на родине, но с удовольствием играющие для «этих русских». Всё вроде бы движется – и всё стоит на месте.

Что Бронзовый век – не только литературное, но и социально-историческое понятие, мне стало ясно несколько позже.

Тут сыграла свою роль драматичная история, связанная с Парком Победы в Петербурге. В Парке Победы горожане хотели возвести храм на месте, где стоял Блокадный крематорий. В течение 15 лет им мешала городская власть. Вот это сочетание, этот грандиозный резонанс – память о жертвах и мучениках войны и память о жертве Нового Завета – впервые осветило для меня всю суть Бронзового века как новой эпохи. Это было возвращение к моральным глубинам русской традиции, где всякая жертва – напоминание о Его жертве. Так зарастал исторический разрыв между традицией советской и дореволюционной, собирались воедино разные части народного тела. Это было возвращение к глубинным смыслам. «Так вот что такое Бронзовый век», – подумал я тогда.

Не стану подробно рассказывать о том, как горожане ставили крест на месте будущего храма, как этот крест сжигали и выкорчёвывали торговцы шаурмой – новые хозяева жизни, с которыми в то время прекрасно уживались новейшие поклонники русского декаданса. Но храм построили. Добились. Для меня это одна из важнейших вех нашего Бронзового века. Особенно актуальна эта связь сейчас, когда фашизм реабилитирован и легализован на международном уровне.

А тогда я вновь ощутил радость Победы над фашизмом как отголосок другой Победы – Сына Человеческого над смертью. Этот синтез – пропуск для нашего возвращения в Историю. Начинается возвращение с нравственного консенсуса в обществе, и важнейший предмет консенсуса – собственная история.

Впоследствии я увидел, насколько труден этот консенсус – на примере жизни малых русских городов, прежде всего – родной для меня Тарусы. И здесь я тоже наблюдал и наблюдаю признаки задержанной эпохи, которая давно должна была наступить, но пока не наступает. Ещё Паустовский поднял тему спасения малых городов. А распутинское «Прощание с Матёрой» как будто оттенило эту тему.

Моя любимая крошечная Таруса. Макет Большой России. Здесь жили и оставили свой след Поленов, Борисов-Мусатов, Ватагин, Цветаев, Паустовский, Заболоцкий, Рихтер... Я видел, как плакал мужчина возле памятника генералу Ефремову, положив руку на бронзовую надпись «Не предавшему Родину и солдат». А сколько ещё сыновей Таруса отдала Великой Отечественной, Афгану, Чернобылю...

Концепция развития Тарусы менялась, отражая как в капле воды бурление всей России. На сломе 1991-го бродила идея сделать основным трендом диссидентскую тему 101-го километра. Поэтесса Татьяна Мельникова назвала Тарусу «диссидентской столицей», и действительно – «политические» в разные годы проживали здесь десятками, если не сотнями: статусные Александр Гинзбург, Лариса Богораз и менее известные, такие как моя любимица, женщина отчаянного характера Валентина Ефимовна Машкова. По улицам Тарусы бродили Солженицын и Амальрик, Марченко и Осипов, Ковалёв и Балахонов, Горбаневская и Крахмальникова... И тут надо бы сказать, что советское диссидентство, как бы резко это ни звучало – это тоже богема, с культурной богемой тесно связанная. С одной стороны, Сахаров и Синявский. С другой – Аверинцев и Глазунов. Свой кодекс, своя диссидентская этика, «династические» диссидентские браки. Но это тема для отдельного разговора.

Музейно-диссидентская концепция не прижилась. Её вытеснила тема «русского Барбизона». И культурное строительство ожидаемо пошло под флёром Серебряного века. Так было в Большой России, так было и в нашем маленьком городке на берегу величавой Оки, несущей свои воды во Времени от Золотого века к Серебряному и дальше к Бронзовому.

Заболоцкий. Ключи от Бронзового века

Николай Заболоцкий – пожалуй, самая загадочная знаменитость советского периода русской литературы. Автор знаменитых «Столбцов», вначале обэриут, затем традиционалист, Заболоцкий провёл в Тарусе последние два года своей жизни. Лишь сегодня мы начинаем осознавать, что это не просто прекрасный русский поэт, но и открыватель целой эпохи. Именно он стал связующим звеном довоенной и послевоенной лирики и родоначальником поэтического взрыва 1960-1970-х, открыв нам ворота в Бронзовый век. Он сам переплавился – если использовать «металлическую» метафору – в лагерный период. Его стихи стали совершенно другими. И это говорит о его огромном таланте.

Вот он, как и положено поэту «бронзовому», перебрасывает мостик к Золотому веку. В данном случае в стихотворении «Одинокий дуб» – к знаменитому пушкинскому «Анчару».

*Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепя
В его ветвях. Какие-то отрпенья
Торчат на нём и глухо шелестят.*

*Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоёт он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.*

*Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.*

Всё верно. Религиозный порыв, стремление к свидетельству о мире передаётся от Золотого к Бронзовому веку. Через поколение. По-

верх Серебряного – холодного и безучастного. И Заболоцкий даже как будто спорит с Пушкиным: вместо древа смерти рисует древо жизни.

В конце концов Заболоцкий приходит к субрелигиозности в творчестве. В его стихах становится осязаемой подвластность мира высшему закону. Вместе с тем он не отрывается от породившей его народной почвы. Вот он пишет стихи о «Голубиной книге», вспоминая рассказ о «правде и кривде». То есть – о справедливости. Ведь справедливость – это основа, нравственный центр русской традиции.

*И слышу я знакомое сказанье,
Как правда кривду вызвала на бой,
Как одолела кривда, и крестьяне
С тех пор живут обижены судьбой.
Лишь далеко на океане-море,
На белом камне, посредине вод,
Сияет книга в золотом уборе,
Лучами упираясь в небосвод.
Но семь на ней повешено печатей,
И семь зверей ту книгу стерегут,
И велено до той поры молчать ей,
Пока печати в бездну не спадут.*

Поэт вглядывается в души людей, проступающие на их лицах («О красоте человеческих лиц»):

*Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица – подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мёртвые лица
Закрывают решётками, словно темница.
Другие – как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.*

*Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка её на меня
Струилось дыхание весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица – подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.*

Николай Заболоцкий приходит после Серебряного века, но приходит раньше Охупкина и его современников. Именно ему и достались ключи от века Бронзового. Он стал родоначальником новой искренности и новой глубины. Это литургическое чувство, как бы «размешанное» в мире. Испытывая его, поэт поневоле становится миссионером. Ему есть о чём сказать всерьёз – не публике, которая сидит в зале, а поверх голов. Это незаметное пророчество.

Заболоцкий это ощущал. И вместе с этим чувствовал все оттенки русского менталитета, выхолощенного в советскую эпоху. Это и стало одной из причин, по которой поэт был невинно осуждён.

Непонятно, почему стихи Заболоцкого до сих пор не возведены в должный ранг. Ведь другие литературные «жертвы режима» получили в 1990-е свой «респект». Открыватель Бронзового века неудобен тем, кто считает, что XX век обязан соответствовать образу вальжно-декадентской, холодноватой России. Хотя «репетиция» Бронзового века заметна у некоторых должностелей века Серебряного. В частности, у Бориса Пастернака мы находим особую теплоту причастности. И наоборот: холодность, выхолощенность религиозных образов мы видим у гениальной Цветаевой с её эгоцентричной лирической героиней. Но носители расколотого, сформировавшегося в 1990-е годы сознания упрямо ориентируются на культурную ситуацию начала XX века, на всё то, что выросло из грибницы артистических кабаре и «собраний».

Почему о Серебряном веке у нас говорят гораздо больше, чем о Золотом? Гуманитарная элита делает вид, что и Ахматова, и Пастернак

авторитарно-симулятивную модель «оптимизированной» культуры. Эта модель прибегает к бесконечной мифологизации, использует в качестве инструментов информационную суггестию и лингвистическую агрессию, а полноценную коммуникацию заменяет пиаром. Так креативный класс, стремясь сохранить гегемонию, цепляется за разваливающиеся идыды корпоративного общества.

Люди с этим социальным профилем неизбежно воспроизводят теплохладную «толерантную» модель общества, лишённую подлинных эстетических запросов.

продлевают этот век, и даже очевидно «бронзового» Иосифа Бродского пытаются пристегнуть туда же. Никакого «после» не может быть – только отголоски.

Так формулируется вечная и незабываемая культурная повестка. Так формируется культур-шовинизм, с точки зрения которого ценно лишь то, что сохраняет преемственность от эпохи поэтических салонов или подражает великим.

Стратегия истеблишмента направлена на блокирование культурных явлений, которые по своей природе не интегрируются в

Серебряный век – это не только поэзия. Хрустальность серебра, ломкость, холодность и бездушие закончились революцией. А с конца XX века началось возрождение, ренессанс. Начался Бронзовый век – возврат и оживление.

Но для нас, свидетелей «миллениума», Бронзовый век сильно запоздал. Он начался в творчестве Заболоцкого, Самойлова и других поэтов послевоенной поры, «питерской школы», Олега Охупкина, Иосифа Бродского. Но не успел полностью вступить в свои права, не стал фундаментом русской культуры в конце 1980-х-начале 1990-х. Он был приостановлен новыми политическими «заморозками» и культурной маргинализацией, распадом общественного пространства, предательством и самороспуском интеллигенции, падением престижа гуманитарных профессий.

Внимательные наблюдатели говорят об архаизации культуры, о «новой дикости». Но что такое Бронзовый век как не возможность выскочить из этой inferнальной воронки?

«Бронзовый век нашей поэзии обретёт терминологическую осмысленность, если мы увидим, что современные поэты, сталкиваясь с жестоким фактом десакрализации художественной речи, начнут вспоминать свое древнее жреческое задание и займутся поэзией не как аристократическим дивертисментом золотого века или мелодраматической эксцентрикой века серебряного – а как жертвенной духовной практикой бронзового века, породившего среди прочих Орфея и Ориона», – писал несколько лет назад Андрей Новиков-Ланской в статье «Апология бронзы».

Всё так. Хотя куда предпочтительнее это пожелание смотрелось бы будучи перекодированным в рамках библейского символического ряда.

Сегодня ломается общественный порядок, основанный на жёстком элитаризме. Поэтому у нас есть основания надеяться на «разморозку» культурных процессов, которые прежде подвергались тотальной коммерциализации, экономической, да что там – и политической цензуре.

Примечательно, что именно моя Таруса, устанавливая памятник «ключарю» Бронзового века Николаю Заболоцкому, подтверждает, что мы вступаем в эпоху *аксиомодерна*. Это состояние общества, в котором сочетается ощущение «современности», «нового времени» (известное ещё по периоду модерна), универсализм, единство картины мира и традиционные моральные ценности.

Общество стоит перед необходимостью демонтажа всей культуры постмодерна. Что придёт на смену?

Новую модель культуры называют по-разному: постинформационным обществом, постконцептуализмом, постсекулярностью, новым традиционализмом. Мы её называем *аксиомодерном*.

Так или иначе нас ожидает новая разметка культурного пространства и новые правила игры. Новую парадигму от старой отличает приоритет целостности, жизнь по единым правилам. А это предполагает новый общественный договор. Из книжного понятия философов-просветителей он может превратиться в реальность. Но его целью станут эгалитарные культурные и социальные модели.

О ПАМЯТИ

27 июля 2012 года

Стенограмма эфира радио «Голос России»

Беседовала журналист Милена Фаустова¹

МАМА

В июле 2012 года на фасаде здания Смоленского Государственного университета появилась ещё одна мемориальная доска. Она посвящена педагогу Татьяне Николаевне Щипковой, репрессированной за религиозные убеждения в 70-80-е годы XX века. О том, как родилась идея повесить этот памятный знак, какие трудности она встретила и какое общечеловеческое значение имеет сегодня эта памятная доска, рассказывает сын Татьяны Николаевны Щипковой, председатель Клуба православных журналистов, главный редактор портала «Религия и СМИ» Александр Владимирович Щипков.

– Как и когда возникла идея установки мемориальной доски?

– Идея возникла весной 2012 года. Моя жена как-то вечером в разговоре сказала, что было бы хорошо повесить в Смоленске мемориальную доску маме. Мы начали это обсуждать, поначалу просто так, несерьёзно. Это несерьёзное обсуждение длилось около недели и стало серьёзным. Я понял, что мы будем это делать. Мы знали, кто это будет делать. У нас

¹ Настоящее и все последующие интервью помещены здесь в привязке ко времени первой публикации, но в авторской редакции 2015 года, и порой существенно отличаются от текстов, сделанных моими коллегами, которым я выражаю глубокую благодарность за внимание и сотрудничество и имена которых непременно указываю (А.Щ.).

есть знакомый замечательный скульптор – Александр Дмитриевич Казачок, ученик С. Т. Конёнкова. Мы решили обратиться к нему, потому что уже работали с ним раньше. Он нам делал две работы в Тарусе – памятник И. В. Цветаеву и памятник генералу М. Г. Ефремову.

К слову сказать, мы стали действовать совсем неправильно. Ни с кем ничего не согласовывали, не брали никаких разрешений, а начали с изготовления доски. Стали думать, что должно быть изображено на этой доске, будет ли это гранит или металл, профиль или барельеф. А самое главное – что будет написано. Это было самое сложное. В конце концов мы решили написать так: «здесь с 1961 по 1978 год преподавала Татьяна Николаевна Щипкова, пострадавшая за православную веру в годы гонений». Мы хотели выделить два момента. Во-первых, объяснить, почему мы вешаем доску в её честь, чем она выделяется, почему именно этому преподавателю именно этого вуза установлен этот памятный знак, ведь там было и есть множество достойных людей, которые проработали в университете по 40-50 лет. Она была очень хорошим преподавателем и специалистом, но не была Сухомлинским

или Макаренко. Мы повесили доску за её верность нравственным принципам. Мы хотели, чтобы прохожие точно понимали, за что она пострадала. Она пострадала за своё вероисповедание и свои религиозные убеждения, за православие. Во-вторых, для нас был важен конец этой надписи – «в годы гонений». Этим мы хотели подчеркнуть, что гонения продолжались до самого конца советской власти. Потому что сегодня очень многие думают, что гонения кончились в 1953 году со смертью Сталина. Более продвинутые говорят о том, что гонения окончились во времена Хрущёва. Мы же хотели показать, что на самом деле религиозные гонения, в том числе на православных, прекратились с окончанием советской власти.

– Как Патриарх Кирилл отнёсся к тому, что Вы собираетесь повесить эту мемориальную доску на стену Смоленского университета, да ещё и с такой надписью?

– Когда мы уже сделали макет доски, я пошёл к Патриарху, встретился с ним, показал ему фотографию нашего макета и сказал, что хочу повесить мемориальную доску. Святейший хорошо знает нашу семью уже много десятилетий, поэтому ему не надо было рассказывать, кем была моя мама. Он внимательно осмотрел эскиз, сказал, что макет хороший. «Но удастся ли вам повесить эту доску, сумеете ли вы получить разрешение?» – спросил Патриарх Кирилл. Я сказал, что буду стараться. «Это будет сложно», – предупредил меня Патриарх. И когда я спросил: «Ваше Святейшество, а если мне всё-таки удастся повесить эту доску?», он ответил, что в этом случае он сам приедет её открывать. Я взял благословение продолжать эту работу. Патриарх, во-первых, вселил в меня уверенность. Во-вторых, архиерейское благословение, в том числе Патриаршее, – вещь таинственная. Оно работает, порой, само по себе. Не то чтобы независимо от твоей воли, но как бы параллельно ей, помогая в самый неожиданный и трудный момент. И мы с утроенной энергией взялись за это дело, не имея вообще никакого представления о том, как это делается.

– Насколько вообще сложно устанавливать мемориальные доски или памятные знаки в России? Сколько времени требуется на это?

– Для того чтобы повесить доску, нужно, оказывается, иметь разрешение горсовета, то есть депутатского корпуса. Нужно, чтобы городские депутаты проголосовали и дали своё разрешение. Но до этого нужно собрать невероятное количество документов, потому что существует целое положение об увековечивании памяти известных и знаменитых людей. Затем необходимо представить все эти документы на рассмотрение топонимической комиссии, которая состоит из уважаемых людей города – преподавателей вузов, учителей, инженеров, чиновников. Всего человек 15-20. Они реально обсуждают, нужно это или не нужно, как это будет выглядеть. После этого собирается комиссия горсовета по социальным вопросам: установка мемориальной доски относится к вопросам культуры, а вопросы культуры – к социальным вопросам. Затем всё это выносится на рассмотрение горсовета. И вынести этот вопрос необходимо не позднее, чем за 30 дней до самого события.

Когда Святейший сказал, что в случае нашего успеха приедет открывать «мамину» доску, я понимал, что это будет приурочено к его плановому визиту в Смоленск. Я думал, что это будет через год, через два и у меня впереди ещё много времени. Но он мне сказал, что это будет 24 июня, потому что он едет освящать новую церковь в Катине, на месте расстрела польских офицеров и огромного количества советских граждан во времена сталинского террора. А наш разговор состоялся примерно 24 марта. То есть оставалось всего три месяца. И я понял, что у меня почти нет времени. Я поехал в Смоленск собирать документы, и дальше начали происходить совершенно необычные и порой таинственные вещи. Во-первых, я столкнулся с тем, что эта задача вообще невыполнима. Из-за огромного числа документов, подписей, из-за политической ситуации в городе. Дело в том, что горсовет Смоленска состоит из политических фракций, и депутаты фракций находятся в жёсткой политической конкуренции. Это нормально, но как убедить

депутатский корпус проголосовать «за»? Если я договариваюсь с одной частью депутатов – другие автоматически начинают выступать «против». Это норма внутрипартийной борьбы любого парламента мира. И я попадаю в ситуацию политической борьбы и политического торга.

Мы начали действовать пошагово. Сначала собрали документы и отдали их в топонимическую комиссию. Но дело в том, что, когда маму выгоняли из университета, а потом арестовывали, это было настолько резонансное дело в Смоленске, что, несмотря на прошедшие с тех пор 30 лет, старшее поколение до сих пор хорошо помнит эту историю и относится к ней достаточно напряжённо. Многие, на мой взгляд, не хотели бы, чтобы им напоминали об этом. Было понятно, что так или иначе этот вопрос коснётся губернатора. И я пошёл к нему. Алексей Островский стал губернатором в апреле 2012 года, он только-только принял дела и входил в курс дела: знакомился с людьми, менял кадровый состав. Я прихожу к нему на приём и начинаю рассказывать про маму, про то, что я здесь двадцать лет прожил; подарил ему мамыны лагерные мемуары. Мы с ним разговаривали минут сорок, и он сказал, что в целом поддерживает эту идею. Для нас это была первая серьёзная победа, потому что помимо поддержки Патриарха мы заручились поддержкой губернатора Смоленской области. Но губернатор ничего не решает. Решает горсовет. А добрая часть горсовета находится если не в оппозиции к губернатору, то во всяком случае не зависит от него. Это также обычная ситуация для любого города.

– И как же Вам всё-таки удалось повесить эту доску?

– Сначала у нас многое не получалось. Не могли то с одними договориться, то с другими... Кто-то сразу поддержал, кто-то говорил со мной неохотно, уклоняясь от ответов. В итоге мы не успели на сессию горсовета, которая должна была состояться в конце мая. Наш вопрос не был включён в повестку дня и, следовательно, к приезду Патриарха, который собирался посетить Смоленск 24 июня, мы не успевали повесить доску. А следующий горсовет должен был состояться после отъезда Патриарха, 30 июня.

Я вернулся в Москву опечаленный; мы долго говорили о том, что это тупиковая ситуация, что повесить доску будет чрезвычайно сложно. И тогда я сказал, что на всё воля Божья. Будет воля Божья – повесим, хотя не понимал как, а не будет – не повесим. И тогда мой сын Василий успокоил меня, сказав: «Папа, не волнуйся, не повесишь ты, повешу я, пусть даже через двадцать лет». И я как-то успокоился. Доска к тому моменту была отлита и лежала в мастерской у скульптора. Но однажды моя жена Люба шла по улице, задумалась и начала молиться о том, чтобы Господь подсказал, что делать. Пришла домой, подошла ко мне и неожиданно сказала: «Езжай в Смоленск, попробай снова». Я купил билет и перед отъездом позвонил отцу Андрею Милкину, начальнику патриаршего протокола. Это было где-то 16-17 июня. Спрашиваю: «Ну что там, как Святейший? Едет ли на следующей неделе в Смоленск?» На что отец Андрей мне отвечает, что Патриарх поедет в Катынь только 14-15 июля. И получилось, что из-за переноса визита я успеваю вынести свой вопрос на последнюю перед отпуском городскую сессию. Мы как сумасшедшие кинулись туда и непрерывно начали работать с депутатами. В итоге мы успели и собрать все документы, и представить их комиссии по социальным вопросам. Кстати, это была уникальная комиссия. На ней было всего шесть человек. Я там присутствовал. Пришёл также отец Серафим Амельченков, секретарь епархиального управления Смоленской епархии, поддержать меня, за что я ему очень благодарен, и пришла начальник управления культуры города Смоленска Екатерина Сергеева, которая тоже нам помогала. Очень умная и красивая женщина. По ситуации я понял, что все члены социальной комиссии принадлежат к разным политическим фракциям. Но дальше произошла фантастическая ситуация: каждый из них начал отстаивать эту доску перед другими. Был даже один иудей, который очень настойчиво начал доказывать необходимость установки этой доски в Смоленске. В результате все проголосовали «за» единогласно. Это было маленькое чудо, потому что я ожидал, что депутаты поссорятся между собой. Я много лет работаю с депутатами разных уровней и прекрасно знаю, насколько всё это непросто. В итоге вопрос

об установке мемориальной доски Т. Н. Щипковой был вынесен на заседание Смоленского городского совета, и все депутаты также единогласно проголосовали «за». Нам разрешили повесить доску на здании Смоленского университета.

– Что для Вас было самым сложным в этот период?

– Самой сложной составляющей был всё-таки университет. Потому что там до сих пор работают люди, которые помнят эту историю и отчасти причастны к ней. Это самый сложный и самый тонкий момент. Одна смоленская журналистка как-то брала у меня интервью для короткого телерепортажа и спросила после записи, кто из преподавателей донёс на маму, в результате чего её выгнали, а потом посадили в тюрьму. Я ей долго объяснял, что никто не доносил. Не было в университете, тогда в пединституте, ситуации, чтобы кто-нибудь, зная о религиозных убеждениях мамы, написал на неё донос в КГБ или ещё куда-то. Наоборот, некоторые её коллеги-преподаватели прекрасно знали о её взглядах. Они их не разделяли, они не были религиозными людьми, но все они относились к этому с уважением и пониманием, считая, что это её право. И никогда на неё ничего не писали, никто ничего не доносил.

– Но если не преподаватели из университета, то кто и откуда узнал о религиозных взглядах Татьяны Николаевны?

– О ней стало известно не столько в Смоленске, сколько в Москве. У нашей семьи были очень большие контакты в разных городах. Когда мы пришли в церковь, мы начали общаться с огромным количеством людей по всей стране. У нас был свой круг общения, мы собирались вместе, молились, делали свой самиздатовский журнал, купили в тверской области дом, который стал местом, где мы собирались. В общем, мы были довольно активны и не могли не привлечь к себе внимания.

Когда мы в Смоленске напечатали наш самиздатовский журнал, к нам пришли с обыском, арестовали журнал, и мы поняли, что наша

спокойная жизнь закончилась. Мы потеряли учебу, работу. Это был май-июнь 1978 года. Мы с женой учились на четвёртом курсе французского отделения, а мама там преподавала. У нас был первый ребёнок, которому не было и года. Потом сверху пришло жёсткое указание маму уволить и лишить учёной степени. Естественно, партийные организации, госбезопасность начали выкручивать руки руководству вуза, а руководство вуза – преподавателям, заставляя их голосовать. Сначала за увольнение с работы, а затем – за лишение учёной степени.

– И как же поступили преподаватели университета?

– В университете против мамы проголосовали все. Не было ни одного человека, который бы поднял руку «против» или воздержался. Если бы кто-нибудь поступил иначе, его бы уволили. Уволили бы всех несогласных, убрали бы ректора, проректора, если бы надо было, за-

менили бы полностью преподавательский состав. Мы прекрасно это понимали и никогда не осуждали их. Но они стали осуждать нас, потому что именно мы поставили их в сложную ситуацию. И мы много лет пытались понять, есть ли на нас вина. Может быть, надо было сидеть тихо и не высовываться? А с другой стороны, почему не высовываться? Так и сидеть под ярмом? Некто будет нам диктовать, как жить, что можно, что нельзя, запрещать ходить в церковь, запрещать крестить детей, а мы должны мирно это терпеть? Так ведь тоже нельзя. Хотя мы вовсе не призывали к смене власти или чему-то подобному. Мы не были антисоветчиками. Нас интересовали только церковные, религиозные вопросы.

– А были ли те, кто отказался участвовать в этом показательном процессе, пошёл на риск?

– Было совсем немного тех, кто не участвовал во всём этом. Например, мамина подруга, преподаватель математики Ирина Николаевна Демидова. Она сейчас очень старенькая и живёт в Петербурге со своей дочерью. Поскольку она была очень близкой подругой и очень часто бывала у нас дома, её вызвали в госбезопасность и спросили, почему она, уважаемый человек, преподаватель, не сообщила раньше, что видела у нас в доме иконы и что мы религиозная семья. На это Ирина Николаевна ответила, что не считала нужным об этом сообщать, это было наше право, и что мы не делали ничего плохого. В результате её выгнали с работы. Она была единственным человеком, который, хоть и не вставал на защиту, не бунтовал, не призывал оставить маму на работе, но просто сказал, что считает неправильным то, как поступили с мамой. За это она поплатилась работой. Так же как и мой друг, Игорь Маллер, мой крестник. Сейчас он служит протодиаконем в Смоленском Успенском Соборе, а тогда его за неделю до госэкзаменов пригласили в КГБ и предложили написать на меня какое-то заявление. Ему сказали – или пишешь, или прощаешься с дипломом. Он не написал, и его выгнали из института. Но таких людей были единицы.

А одна преподавательница пришла к нам домой поздно-поздно ночью, чтобы её никто не видел, потому что маму уже выгнали из университета. Пришла и попросила у неё прощения. Она проголосовала «против», но извинилась перед мамой, сказала, что её мучит совесть, но она не могла поступить иначе. Таких было также мало – она и ещё два преподавателя. Но это было для нас чрезвычайно важно. Потому что вопросы нравственного выбора в каком-то смысле намного важнее и интереснее, чем любая политическая проблема.

– А сегодня, спустя тридцать лет, вы нашли ответ на вопрос – была ли на вас вина за всё произошедшее?

– Это проблема, которую мы в семье обсуждали в течение многих лет, если не сказать десятилетий. С одной стороны, мы имели полное право поступать так, как мы поступили, – исповедовать свою веру открыто. Мы практически не скрывали своих убеждений, просто в Смоленске об этом узнали в последний момент, а в Москве, Ленинграде мы собирались, молились, могли, например, в кафе на Ленинградском вокзале громко петь «Отче наш» (в 1973 году) – молодые были, не без эпатажа. Но мы не скрывались, мы не жили подпольной жизнью, мы считали, что по Конституции имеем право на свободу совести и это наше право – жить, молиться, воспитывать наших детей так, как мы хотим. Мы стали жить так по факту. Но при этом мы действительно поставили людей в очень сложную ситуацию. И спустя много лет, мы стали задумываться о том, имели ли мы право так поступать. Ведь тогда мы думали о себе, о своих интересах, о своих правах. Мы не специально поставили людей перед выбором – мы были довольно наивны, и нам, честно говоря, в голову не приходило, что такое может случиться. И конечно, то, что произошло, стало очень сильным ударом. Мы даже не поняли толком, что случилось. Жизнь стала другой, она изменилась в один день. Разумеется, мы многих поставили в чрезвычайно сложную ситуацию, ситуацию выбора – голосовать или не голосовать, рисковать своим благополучием или нет. Ведь в то время встать на нашу защиту – значило потерять всё.

Вернувшись в Смоленск с бронзовым портретом спустя три десятилетия, мы это всё снова всколыхнули внутри университета. Мы сами сомневались, молились, но поняли, что доску всё-таки должны повесить. Я долго разговаривал на этот счёт с ректором университета Евгением Кодиным, он был не против, но сказал, что «должен решать коллектив». Это был сложный период и самые сложные переговоры, детали которых не следует выносить на публику. Но в конце концов ректорат принял положительное решение и выдал его нам на руки.

Лет за десять до того, как маму лишили учёной степени кандидата филологических наук и уволили «вследствие недостаточной квалификации», в нашем институте произошла очень похожая история. Преподаватель той же французской кафедры, еврей — помню только его фамилию — Масис — подал документы на выезд в Израиль. За это его точно так же предали остракизму, уволили и устроили общее собрание, на котором приказали голосовать за лишение учёной степени. Единственным человеком, который тогда проголосовал «против», была моя мама — Татьяна Щипкова. Не понимаю, почему её не уволили уже тогда за «пособничество сионизму». Наказание было «мягким» — всего лишь лишили очереди на квартиру (мы жили в общежитии).

– А как Татьяна Николаевна пришла к вере и религии?

– Мама была внучкой священника, он умер до её рождения. А поскольку её мать погибла в блокаду, её воспитывала бабушка-попадья. Мама, конечно, была человеком неверующим, комсомолкой, училась в университете. Но они жили с бабушкой в одной комнате; там всегда были иконы, всегда было Евангелие. Мама в церковь не ходила, но ходила бабушка, и бабушка за неё всегда молилась. Мама не была атеисткой – была просто неверующим человеком. При этом она была человеком культуры. Она всегда много читала, в том числе Евангелие, потому что каждый культурный человек должен знать Евангелие. Спустя какое-то время, когда мама стала заниматься лингвистикой и училась в аспирантуре, она начала изучать историю старорумынского

и старофранцузского языков. Среди текстов, с которыми она работала, были Псалтирь и Деяния Апостолов. И она их читала по-французски, по-старофранцузски, по-румынски, по-старорумынски, по-русски. Ей надо было их сравнивать и изучать. Я думаю, что эти тексты не могли не повлиять на её образ мыслей. Она была лингвистом и не просто читала тексты – она погружалась буквально в каждую фразу, в каждое слово. Как грамматисту ей важно было именно построение фраз. Если объяснять по-простому, то она изучала систему управления в предложении одних слов другими. Такое углублённое погружение в священные тексты не может не дать результата. Я думаю, именно так мама и пришла к вере. В какой-то момент она просто почувствовала себя верующей.

– Что значит почувствовать себя верующим человеком?

– Просто однажды, в какой-то случайный день ты вдруг осознаешь, что Бог есть. Понимаешь это как-то изнутри и от этого уже невозможно отказаться. А второй момент – когда чувствуешь, что у тебя с Ним есть какие-то взаимоотношения, какой-то контакт, пусть даже слабый. Это может быть и зачаточная молитва, когда ещё не умеешь молиться и плохо понимаешь, что это такое, но уже молишься, у тебя есть это ощущение эйфории, не взрывной, эмоциональной, а другой – мягкой, тёплой. Мне кажется, что у мамы было именно так – медленное количественное накопление, которое потом переросло в качественное и стало абсолютно естественным. Свою роль сыграла и классическая европейская литература, основанная на христианской морали.

– Наверное, вашей маме было очень трудно тогда жить?

– В каком-то смысле, да, в плане неустроенности маме было очень трудно жить. Но в каком-то смысле – очень легко. Она была человеком культуры, и этот мир культуры был абсолютно естественным для неё. Поэтому когда она жила в Смоленске в нищете, это её никак не заде-

вало. У неё были дорогие книги, дорогие альбомы с дореволюционной калькой, которые она покупала. Вот где было настоящее богатство, в мире искусства. Конечно, в Ленинграде она всегда ходила в филармонию и брала с собой меня. И я навсегда запомнил скрипучий пол ленинградской филармонии. Или когда Рихтер приезжал в Смоленск и играл в полупустом зале, мама обязательно ходила на эти концерты. Как у каждого советского музыканта, у Рихтера были обязательные гастролы по городам Союза. В Смоленске филармонии не было, а зал с хорошей акустикой был в мединституте, на кафедре стоматологии, где до революции располагалось дворянское собрание. Там Рихтер и играл. В зале, рассчитанном на триста человек, сидело пятьдесят человек. Мы также ходили на молодого Николая Петрова, царствие ему небесное, когда он ещё не был известным и часто приезжал в Смоленск. Она любила мир музыки.

– Как она тогда пережила все эти гонения и лагерные сроки?

– Маму осудили по статье 206.2 – это уголовная статья за злостное хулиганство. Когда мама находилась в Москве с друзьями (я в это время служил в армии, потому что меня выгнали из института), к ней пришли с обыском и проверкой документов. У мамы в руках была записная книжка, и дружинник попытался отнять у неё эту книжку. Мама, естественно, не давала. И тогда мужчина заломил ей руку и отобрал книжку. Мама в ответ дала дружиннику пощёчину, хотя и пощёчиной-то это трудно назвать. Она была очень маленького роста, а он высокий. И она махнула рукой и задела его по подбородку, чисто инстинктивно, по-женски. Маме было 50 лет, а ему – не больше 23. На суде он выступал как потерпевший. Мне рассказывали, что на суде он сгорал от стыда, потому что ему читали хвалебные характеристики – комсомолец, общественник, дружинник, мастер спорта по боксу. И в суде даже не понимали этой несурязицы, не понимали, что мама, метр сорок шесть ростом, с сильнейшей глаукомой, никак не могла избить мастера спорта по боксу. Они даже не смогли придумать что-либо более правдоподоб-

ное, что ещё раз подтверждало, что обвинение и дело были абсолютно липовыми.

– Сколько лет Татьяна Николаевна провела в лагерях и смогли ли она потом вернуться к преподавательской деятельности?

– Мама провела в тюрьме три года. Потом мы уехали в Ленинград, жили в коммуналке. Но маме не разрешили там сделать прописку. Дважды её арестовывали, увозили на ночь с предписанием в течение 24 часов покинуть город. Мы стали её прятать. Сначала у родственников. Когда поняли, что можем подставить их, прятали по знакомым. Потом и знакомые стали испытывать затруднения. Было страшно. Помогли псковские батюшки, прописали её в деревне, сумели сделать паспорт, без которого она прожила почти год. Постепенно ей всё-таки разрешили жить в Ленинграде, и она уже жила с нами, работала сторожем-вахтером. А начиная с 1991-1992 годов стала работать учительницей французского языка в гуманитарных классах при только что открытом Богословском Институте. Потом мы переехали в Москву, забрали маму с собой. До 77 лет она преподавала, написала лагерные воспоминания, написала четырёхтомный учебник французского языка (так и не изданный до сих пор). Мама перевела роман французского писателя Леона Блуа «La Femme Raucve» – «Бедная женщина». Этот сложный роман о трагической судьбе одинокой женщины наполнен глубоким христианским содержанием. Перевод лежит у меня дома, ждёт своего издателя.

– Помимо того, что эта мемориальная доска посвящена Вашей маме, каково ещё её значение сегодня?

– У нас в России до сих пор не было ни одного мемориального знака, посвящённого гонимым православным. Есть памятники жертвам репрессий, и их довольно много. Есть памятники жертвам Холокоста. На Кавказе есть памятники и знаки погибшим или пострадавшим в советское время. Ведь мусульман преследовали не меньше. А православ-

Мемориальная доска Т.Н. Щипковой в Смоленске.
2012 год

ным – нигде ничего не было. Ну, если только в сонме жертв политических репрессий. Поэтому мы настаивали том, чтобы на доске была приведена эта надпись: «пострадавшая за православную веру в годы гонений». Мы не хотели ничего выпячивать – мол, мы православные, мы лучшие, мы пострадали. А лишь хотели подчеркнуть, что мы тоже были, тоже страдали. И мне кажется, эту мысль хорошо почувствовал и понял Патриарх Кирилл. Выступая на открытии нашей мемориальной доски, он сказал, что хотел бы видеть подобные памятные доски и знаки повсюду, потому что они будут нам всем напоминать о людях, кото-

рые за веру, за внутреннюю свободу готовы были платить ценой личных невзгод. Памятники, мемориальные доски – это визуальное искусство, которое окружает человека, формирует его мир, его нравственность, мировоззрение. Скульптура создаёт необходимую атмосферу, которая в итоге облагораживает людей. И мы, православные, верующие, носители христианских ценностей, должны формировать это пространство в своей стране. В том числе ставя памятники тем, кто создавал нашу страну, защищал её и страдал за неё. Сохранить память о тех сложных годах, о смелых людях, о гонениях и вере, которая, не смотря ни на что, была сохранена, – это и есть наш долг.

23 февраля 2014 года

Информационное агентство «Росбалт»

Беседовал политолог Сергей Шелин

ПРИШЕДШИЙ ИЗ ДЕВЯНОСТЫХ

Сегодня Александр Щипков – яркий общественный деятель, учёный и публицист. Но его дорога к этому не была обычной. Придя к вере подростком, Александр Щипков полтора десятка лет вёл жизнь отторгаемого советской системой православного активиста. Его мать Татьяна Щипкова, преподаватель смоленского вуза, отбыла срок за организацию подпольного религиозного семинара. Сам он сделал классическую «карьеру» человека из ленинградского андеграунда: был грузчиком и кочегаром. Смена политического режима позволила Щипкову покинуть подполье. С начала и до конца 1990-х он работал «год за два, занимаясь и научными исследованиями, и практической журналистикой, и борьбой за возвращение храмов». Но в августовские дни 91-го в борьбе с путчистами участвовать не захотел, хотя и понимал, как много благ ему принесёт победа Ельцина.

– Ну и как встретили путч, Александр Владимирович?

– 19 августа 1991 года я находился в Москве. Звоню Глебу Якунину. «Отец Глеб, что происходит?» – «Саша, не до разговоров, бросай всё, езжай в Белый дом». Приехал к Белому дому. Раннее утро. Суета. Вошёл. Вышел. Опять зашёл, снова вышел. Искал знакомых. Не нашёл. И тут вход перекрыли. Вот ведь как интересно бывает в жизни. Если бы я случайно остался с той стороны двери, то, наверное, моя жизнь сложилась бы по-другому. Потому что я стал бы смотреть на этот мир из окна Белого дома. А так мне крупно повезло. Я остался всё-таки с моим народом – «там, где мой народ, к несчастью, был».

И все эти три дня я находился в состоянии очарованного странника. Понимал, что происходят тектонические события. А вместить их в своё сознание не мог. Было ощущение того, что мне не хочется в этом участвовать, нет желания быть охотником и добывать этого огромного раненого зверя – при том, что лично я как «деклассированный элемент» кроме благ ничего от победы Ельцина не получал. Ведь моя самая первая мысль 19-го августа, когда меня разбудили и сказали о перевороте, была такой: «О Господи, опять в кочегарку!...»

– Вы не могли присоединиться к людям, которые защищали ваше дело?

– Нет, это не было моим делом. Я им не верил. Ну, коммунисты. Ну, перекарасились. Потому что коммунисты всегда врал. Потому что коммунисты нас, православных, преследовали. И верить коммунистам...

– ...Но Путину вы же верите? Тот же был коммунистом. Ещё и сотрудником органов, если вас это дополнительно к нему располагает.

– Вы пытаетесь наложить политическую ситуацию 2014 года на те дни. Но тут не может быть прямой корреляции. На нынешнее состояние России я смотрю иначе. И страна другая, и я – другой. А тогда рассуждал так: не мое. Я-то из диссидентов. Из андеграунда. Быть властью считалось неприличным.

– Когда вы преодолели синдром человека из андеграунда?

– В начале 90-х мне предлагали заняться политикой, пойти на выборы, и с моей «антисоветской» биографией я бы в те годы их легко выиграл, но я отказался. Побрезговал. Сейчас бы поступил по-другому. Если не сделаешь сам, за тебя решат другие. И я продолжал работать в кочегарке еще в 1992 году. Мой сменщик Митя Шагин (художник, основатель группы «Митьки» – *примечание редактора*) и многие мои друзья-кочегары вышли из подполья гораздо раньше. Психологически после 15-ти лет работы по «рабочей сетке» самым сложным для меня было сказать себе: «я больше не кочегар», – и рискнуть начать жизнь сначала в 35 лет. В середине 90-х я пришёл в газету «Смена» религиозным обозревателем.

– Трудно вам там приходилось?

– Я немного стеснялся раскованной молодёжи, но меня даже не спросили, почему у меня нет диплома о высшем образовании. В светской газете я создал целую полосу на религиозно-политическую тему. Это был прорыв в религиозной журналистике.

– То есть светская и, насколько помню, либеральная газета, увидев, что вы предлагаете интересные материалы, охотно их ставила. Вам ничто не мешало делать своё дело. Неужели вас отталкивал тогдашний дух свободы?

– Нелиберальных газет тогда не было. Да и сегодня их не больше, чем пальцев на одной руке. Я рассуждал прагматично: если эта свобода

ненадолго, то мне нужно успеть сделать как можно больше. Я уже прожил первую половину жизни, у меня было мало времени, и я работал год за два. Я занимался и научными исследованиями, и практической журналистикой, и борьбой за возвращение храмов. Господь пошёл мне навстречу. Мне комфортно было в «Смене», а потом ещё комфортнее на Петербургском радио и на «Радио России».

– Выходит, дело не в конкретных СМИ, а в духе того времени.

– Ничего подобного. Дело в конкретных людях, которые были моими начальниками. Они давали мне большой люфт свободы. Если бы не давали – я бы развернулся и ушёл немедленно. Не из гордости, просто у меня не было времени. Я много экспериментировал и, думаю, им самим было интересно то, что я делаю.

– «Борьбой за возвращение храмов»... разве в 90-е годы были гонения на веру?

– Ельцин объявил в 91-м, что государство вернёт нам все храмы. В Петербурге на тот момент было всего шесть действующих храмов. Мы начали создавать приходские советы и подавать ходатайства о возвращении зданий. Но Собчак сопротивлялся с такой силой!.. По каким-то политическим соображениям, которые в конечном счёте были антиклерикальными. Каждый храм давался с боем. Сборы подписей, митинги, несанкционированные молебны...

– А может, так и должно быть? Если людям нужен храм, то они уж должны приложить какие-то усилия, чтобы выселить из здания разные учреждения, музеи и прочее? Мне кажется, что уважают только то право, которое отстаивают. Если градоначальник просто берёт и жалует здание храма, то он же может и отнять его в любой момент.

– Мы должны были бы организовывать сбор средств на ремонт, реставрацию, а нам приходилось тратить силы на политические методы и выколачивать из Смольного то, что в Кремле обещал Ельцин. Обращу ваше внимание на то, что Закон о возвращении церковного имущества был принят только в конце 2010 года. Почему он не был принят сразу в 1991-м? Почему тянули 19 лет? Ответа нет...

– Но можно ли, глядя из сегодняшнего дня, всерьёз назвать это время годами угнетения РПЦ, непризнания её естественной роли? Или, может быть, РПЦ претендует на такую роль, которую не все считают естественной?

– У нас в Петербурге, безусловно, было политическое давление на Церковь со стороны Собчака, который пытался создать специальный Межрелигиозный совет во главе со светским чиновником. И он очень сердился на митрополита Иоанна (Снычёва), который расстроил этот хитрый проект. Я однажды разговаривал с Собчаком о Боге. Позвонил в его пресс-службу и говорю: «Можно взять интервью?» – «А тема?» – «О Боге». Через неделю получил приглашение.

– Оцените это согласие. Человек не обязан рассказывать о своей вере. Мэр добровольно согласился говорить о вещах, видимо, нелегких для него.

– Первый вопрос, который я задал, – верит ли он в Бога, и он ответил утвердительно. Это был тяжёлый разговор. У меня возникло ощущение, что у него внутри глубокие и неразрешимые проблемы. Он выглядел очень растерянным. Через какое-то время я понял, почему он согласился меня принять. Ему не с кем было поговорить на эти темы, он хотел разобраться в самом себе.

Но такой разговор возможен либо со священником, либо с кем-то очень близким, кто тебя любит, кто готов принять твою боль, твои сомне-

ния, твою слабость. А Собчак согласился на встречу с совершенно незнакомым человеком. И это его одиночество... Я видел, что человек нуждается в глубокой исповеди. Но я был совершенно не готов к этой роли, не хотел, да и не имел на неё право. И я перевёл разговор в политическое русло.

– Не кажется ли вам, что в «проклятые 90-е» религиозно-церковная жизнь развивалась гораздо более естественным порядком? Глава города беседовал с православным активистом о вере. Так или иначе, но возвращали храмы. И антиклерикальных настроений я тогда не наблюдал. А сейчас вижу. Ещё недавно передовые люди не были антиклерикалами. Сегодня они – антиклерикалы, даже если определяют себя как православных. Возродился атеизм, вроде бы во все сошедший со сцены. Среди молодых образованных людей много демонстративных атеистов. Разве это не результат огосударствления РПЦ и охранительных установок её иерархии?

– Волею истории в 1980-е–1990-е годы для демократических сил Церковь оказалась попутчиком в борьбе с коммунизмом. И критиковать Церковь в СМИ было не принято. Потому что такова была позиция правящих политических кругов. А в 2011 году это неофициальное табу было снято. И этот факт явился прямым отражением борьбы политических элит.

– А может, всё объясняется проще? Антиклерикальные настроения вырастают из вполне зримых вещей. Из охоты на «оскорбляющих чувства». Из показательных процессов. Из жестоких наказаний. Дело Pussy Riot стало хрестоматийным, но ведь карательные дела всё прибавляются.

– Эти плясуны – просто чужие орудия. Их использовали и ещё какое-то время будут использовать. И на вопрос, кому было выгодно их сажать в тюрьму, ответа нет до сих пор. Ответ – в архивах, и узнаем мы о нём нескоро. Но очевидно, что это было нужно не Путину. Лично я не ратовал за то, чтобы их сажали на реальный срок...

– Вы могли ратовать за то, чтобы не сажали...

– Нет, это извините. Это – к суду. Они – напавшая сторона, а церковь – потерпевшая сторона. Есть такой испытанный идеологический трюк – поменять местами жертву и нападающего. Что говорили учебники научного атеизма в 70-е годы? Что Церковь сама виновата в массовых репрессиях 20-х годов, поскольку к 1917 году, мол, так «разложилась», что вызывала отвращение и омерзение у народа. И тем самым спровоцировала расстрелы и казни. Антиклерикально настроенные девицы, ворвавшиеся в храм, были объявлены жертвами, а виноватыми оказались те, против кого была направлена их агрессия.

Антиклерикализм был, есть и будет. Он то стихает, то обостряется на протяжении всей христианской истории. Сравните с Холокостом. Нацисты говорили, что евреи сами виноваты в своём истреблении. Их поубивали в несметном количестве, а они ещё и виноваты. Почему? Потому что у них много денег, надрывная музыка и неприятные пейзажи. А православные попы ездят на мерседесах, поют гнусавыми головами и не моют патлатые космы. Это ведь то же самое. Этот подход лишён логики. Но не лишён, увы, ненависти.

– Вы сильный полемист. Но разве наступление на различные сферы, которое предпринимает РПЦ, причём не естественным порядком, а постоянно взывая к власти за помощью, особенно материальной, с непременными просьбами наказать каких-то очередных обидчиков, – разве сращивание с государством не ведёт к изоляции церковной иерархии?

– А это сращивание вовсе не аксиома. Это элемент информационной борьбы. В медиапространстве создаётся фантом клерикализации государства, мем, который запускается и воздействует на общество.

Клерикализация – это возможность какой-либо религиозной организации влиять на принятие государством политических решений. Но

ничего подобного нет при Путине, не было при Ельцине, и даже при Романовых, отношение к которым в православной среде далеко не однозначное. В российской истории Церковь никогда не допускалась государством к принятию политических решений. Но заметим, что её всегда призывали к помощи в минуты грозной опасности.

– Сейчас популяризуется идея симфонии, церковно-государственного сотрудничества.

– Слово хорошее, и для церковного уха знакомое и родное. Но каждая эпоха всё-таки должна вкладывать в него свои смыслы. И наша симфония возможна только в одном случае – если и со стороны Церкви, и со стороны государства будет понимание того, что они могут что-то совместно делать в рамках партнерских отношений. Но не в слиянии.

– Тогда это, видимо, подразумевает симфонию и с мусульманским духовенством. Могут быть две симфонии?

– Могут. Полисимфония – это обычная конкордатная система. Она существует в разных странах. Это когда государство и крупные религиозные организации заключают договоры и определяют в них права и обязанности сторон. Сразу такую систему ввести невозможно. Мы в России неспешно двигаемся в этом направлении. Заключаются договоры между Церковью и, скажем, Минздравом, Минобороны. У мусульман то же самое. В некоторых регионах и протестанты заключают такие договоры.

Поначалу, в 90-е годы, когда я писал о конкордатной системе, многие православные воспринимали это в штыки. Они боялись, что это может вылиться в аналог Совета по делам религий времён СССР.

– Конечно.

– Конечно, нет. Потому что Совет по делам религий – это государственный орган, который устанавливает для религиозных организаций свои

правила поведения. А конкордат – это договор двух равноправных сторон. Он помогает в решении многих технических проблем. Вы не представляете, например, как сложно отправить в хадж огромное число верующих. Это связано с безопасностью граждан, визами, согласованием обязательных вакцинаций и проч. Тут невозможно обойтись без участия государства.

– Подобные ситуации понятны. Обычно с опасением говорят о других ситуациях.

– Есть такая либеральная точка зрения, что религиозные организации должны быть отделены от государства глухой стеной. Но это ведь нереально. Государство существует для всех нас, оно обязано разрешать какие-то споры, оно должно советоваться со специалистами, которые знакомы с проблемами.

– Вашими бы устами. Потому что в кругах людей, не то чтобы антиклерикальных, но, скажем так, не церковных, очень популярна мысль о том, что церковная иерархия – это нечто вроде департамента кремлёвской администрации.

– Ещё одна идеологема, ещё один мем. На самом деле, скажу как человек знающий, взаимонепонимание – я беру самое мягкое слово – возникает между представителями Церкви и представителями государства довольно часто.

– РПЦ – структура иерархическая по определению. Со своей вертикалью. Совместима ли она с политической демократией?

– Церковь совместима и с демократией, и с монархией, и с любым другим устройством, потому что вера – это общение с Богом и вопрос спасения, вопрос смерти и вечной жизни. Всё остальное существенно, но второстепенно. И вопрос спасения человека для вечной жизни никак не связан с политическим устройством государства.

– Кто вы по политическим убеждениям?

– Почему-то считается, что все православные – монархисты. Это не так. Что касается политических ярлыков, то термины «демократ» или «патриот» ничего не объясняют. Моя политическая позиция – социальный консерватизм. Считаю, что в России необходимо совместить левую идею с консервативной. Я человек левых взглядов в экономике, я за социальное государство. И я консерватор в нравственной сфере – традиционная семья, традиционная культура, традиционная религия.

– Вы антилиберал?

– Да. Когда я пишу статьи, в которых объясняю свою левоконсервативную позицию, то неизбежно оппонировать либералам. Потому что это противоположный образ мысли. Социальное государство противоположно рыночному государству с его тотальной конкуренцией и идеологией выживания сильнейшего. Это противоречит христианскому пониманию человеческих отношений. Но социальное государство, лишённое религиозной нравственности (так было в СССР), меня тоже не устраивает. Здесь я консерватор.

Понятие «свобода» для меня никак не связано с либерализмом. Свобода – это внутреннее состояние человека.

Носителями либерализма как идеологии в России последние сто лет являются интеллигенты. В 2013 году в сборнике «Перелом» я опубликовал статью «Смерть интеллигенции», которая послужила причиной обиды многих моих друзей и знакомых. Интеллигенция в России всегда претендовала на монопольное право владения свободой. Я же считаю, что интеллигенция в 90-е годы предала свои идеалы нестяжательства и свободомыслия и исчезла. Вместе с ней на наших глазах исчезает и российский либерализм в той его форме, которая утвердилась после 1945 года.

Когда занимаешься политической и религиозно-политической публицистикой, то идеи часто приходится формулировать, чуть-чуть их заостряя. Иначе тебя не поймут. И это, конечно, вызывает обострённую

реакцию. Хотя в отношениях с людьми я стремлюсь чётко разделять мировоззренческое и личное. И всегда скорблю, если политические, идеологические вещи становятся для людей непреодолимым препятствием в личном общении.

– Что бы вы сказали образованной молодежи, практикующей атеизм?

– Я бы им сказал, во-первых, чтобы в утверждении своего мировоззрения они постарались не быть агрессивными по отношению к другому мировоззрению.

Во-вторых, как человек, который пришел к вере в юном возрасте, но всё-таки не с младенчества (мне было 16 лет), могу сказать, что вера – вещь абсолютно иррациональная. Заставить человека верить невозможно. Но в жизни каждого без исключения бывает ситуация, когда Бог открывает ему эту тайну. Ни за какие-то заслуги или жертвы, а просто так – бесплатно, в дар. Но, как правило, этого первого подарка мы не замечаем, отказываемся от него. Ты вдруг понимаешь, что Бог есть, но ты закрыл глаза, отвернулся и ушёл от этого. Потому что это очень большой груз. Помню по себе. Когда ко мне пришло это чувство, то первое, что у меня было, это ощущение страха: я что-то узнал такое, с чем не смогу не считаться всю свою жизнь.

И такое бывает у каждого. Обращаясь к этим ребятам, я бы им посоветовал быть очень внимательными к самим себе. В том числе и тогда, когда они отстаивают свой атеизм, в самом названии которого уже заключено слово «Бог». Атеизм – противобожие. Вы формулируете свои взгляды, отталкиваясь от Бога, а значит, опираясь на Него. Он уже присутствует в вашей жизни.

– Говорим с вами о возвышенных вещах, и я вижу человека, многое пережившего и продумавшего, которому есть, что сказать другим. Говорим о злобе дня, и я вижу охранителя, и довольно немилосердного. Даже и не притворяюсь, что понимаю вас.

– Два человека могут не понимать друг друга, когда обсуждают идеологические вопросы и связанные с ними политические выводы. Могут находиться как бы в разных мировоззренческих плоскостях. Это побуждает к спору, но это вовсе не трагично. Трагично, когда два человека обсуждают возвышенные вещи и вдруг оказываются в разных нравственных плоскостях. Тогда они обречены на вечное взаимонепонимание, на вечную ошибку.

10 октября 2013 года

Газета «Крестовский мост»

Беседовал гл. редактор Валерий Коновалов

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КРОВЬ

Весной 2013 года Александр Щипков инициировал подготовку, составил и издал сборник аналитических статей «Перелом», в котором неожиданные для многих суждения о проблемах России высказывают Виталий Третьяков, Сергей Черняховский, Евгений Белжеларский, Виктор Потапов, Михаил Тюренков, Максим Кантор и сам составитель. Эксперты сразу же назвали «Перелом» новыми «Вехами». Сборник получил самую высокую оценку. Авторы попытались синтезировать понятия «традиция» и «справедливость» и предложить их в качестве основания для новой российской идеологии, направленной на построение социального государства. А сам Александр Щипков в своей статье утверждает, что интеллигенции в России больше не существует.

– Почему вы поставили интеллигенции смертельный диагноз, Александр Владимирович?

– Это констатация. Ведь «ген смерти» был заложен в организме интеллигенции с самого начала. Теперь её судьба становится очевидной. У нас интеллигенцию воспринимали с её же подачи как нечто священное, как совесть нации. Интеллектуальная высота и врождённая нравственная безупречность якобы позволяли ей учить народ и учить власть.

– Но никто не наделял её таким правом. Она сама его себе присвоила.

– Нигде в мире такого нет. Эта прослойка возникла именно в России. Начиная со второй половины XIX века она набирала силу. В начале XX века пыталась создать государство по своему видению. И создала его в 1917 году. Она хотела порулить, но не справилась с управлением государством. Развалила его. И тогда Сталин, которого интересовала только власть, начал в 1937-м избавляться от интеллигенции, вместе с которой делал революцию. Именно за это и только за это интеллигенция ненавидит Сталина. Он её предал, отобрал у неё власть. Отсюда такая ненависть. А когда до этого Сталин уничтожал крестьянство и духовенство, интеллигенция не только молчала, но и активно ему в этом помогала.

– Миссия, на которую претендовала интеллигенция, похожа на миссию Церкви, только без веры?

– Вы абсолютно правы. Если бы интеллигенция не претендовала на роль Церкви, она бы не боролась с Церковью. В этом и проблема. Поэтому она и стала вытеснять Церковь в начале XX века как конкурента. Ещё до 1917 года она относилась и к Церкви, и вообще к нравственным принципам в лучшем случае снисходительно, а в худшем – отрицательно. А когда взяла власть, стала делать то, что очень созвучно и нынешним либералам. В 1918 году, впервые в мировой истории, например, были разрешены аборты.

Ведь богоборцы начала XX века – те же, что и в начале XIX века. Они просто поменяли политическую ориентацию. Раньше они выступали за обобществление богатств, сейчас – за частную собственность. Но антихристианское мировоззрение у них сохранилось. Нам говорят, что коммунисты были богоборцами, потому что они коммунисты, а либералы не могут быть богоборцами, потому что они за свободу. На самом же деле прямой связи тут нет. Коммунисты были богоборцами потому, что они были антихристианами, так же как и нынешние либералы.

– Но ведь и церковно-диссидентское движение, в котором вы участвовали в советское время, тоже считалось интеллигентским?

– Это далеко не так. Основная роль здесь принадлежала монашеству. От него подпитывалось и белое духовенство, и мы – миряне. Отдельный разговор – о подпольщиках-неофитах. Я рос в интеллигентной среде, но в нашем молодёжном неофитском круге были самые разные люди, многие – из семей рабочих, служащих. Нас объединяла принадлежность не к определённому социальному слою, а к православию. Мы пришли в Церковь и приняли решение этого не скрывать. А это потянуло за собой массу проблем, поскольку мы вошли в мировоззренческое противостояние с советской властью, которая была носителем атеистической идеологии.

Но одновременно мы вошли в острое противоречие и с интеллигентской средой. В середине 1960-х я был подростком, а мама – преподавателем высшей школы. У нас дома бывали преподаватели, художники, писатели. Они любили Окуджаву и Галича, восхищались Галансковым и Сахаровым. А когда мы пришли в Церковь, то стали выпадать из этой «шестидесятнической» фрондирующей среды. Большую часть знакомых раздражали наши религиозные интересы. Одни говорили: это, конечно, ваше право, но вообще-то это дикость и мракобесие. Другие упрекали: вы всех нас подставляете со своей религией. И действительно, когда маму арестовали, то на допросы вызывали её друзей, которые не испытывали к православию никаких симпатий. Они не то чтобы пострадали, но им это было неприятно. Приходилось делать нравственный выбор: проголосовать или не проголосовать. Голосовали они так, как требовала власть, а это создавало психологический дискомфорт для них, привыкших считать себя совестью нации.

Постепенно я начал задумываться: а что это за среда, в которой я нахожусь? И в какой-то момент я понял, что она для меня чужая. Хотя многих из этих людей я безмерно уважаю и люблю. Но в целом это чужая среда. А есть иной мир – мир Церкви. Он принципиально важнее. И является существом моей жизни.

– Сожаления об интеллигенции у вас нет?

– Что же и кого тут жалеть? Это очень жёсткая, замкнутая и тоталитарная среда со своими правилами и законами. Раньше у интеллигенции было кодовое название «приличные люди». Чего только стоит правило «нерукопожатности». Это система обструкции, когда человека изгоняют из общества, делают изгоем. Это дедовщина своего рода. Вспомните, как травили Чулпан Хаматову, набрасывались на неё все вместе и рвали на части. Причём это присуще как либеральной интеллигенции, так и националистической. Это не зависит от идеологии, это свойство касты, свойство прослойки. Интеллигенты ведь и внутри вида нещадно воюют. Вспомните, как они перегрызлись в 2012 году в борьбе за радиостанцию «Свобода».

Ну а поворотным моментом в судьбе интеллигенции стали события начала 1990-х. Тогда она раскололась. Часть столичной интеллигенции предала всю остальную, пойдя служить Ельцину, получив льготы, средства, доступ на экраны. Остальных они предали и просто выбросили за борт, обозвав «бюджетниками». Интеллигенция перестала быть единым целым, несмотря на то, что своим девизом считала строку «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». А в октябре 1993 года была поставлена последняя точка. Интеллигенты написали Ельцину знаменитое письмо с требованием стрелять в защитников парламента. В историю это письмо вошло как «письмо сорока двух». Они призывали убивать людей другого мировоззрения! Такого позора русская культура ещё не знала. Среди подписавшихся – Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Дмитрий Лихачёв...

Менее известные литераторы, которые по рангу не могли встать рядом с подписантами «письма сорока двух» тут же организовали «Союз 4 октября». Имена их вы легко найдёте в Интернете. Их повязала пролитая кровь, и они гордились этим! Интеллигенция, которая призывает к убийству и говорит: мы совесть нации! Какая же вы совесть? Вы нечто противоположное. На этом интеллигенция закончилась.

После этого они всё ещё пытаются что-то придумать. Теперь они за рынок, за обогащение. Останемся, дескать, совестью нации, только это будет богатая совесть нации. Выглядит всё это недостойно.

– И что же дальше, этот термин вообще уйдёт?

– Постепенно термин уйдёт в историю. История России долгая, а феномену интеллигенции всего полторы сотни лет. Любопытный феномен. Но конечный. Его будут изучать.

О ПАМЯТНИКАХ

11 сентября 2013 года
Газета «Октябрь», г. Таруса
Беседовала гл. редактор Галина Плущевская

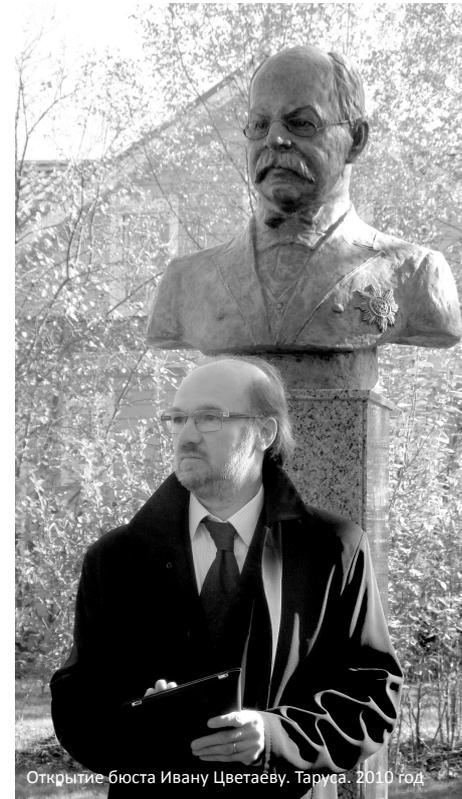
ИВАН ЦВЕТАЕВ

Дело не в величине памятника, а в величине памяти

12 сентября 2013 года исполняется ровно 100 лет со дня смерти Ивана Владимировича Цветаева – человека, чьё имя, как и память о нём, давно и прочно принадлежит тарусской земле. В канун этой даты мы взяли интервью у А. В. Щипкова – нашего постоянного автора и собеседника, человека, чьими стараниями и попечительством в Тарусе появились бюст И. В. Цветаева и мемориальная аллея его имени.

– Александр Владимирович, приближается очень значимая для нашего города дата, связанная с именем человека, которому история государства Российского многим обязана, – Ивана Владимировича Цветаева. Аналогов тому, что он сделал для отечественной культуры, не так много. Расскажите, что для вас значит личность И. В. Цветаева? Что подвигло вас к установке памятника ему в нашем городе?

– Как всегда, всё происходит отчасти помимо нашей воли, а отчасти – по нашей воле. Когда мы приехали в Тарусу, то поселились в районе дачи Песочное, где жил когда-то Иван Владимирович Цветаев со своими близкими. В нашей семье его знали и глубоко ценили – это фигура фантастического масштаба. Видите ли, в культуре есть люди Слова – поэты,

Открытие бюста Ивану Цветаеву. Таруса. 2010 год

писатели. Есть люди Звуча – музыканты и композиторы. Есть люди Линии и Цвета – художники, скульпторы. Они все творцы. Но есть ещё в искусстве люди Дела. И вот таким человеком Дела и был Иван Владимирович Цветаев. Он сам не был творцом в общепринятом смысле этого слова, но при этом сделал невероятную для русской культуры вещь – он соединил её с западной культурой. Это была его миссия.

– Но разве Россия не знала западной культуры до Ивана Владимировича Цветаева?

– Да нет, знала, конечно, но он поставил перед собой иную задачу: не просто принести в Россию образцы иной культуры, не просто познакомить русских с великими творениями западных живописцев и скульпторов, но сделать это для молодого поколения.

– Это был образовательный проект?

– Именно так. Он был профессором, преподавателем, у него было большое количество учеников. И задачу он себе поставил сложнейшую: не просто «ликбез», а воспитание этих молодых людей. Он занимался их возвращением, становлением их личности и именно для них, для своих учеников, у которых не было возможности путешествовать по Европе, –

это были очень небогатые молодые люди, – он и создавал музей. Он решил привезти Европу к ним. Это была, как модно сейчас говорить, его мотивация. Абсолютно бескорыстная. Известно, что Иван Владимирович и жил небогато, и умер небогато. Он на этом ничего не заработал. И всю свою жизнь он положил на своё детище – Музей изящных искусств. Цветаев был тончайшим знатоком и русского, и европейского искусства, и он свои знания передавал другим. Вот в этом смысле я и называю его человеком Дела. Он поставил себе задачу: сделать копии знаменитых произведений скульптуры и живописи и установить их в специальном помещении для предметов искусства – музее. И он эту задачу реализовал.

– Можно себе представить, как это было сложно.

– Это во все времена невероятно сложно. В царские времена Российское государство было не менее бюрократичным, чем сегодня. Ивану Владимировичу нужно было преодолеть множество бюрократических препон, и он сумел это сделать. При этом он был не просто, как сейчас говорят, менеджер-хозяйственник – он сам был носитель высокой культуры.

И удивительно, насколько неполитизированным он был. Ему досталось очень непростое время: нулевые годы XX века. Очень политизированная эпоха. С одной стороны – всплеск культуры Серебряного века, с другой – страна содрогается от политических событий. Цветаев работал фактически между двумя революциями, когда вся страна находилась в страшном напряжении. Проходит Японская война, назревает Первая мировая война – сложнейшая ситуация. А он – делает своё дело. Он что, не видел, что происходит? Конечно, видел, конечно, знал. Он же был образованный человек и общественный деятель. Но он считал главным делом своей жизни именно создание вот этой коллекции, этого музея. За всё это он достоин памятника. И когда мы приехали жить в Тарусу и поселились в этом месте, моя жена сказала: нужно что-то делать. Мы как бы вторглись на территорию его памяти. Он здесь жил, ходил, думал, был счастлив здесь со своей семьёй, со своими дочерьми, бродил по этой аллее. И мы решили

в меру своих возможностей установить скромный памятник. Дань памяти выдающемуся русскому учёному – Ивану Владимировичу Цветаеву.

– Человек, создающий Музей изящных искусств, должен обладать абсолютно безупречным вкусом. Это же надо с такой любовью и пониманием вопроса отобрать то лучшее, что послужит образованию студентов! Музей-то не простой. Не каждому это под силу.

– В том-то и дело. Поэтому Иван Владимирович, отринув политическую составляющую, положил на это все свои силы. Между прочим, интересно сравнить ту эпоху с нашим временем. Мы живём сто лет спустя, и живём тоже в очень политизированное время, но если оглянуться вокруг, наверняка тоже найдутся люди, которые, несмотря на все наши катаклизмы, просто делают своё дело. Это подвижники. Цветаев был именно таким подвижником, и мы должны пусть скромно, но память о нём сохранить.

– Вклад его в отечественную и мировую культуру огромен, но ведь и конкретно Тарусе он дал очень много.

– В первую очередь, он отдал нашей Тарусе своё имя. Таких, как он, людей, отдавших Тарусе своё имя, было только двое: Иван Владимирович Цветаев и, безусловно, Михаил Григорьевич Ефремов. Они фактически сделали современную историю Тарусы...

Цветаев создал культурную атмосферу Тарусы, он был здесь первым. Именно к нему приезжали художники, писатели, музыканты. Именно он стоит у истоков того уникального для отечественной культуры явления, когда в маленький уездный город потянулись люди, сделавшие затем культурную славу Тарусы. Тот образ Тарусы, который существует сейчас, – образ города высокого искусства – создал именно Цветаев. Всё это только благодаря ему. До него Таруса была маленьким городом с древней историей, но прежде всего – городом торговым и ремесленным. И ни о какой высокой культуре речи не шло.

Что касается нашего отношения и нашей памяти – ну, пусть у нас стоит небольшой памятник. Может быть, этого и достаточно для Тарусы. Дело ведь не в величине памятника...

– Я бы сказала, дело в величине памяти...

– Дело в нашем отношении к этим местам. Вот смотрите, открыли мы в прошлом году мемориальную аллею памяти И. Цветаева. Пока она у нас пребывает в печальном состоянии. Липы старые, а ведь мемориальную аллею надо сохранять. Я понимаю, что это требует каких-то денежных вложений. Рано или поздно мы всё равно будем вынуждены поправить эту дорогу, подлечить эти деревья. Не все липы удалось спасти от вырубки, но те, что остались, надо будет подлечить. Местами нужно подсаживать новые липы.

Но речь не только об этой аллее – речь и о других улицах тоже. Необходимо сохранять зелень на улицах Тарусы. Если об этом не думать – её вырубят совершенно беззастенчиво. Иногда смотрю: человек начинает строить дом, а ему неудобно подгонять миксеры с цементом. И он вырубает вековые липы! Он что думает – что ему его жизни хватит, чтобы вырастить такие же? Это безответственность и перед прошлым, перед дедами нашими, которые сажали эти деревья, и перед будущими поколениями. Таруса без деревьев будет выглядеть как неприкрытая бесстыжая женщина. Наготу нужно прикрывать, таковы традиции русского целомудрия.

Есть и другая важная тема. Город состоит из улиц, которые имеют названия. И это очень больной вопрос: что нам, тарусянам, делать с названиями улиц?

Я понимаю, что нельзя взять и волевым решением вернуть всем улицам прежние названия. Такие вещи нельзя делать быстро, их надо делать очень вдумчиво и неспешно, но делать нужно.

– Надо, прежде чем принимать какие-то решения, советоваться с людьми.

– Разумеется, нужно советоваться с жителями этих улиц. Да, многим тарусянам не нравятся советские названия улиц. Но я бы поостерегся одним росчерком пера их убирать. Есть названия улиц, связанные с советской историей. Нравится кому-то, не нравится – никуда мы не денемся, это наша история. Но есть названия, ни малейшего отношения к нашей истории не имеющие. Взять, например, улицы Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Почему не назвать их старыми именами? Либкнехта, например, – это раньше была Даниловка. Тарусяне до сих пор в обиходе сохранили это название, вслушайтесь, какое красивое! Конечно, надо его вернуть.

Я не хочу давать оценок этим политическим деятелям: хорошие они или плохие – к этому можно относиться по-разному. Но ни к России, ни к Тарусе этот Карл и эта Роза никакого отношения не имеют. И получается, что мы живём в какой-то иносреде. А среда должна быть наша – русская и тарусская.

Имя улицы – это звук, рождающий чувства. Вот произнесите сейчас десять раз подряд словосочетание «улица Карла Либкнехта», – какие чувства это у Вас вызывает?

– Александр Владимирович, я десять раз подряд не выговарю.

– Вот именно. Будет ли это греть вашу душу? Не уверен. Хотя я готов выслушать и противоположную точку зрения. Но название – это очень важно. Названия создают ассоциативные ряды, отпечатываются в сознании; наши дети вырастают с этими названиями. А это ведь наши дети. Они должны расти в гармоничной среде, Таруса должна быть для них тихим, затаённым местом на земле...

– Такой, какой полюбил её Иван Владимирович Цветаев.

– И наша задача – её такой сохранить.

15 августа 2011 года
Газета «Октябрь», г. Таруса
Беседовала гл. редактор Галина Плущевская

МИХАИЛ ЕФРЕМОВ

Не предавший Родину и солдат

31 августа 2011 года в Тарусе на Соборной площади состоится торжественное открытие памятника легендарному командарму 33-й армии, Герою России генерал-лейтенанту Михаилу Григорьевичу Ефремову. Сегодня мы беседуем с человеком, имеющим непосредственное отношение к предстоящему торжественному событию, – действительным государственным советником 3 класса А. В. Щипковым. Семья Щипковых выступила с инициативой установки бюста командарму М. Г. Ефремову. Годом ранее Александр Владимирович и Любовь Васильевна Щипковы подарили Тарусе бюст Ивана Владимировича Цветаева, установленный на их средства в районе бывшей дачи «Песочное». О том, как родилась идея создания бюста нашего славного земляка, мы решили узнать из первых уст. Вот что рассказал нам А. В. Щипков.

– Идея поставить памятник генералу Ефремову обсуждалась не раз, но, как часто бывает, сначала какой-то вопрос долго обсуждается, а потом наступает тот самый момент, когда «звёзды сходятся»: совпадают желание, финансовая составляющая, политическая воля местной власти, отношение к этому вопросу общественности, появляются люди, которые берут этот груз на себя.

– Весной этого года мы с женой были в гостях у наших тарусских знакомых. Зашла речь о генерале Ефремове и необходимости поставить памятник в его родном городе. И эти очень милые люди вдруг спроси-

Варианты бюста М.Ефремова, 2011 год

ли: «А зачем это нам?» Это, между прочим, очень культурные, образованные, весьма симпатичные люди. И вот это «зачем?» стало для нас решающим. Мы с женой не стали объяснять зачем, простились, вышли на улицу, переглянулись и молча поняли друг друга: бюст генералу Михаилу Ефремову будет стоять в центре Тарусы.

Таруса обладает многими замечательными именами, но, как правило, это имена деятелей культуры. Эти имена высочайшей пробы, экстра-класса: Марина Цветаева, Николай Заболоцкий, Иван Цветаев, Константин Паустовский – перечисление можно продолжить. И к этому привыкли, с этими именами у всех ассоциируется Таруса. К Ефремову относятся с глубочайшим уважением. Его именем в городе названа школа, в Тарусе есть улица Ефремова, в Вязьме установлен замечательный памятник работы Евгения Вучетича, посвященный подвигу 33-й армии и командарма Ефремова. Вучетич сам воевал в составе 33-й армии. Но в то же время это имя, на мой взгляд, не звучит так, как должно было бы звучать в соответствии с масштабом этой личности.

– В чём, на Ваш взгляд, принципиальное отличие командарма Ефремова от других военачальников?

– У нас в последние годы зазвучало в прессе имя генерала Власова. Не просто зазвучало, а в исторически-оправдательном контексте. Стали появляться публикации: и научные работы, и публицистические статьи, – в которых пытались проанализировать: а что это за личность? Но так стало складываться, что это изучение стало сопровождаться попытками оправдания. Власов, дескать, – это жертва режима, а вообще он был очень талантлив и тому подобное. Возможно, это так. Но за этими разговорами стало проявляться скрытое оправдание его предательства. Осуждение сталинского режима – и одновременно оправдание предательства Власова.

Я не призываю к оправданию режима, потому что государство и Родина – это разные вещи. Государственная система может меняться, могут меняться правители – они могут быть добрыми и злыми, могут приносить пользу Отечеству, а могут – вред. Это, между прочим, отчасти и наша с вами вина. Мы, общество, кого-то выбираем, или у нас нет сил сопротивляться появлению какой-то власти извне и т.д. Государство – это механизм, это наш с вами инструмент, которым мы либо пользуемся, либо нет. Оно может нас угнетать, может помогать и даже спасти – это очень сложная категория. Но Родина от этого не меняется! И отношение к Родине со стороны воина предельно ясное: либо он Родину защищает, либо он её предаёт. Если говорить об абсолютных величинах, то каким бы талантливым командиром ни был Власов, – он предал Родину.

В то же самое время генерал Ефремов на фоне других замечательных российских и советских полководцев фундаментально выделяется. Он, имея возможность спасти свою жизнь и карьеру, не пошёл на это. Это общеизвестные факты: за ним прислали самолёт – он отправил боевые знамёна и тем самым спас честь армии, 33-я армия была сохранена, долго существовала и была расформирована где-то уже чуть ли не в 1980-х годах, а сам он остался с солдатами, прекрасно понимая, что по-

гибнет. Ефремов остался с Родиной! И в этом смысле его подвиг – особенный. И недооценённый.

Генерал Ефремов – это прямой антипод Власова. На пьедестале под его именем будет помещена бронзовая надпись – «Не предавшему Родину и солдат».

Михаил Ефремов – это символ Тарусы, который в некотором смысле выше тех культурных символов и имён-брендов, которыми мы гордимся.

– Вас могут неправильно понять...

– Могут, поэтому сразу подчёркиваю: я не против, я выступаю за прославление деятелей культуры, и тем, что мы в 2010 году на свои деньги установили бюст основателю Музея изящных искусств Ивану Цветаеву, мы это доказали. Но есть такая расхожая фраза: если бы не было тех солдат, отдавших жизнь за Родину, не было бы и нас. Правда, она так часто звучит, что её смысл как-то уже притупился. А наша семья воспринимает это выражение не как образное, а как прямое. И вот тут я хочу рассказать очень личную историю.

Василий Иванович Утёнков, покойный отец моей жены Любови Васильевны Щипковой-Утёнковой, родился и вырос в деревне под Дорогобужем, в Смоленской области – в тех самых местах недалеко от Вязьмы, где воевала 33-я армия генерала Ефремова. Он был мальчишкой, ему было 14 лет, когда его вместе с другими мальчишками арестовали немцы и привезли в концентрационный лагерь, в разрушенный Герасимо-Болдинский монастырь.

Первый вариант бюста М.Ефремова, 2011 год

Там держали мальчишек и девчонок, готовя их к отправке в Германию. И Васе Утёнкову вместе с приятелем удалось оттуда сбежать. Через два-три дня немцы их поймали, привезли обратно и вынесли приговор – за побег их приговорили к расстрелу. В назидание другим детям: если все разбегутся, кто будет работать на великую Германию? Показательная казнь должна была совершиться утром, и этот рассказ о последней его ночи перед расстрелом мы, естественно, в семье слышали много раз. Ну, понятно – это одно из самых сильных впечатлений его жизни: человек – фактически ребёнок! – утром ждёт расстрела. Это вещь жуткая. И в это время один из корпусов армии Ефремова оттесняет немцев, они бегут из этого монастыря, и детей им расстреливать некогда, самим бы ноги унести. Они собирают всех этих детей, гонят их перед собой...

– Как живой щит?

– Нет, не как живой щит – как рабов. Они отступают на запад, в сторону Смоленска, а дети роют им окопы, выполняют другую тяжёлую работу... И в конце концов Вася оказывается в Германии, в концентрационном лагере, пока в 1945 году наши войска его не освобождают из немецкого плена. Таким образом он остался жив.

– Получается, для вас это ещё и семейная история...

– Мы много раз слышали от отца и эту историю, и имя командарма Ефремова, и памятник видели ему в Вязьме – моя жена смолянка, и Дорогобуж, Вязьма – это всё наши родные места. Но когда мы переехали в Тарусу, мы сразу поняли, что тарусский Ефремов – это и есть тот самый Ефремов, спаситель Любиного отца.

Так что фраза: «Если бы не было тех солдат, не было бы и нас», – имеет для нашей семьи абсолютно прямое значение. Расстреляли бы отца – не родилась бы Люба, я бы на ней не женился, не было бы у нас детей и внуков – этих самых, которые сейчас купаются в Оке и бегают по тарусским улицам.

Ефремов не идеолог, не деятель культуры – он воин. И в его поступках, в его поведении сконцентрировалось то самое главное, что должно быть свойственно мужчине: чувство долга, чести и нравственного начала. Его поступок с нравственной точки зрения безупречен: «Отдать жизнь за други своя...». И в этом смысле я считаю имя Ефремова именем высочайшим – большим, чем имена наших замечательных деятелей культуры. Это фигура не только тарусского или калужского масштаба, но и общероссийского.

– Бюст готов? Кто скульптор?

– История создания бюста оказалась непростой. Была масса проблем и сложностей относительно того, каким должен быть бюст, каким предстанет генерал Ефремов. Над ним работал Александр Дмитриевич Казачок, замечательный художник, ученик Сергея Конёнкова, сын одного из охранников Сталина, человек интереснейшей личной и творческой судьбы. Бюст готов, привезён в Тарусу и уже месяц стоит у меня в кабинете на письменном столе. На днях будем его устанавливать на пьедестал.

– С орденами, в парадной форме?

– Нет, без орденов. Тут была целая мистическая история... Мы привезли скульптору несколько фотографий Ефремова и показали ту, которая больше всего нам понравилась. Это был один из последних снимков генерала, сделанный кем-то из тех людей, которые в апреле 1942-го прилетали за ним в немецкое окружение под Вязьму. Александр Дмитриевич посмотрел на этот снимок и сказал: нет, не пойдет. Генерал должен выглядеть победителем, а здесь... На снимке был страшно усталый простуженный человек, в шинели, не по-военному замотанный шарфом, в низко надвинутой шапке, очень мало похожий на плакатного победителя. А глаза были наполнены готовностью к смерти.

Мы спорили долго, но Александр Дмитриевич категорически отказался делать портрет с этой фотографии. Он хотел делать парадный портрет. Мы уступили...

20 июня 2010 года, в понедельник, мы с супругой планировали ехать в мастерскую скульптора в Переславль-Залесский принимать готовую работу в глине. А 18 июня, в субботу, ходили на богослужение в Тарусский Петропавловский собор. После Божественной Литургии настоятель храма, отец Леонид Гвоздев, как обычно, служил панихиду. Мы подали записки за наших покойных родителей, и вдруг я совершенно спонтанно сказал жене: «впиши Михаила тоже». Михаил – это Ефремов. У меня вдруг возникла мысль: что же мы делаем, заказываем ему памятник, а сами при этом даже и не молимся за него, за упокоевание его души. А ведь это ему гораздо нужнее бронзы.

На следующий день нам позвонил взволнованный Казачок и неожиданно отменил показ портрета. Как выяснилось впоследствии, Александр Дмитриевич, которому, кстати, уже за восемьдесят, работал всю ночь, под утро уснул... и во сне увидел генерала Ефремова. Таким, каким он был на той последней фотографии – в шапке и обмотанный шарфом. И, по словам Александра Дмитриевича, генерал сказал ему: «Делай такого», в смысле в шапке и с шарфом.

Казачок находился под очень сильным впечатлением от этой «встречи» во сне. И он бесплатно сделал второй портрет. Это была работа необычайной силы – обречённый командир обречённой армии. Человек, готовый к смерти, и – в определённом смысле – может быть, уже умерший. Выражение «умереть для мира» применяют к монахам, но оно применимо, наверное, и в подобных случаях тоже. Никакой информации о религиозности Ефремова у нас не было; по всем нашим сведениям, он был вполне советский военачальник, член партии, депутат Верховного Совета СССР. Но то, что мы видели на этом последнем снимке, в его глазах – это было абсолютно религиозное состояние души. Из двух работ мы выбрали вторую.

– Александр Владимирович, я слышала, что сложности были не только творческого характера.

Скульптор прощается со своей работой

– Да, не скрою, выбор места для установки бюста тоже проходил очень трудно. Сначала была идея поставить его слева от собора, но там оказалось мало места, нужно было бы убирать старинные липы, а мы этого не хотели. Потом приняли (и даже утвердили в администрации) решение ставить памятник в парке на круге, где когда-то стоял памятник Сталину. Но за два дня до начала работ художник Борис Мессерер настойчиво попросил уступить это «сталинское» место на берегу Оки под будущий памятник его жене – поэтессе Белле Ахмадулиной. Шли бурные дискуссии, в результате которых наш проект «переехал» на треугольную клумбу между районной администрацией и картинной галереей. Михаил Борисович Добриян прислал из Института космических исследований женщин, они убрали с клумбы цветы. Можно было заливать фундамент, но это место категорически не нравилось нам самим, потому что Ефремов оказывался за спиной Ленина, лицом на склады стоящего рядом магазина. Какое-то несуразное и по сути оскорбительное положение. И вот мы сидим

Генерал Ефремов. 2011 год

на скамейке возле фонтана и печалимся, не зная, как поступить. У жены слёзы на глазах, так она переживала за спасителя своего отца. И вдруг она говорит: «Так вот же замечательное место – рядом с фонтаном, лицом на собор и одновременно на Аллею Славы и обелиск павшим тарусянам». Так с Божьей помощью всё и устроилось.

Этот бюст – наша благодарность генералу Михаилу Ефремову. Светлая ему память.

P. S.

5 декабря 2011 года, спустя 70 лет со дня остановки немцев под Москвой в тарусском соборе Петра и Павла по благословению Святейшего Патриарха Кирилла состоялось отпевание Героя России, командарма 33-й армии, генерала Михаила Ефремова. В том самом соборе, где его крестили при рождении.

25 августа 2012 года

Интернет-журнал «Religare»

Беседовал журналист Андрей Зайцев

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

24 августа 2012 года в городском парке города Тарусы был открыт памятник К. Паустовскому. Мы задали несколько вопросов Александру Щипкову, присутствовавшему и выступавшему на церемонии открытия.

– Александр Владимирович, Паустовский изображён стоящим у забора с собачкой. Немного забавно. Это для трогательности? Или это тарусские аллюзии со строчкой «на крыльце сидит собачка»?

– Нет, конечно, собачка Заболоцкого тут ни при чём. Скульптор Вадим Церковников опирался на знаменитую фотографию Паустовского с собакой, сделанную в Тарусе. И это очень верное решение. Будь моя воля, я бы и в Переделкине поставил памятник Пастернаку с лопатой...

– Как вы оцениваете писателя Паустовского? Его слава нынче немного померкла, а ведь когда-то он был властителем дум.

– Настоящий писатель в России всегда больше, чем писатель. Это учитель, патриот и гражданин. Гражданин в самом высоком смысле этого слова. Именно таким был Константин Георгиевич Паустовский. Лиричнейший, тончайший романист и, как сказали бы сегодня, общественный деятель, защищающий основополагающие нравственные принципы, без которых и страна, и народ не могут существовать.

Сегодня многие наши современные писатели погрузились в политические интриги. Они выступают на митингах, устраивают политические перформансы и «контрольные прогулки». Всё это мило, забавно, но не имеет никакого отношения ни к простому народу и его нуждам, ни к действительным проблемам русской интеллигенции.

– Но ведь Паустовский не был ни публицистом, ни трибуном.

– Да, он редко высказывался публично на общественно-политические темы. Но когда высказывался, то это было так сильно, так точно, так по существу, что и сегодня, спустя полвека, эти его высказывания звучат абсолютно современно. Вспомните его блестящее выступление на обсуждении романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Он говорил тогда о номенклатурных работниках, которые привыкли смотреть на народ – цитирую – «как на навоз». Паустовский говорит: «Они дожили до наших дней, как это ни странно. Они воспитывались на потворстве самым низким инстинктам, их оружие – клевета, интрига, моральное убийство и просто убийство». Кто из нынешних

писателей-крикунов в наше вегетарианское время осмелится повторить эти слова – «моральное убийство и просто убийство»?

«Совесть писателя должна быть совестью народа» – эти слова принадлежат Паустовскому, и сам он полностью им соответствовал.

А каким мощным и ярким стало знаменитое «Письмо из Тарусы», написанное в 1956 году! Именно Паустовский, задолго до Валентина Распутина, первым поднял тему спасения малых городов России. Это нужно помнить и ценить.

Он говорил о дорогах и водоснабжении, об электрификации и сельском хозяйстве, о больницах и жилищном строительстве, о загрязнении рек и вырубке деревьев. Паустовский выплеснул в этом письме всю свою боль не только за Тарусу, но и за всю Россию. Ведь, говоря о проблемах Тарусы, он в действительности говорил о проблемах всей России.

Без преувеличения можно сказать, что в публицистике Паустовский стал предтечей Солженицына. На мой взгляд, выступление Паустовского в 1956 году в Доме литераторов на обсуждении романа Дудинцева в каком-то смысле предвосхитило «Жить не по лжи» Солженицына, а «Письмо из Тарусы», безусловно, оказало влияние на статью «Как нам обустроить Россию».

Высочайший гражданский пафос он умел выразить в спокойной, рассудительной и лиричной речи, без истерик и надрывов, столь свойственных нашему нынешнему поколению.

Цитирую, послушайте: «У нас есть много людей, которые не променяют скромное очарование Средней России ни на какой ослепительный и несколько лакированный юг. Для иных мокрые гроздья черёмухи в деревенском саду, отражение месяца в лесном озере и грибной воздух берёзовых чащ гораздо милее запаха магнолий и снежных вершин Кавказа». «Городской садовник-энтузиаст разбил над Окой городской сад и постепенно обсаживает улицы липами и тополями, – продолжает Паустовский, – но по следам садовника часто идут хулиганы и ломают высаженные деревца под улюлюканье, рёв гармошки и хохот».

Увы, актуально! Порой и сегодня приходится сталкиваться с безумно громкой музыкой на весь город и бездумной вырубкой деревьев,

как это случилось на улице героя Советского Союза Живова. А ведь эти деревья сажали не мы. Их сажало поколение Паустовского и Ефремова – поколение наших дедов и наших отцов. Спилить и крушить их – это неуважение к их памяти.

К счастью, многое из того, о чём мечтал Константин Паустовский, уже реализовалось. Много изменилось и в России, и в Тарусе. Изменилось, несомненно, в лучшую сторону. Новый детский сад, физкультурный комплекс, новые тротуары. У нас проходят фестивали, концерты, спектакли, выставки. Таруса живёт насыщенной культурной, интеллектуальной и духовной жизнью. Не каждый город с населением в пятьдесят тысяч человек обладает двумя храмами. А у нас они есть при наших скромных восьми тысячах...

– Вот видите, не так всё плохо.

– Спасибо Паустовскому. Таруса многим ему обязана. Он заслужил этот памятник с собачкой на берегу Оки.

15 марта 2013 года
Газета «Октябрь», г. Таруса
Беседовала гл. редактор Галина Плущевская

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

На протяжении вот уже нескольких недель на страницах тарусского «Октября» не утихает дискуссия об установке памятника поэтессе Белле Ахмадулиной в городском парке на берегу Оки. Мы даём слово каждому, у кого есть аргументы в пользу этого проекта или против него, – при условии уважительного отношения к оппонентам. Мнений опубликовано уже достаточно много. Сегодня мы решили выяснить мнение человека, имеющего прямое отношение к благоустройству Тарусы, подарившего городу два памятника – Ивану Цветаеву и Михаилу Ефремову. А. В. Щипков – известный российский публицист и общественный деятель. Разговор с ним вылился в большое и содержательное интервью, которое, думается, будет небезынтересно нашим читателям.

– Александр Владимирович, вы в курсе споров вокруг памятника Белле Ахмадулиной?

– Я читал публикации последнего месяца в «Октябре» и вижу, что в городе разгораются по этому поводу нешуточные страсти. Я сторонник сохранения исторической и культурной памяти. Одна из главных трагедий современной России – это утрата традиций. Традицию разрушали весь XX век. Разрушали религиозную традицию, уничтожая православие. Разрушали культурную традицию, ссылая и сажая в лагеря художников, писателей, музыкантов, актёров. Разрушали историческую традицию, переписывая российскую историю. Сегодня разрушают нравственную и семейную традиции. В 1917 году, чтобы сломать традицию, сдвинули на 13 дней календарь, отменили названия дней недели, ввели «шестидневки»,

Белла Ахмадулина.
Фото члена СФХР А.П.Зуева

провели реформу орфографии. Это были очень сильные удары по народной психике. Отрывая народ от традиций, мы расшатываем и ослабляем общественные устои, а за ними и государство. Вы спросите – причём здесь памятники? Скульптура, да и любой памятный знак (стела, доска, поклонный крест) – это вещественное подтверждение сохранения памяти, а значит и традиции.

С этой точки зрения идея поставить в Тарусе памятник Белле Ахмадулиной вызывает у меня понимание. Она действительно очень талантливый человек и имеет право на свою память. Однако тарусское общество высказывает противоположные суждения. Одна часть тарусян выступает категорически против установки памятника Ахмадулиной, другая – предлагает альтернативные места и жёстко выступает против его установки именно в городском саду рядом с памятниками Паустовскому и Цветаевой. Кому-то не нравится «скопление» писательских скульптур в одном месте, кто-то предлагает сначала провести археологические раскопки на этом месте.

Третья группа жителей с обидой говорит о том, что не увековечены многие знаменитые тарусяне, такие как Голубицкий, Живов и другие. В этих людях говорит чувство местного патриотизма. Его нельзя осуждать или относиться к нему пренебрежительно. Из чувства местного патриотизма, в нашем случае – из чувства тарусского достоинства в конечном итоге складывается общероссийский патриотизм, складывается любовь

к родине. Нельзя унижать достоинство человека и его гордость за Россию, но также нельзя унижать его гордость за свой дом, за Тарусу.

Четвёртая группа настаивает на установке памятника лицом к лицу с памятником Марине Цветаевой.

– Все эти точки зрения отражены в публикациях «Октября».

– Да, но меня тревожит во всём этом нарастающее противостояние москвичей и тарусян, так называемых «дачников» и «местных». Вещь эта совсем не такая безобидная, как может показаться на первый взгляд. И дачники-москвичи, и тарусяне – все мы жители России. Эскалация этого противостояния очень опасна. Тарусу создавали великие тарусяне, такие как генерал Михаил Ефремов или Павел Голубицкий, и великие дачники, такие как Иван Цветаев или Николай Богданов. Это крупнейшие исторические фигуры общероссийского масштаба. Тем не менее противостояние пока существует. Нужно анализировать его причины, и тогда мы сможем преодолеть этот общественный недуг.

– А вы сами относите себя к дачникам или тарусянам?

– Я живу в Тарусе десять лет и нахожусь прямо на пересечении этих двух категорий. Я появился здесь как дачник, а вскоре поселился постоянно. Я чувствую это пересечение в самом себе, потому что, с одной стороны, вроде как москвич, а с другой стороны – уже тарусянин, прикованный к этой земле самым святым – родными могилами. На Новом тарусском кладбище похоронены моя мама и моя тётюшка. И это тоже привязывает нас к этой земле. Наши мёртвые, лежащие здесь, – это и память, и традиция. Родина не только там, где ты родился, но и там, где ты будешь похоронен. Я хотел бы быть похороненным рядом с матерью, здесь на Новом кладбище. И уже после этого я останусь тарусянином навсегда. Кроме того, тут родился М. Г. Ефремов, спасший отца моей жены от немецкого расстрела. Это немало для того, чтобы считать эту часть русской земли своим домом.

К чему я это всё говорю: для меня Таруса – место близкое и родное. Я потому и позволяю себе высказываться на тему благоустройства города, озеленения, например, или, наоборот, спиливания деревьев – по этому вопросу мне приходилось спорить с местным руководством. Именно потому, что это мой дом.

– Как, на ваш взгляд, это противостояние, в общем, не впервые проявляющееся в Тарусе, можно преодолеть?

– Это преодолевается только, если говорить светским языком, в диалоге, а если говорить языком церковным – в любви. В этом нынешнем противостоянии любви-то как раз и нет. Эта конфликтная ситуация может быть преодолена только через компромисс. Ни одна из сторон не должна требовать победы именно своего «проекта». Градус эмоционального накала слишком высок, его нужно каким-то образом снижать. Если говорить прямым текстом, есть ведь абсолютные противники установки памятника Белле Ахмадулиной в городе. Утром в прошедшую субботу как обычно ходил на городской рынок. И на рынке, знаете, люди тоже обсуждают эту проблему...

– Уже и до рынка дошло?

– Ну да, газета же написала. Я давно знаю – самые интересные разговоры там, где мясной ряд и наши тарусяне торгуют всякой всячиной – картошкой, морковкой, соленьями. Я только у них покупаю. Люди стояли, обсуждали. Ну и высказывания слышал, весьма резкие и неприятные: а мы перегородим, а мы не допустим...

– Думаете, может такое случиться?

– Уверен, что нет! Это обычная форма выражения общественного недовольства, не более того. У меня немалый опыт сложнейших переговоров различного уровня. Я знаю, о чём говорю. Одно из главных

правил ведения переговоров – не допустить перерастания финансово-го, трудового, национального или культурно-мировоззренческого конфликта в конфликт политический. Пока что мы имеем дело с проблемой культурного взаимонепонимания, когда разные категории жителей Тарусы по-разному оценивают личность Беллы Ахмадулиной и её творчество и по-разному оценивают факт возможного появления памятника. Это культурная и мировоззренческая разность, образовательная, если хотите. В этом русле её нужно сохранять и решать.

– Что вы сейчас имеете в виду?

– За примерами далеко ходить не надо. Вспомните историю с открытием в Москве в центре Сахарова выставки «Осторожно, религия!». Она первоначально задумывалась как некий арт-проект, художественный перформанс, но быстро переросла в прямой политический конфликт. До судов. До политических лозунгов. И все тогда удивлялись: а как это произошло? Как вдруг культурное явление переросло в политическое? Так вот, культурное явление перерастает в политическое именно вследствие взаимонепонимания и отказа идти на компромисс.

– А вы сами «за» памятник?

– Разумеется «за». Белла Ахатовна – замечательный поэт, щемяще романтичный и тонкий. Известно, что она любила бывать на могиле Борисова-Мусатова. Мне кажется, что где-то возле этого места и надо было бы устанавливать этот памятник. И я бы с удовольствием приходил к ней в гости. Именно к ней, а не в «союз писателей» к товарищам Цветаевой, Паустовскому и Ахмадулиной, выстроенным в ряд. Но подчёркиваю: это моё совершенно частное мнение, я его никому не навязываю.

– Но вы и сами поставили бюст Ивану Цветаеву на отшибе.

– Мы исходили из простой, но, как мне кажется, очень важной вещи: нельзя все памятники ставить в одном месте. Если какие-то мемориальные места будут возникать в разных частях Тарусы, то таким образом Таруса будет благоустраиваться в этих местах. Я считаю, что нужны памятники в районе Кургана, в районе Салотопки... Ведь если копнуть историю, наверняка найдётся либо какая-то личность, либо какое-то событие, связанное с этим местом. Я, кстати, люблю гулять по Салотопке, и там тоже можно находить решения для каких-то монументов или памятных знаков. Если эти места будут облагораживаться, то и людям жить будет уютней. Вот смотрите, когда мы поставили бюст Ивану Владимировичу Цветаеву – это было просто до предела захламлённое место: перерытый асфальт, ямы, мусор, запустение... Но мы-то исходили из того, что он тут жил! Он ходил по этим местам, по этой аллее. Гулял со своими маленькими девочками. Мне кажется, что ему сейчас приятно находиться именно там.

Мы, конечно, рассматривали вариант установки бюста возле музея. Но всё-таки поняли: памятник Цветаеву должен быть рядом с его родным домом. А дом его – там, где он прожил 15 лет.

И смотрите: идут годы. И мы своими силами, и администрация города, и администрация дома отдыха «Серебряный век» превратили это место в обжитое. Завезли шестьдесят кубометров грунта, засыпали огромные ямы. Посадили сосны. Появились газон, кусточки. Всё это не сразу, постепенно. В прошлом году пришла идея вообще всю аллею посвятить памяти Цветаева. Взяли – и поставили незатейливую указательную надпись. Идут школьники – они читают, вспоминают: ага, это же ведь отец Цветаевой Марины Ивановны; её родители, оказывается, замечательные люди, которые очень много сделали для России. И таким образом возникает новое мемориальное место в Тарусе. Я недавно с удивлением обнаружил, что на Яндекс-карте кто-то уже пометил: здесь бюст Цветаева. Смотрю: появился у автовокзала новый стенд с замечательной картой города, на которой обозначены все наши достопримечательности. Турист приехал – он может разобраться, что где находится.

– Но бюст генерала Михаила Ефремова всё же стоит в центре города.

– Но тут и не могло быть иного решения. Таруса всё же сначала город героев, защитивших и не предавших Россию, потом город великой русской культуры, потом город науки и труда, потом город политехсильных, тех, кто боролся за политические свободы. Ценности имеют свою иерархию. Это – аксиома, и спорить с этим бессмысленно.

Тем не менее мы долго обсуждали возможные варианты. Одним из предполагаемых мест и было как раз то самое место в городском парке, которое сейчас упоминается в связи с памятником Б. Ахмадулиной. И тогда ко мне обратились Борис Мессерер и Михаил Добрян. Они попросили не занимать это место, потому что планировали поставить здесь памятник Ахмадулиной. Мы это место тогда уступили.

– Почему?

– Если бы мы стали сопротивляться и настаивать, то этот культурный конфликт стал бы перерастать в политический. Это ровно то, о чём я говорил выше. И во избежание этого перерастания, чтобы не создавать в городе общественного напряжения, мы уступили. После этого в течение какого-то времени обсуждали другие места вокруг площади. Господь всегда добрые начинания поддерживает и указывает правильный путь; место, которое было найдено в конце концов и на котором сейчас стоит бюст командарма, оказалось лучшим из четырёх мест, которые мы рассматривали летом 2011 года.

Памятник генералу Ефремову предполагалось ставить в центре. Никакого другого варианта просто быть не могло для этой фигуры. И сейчас он стоит напротив собора. Мы, когда начинали установку памятника, не знали, что он не был отпет согласно церковному обряду. Это выяснилось позже. Была довольно долгая процедура: писали прошение Патриарху Кириллу и митрополиту Клименту. Получили благословение на отпевание. Приехало духовенство из Москвы и Вязьмы. Так вместе

с тарусскими священниками соборно отпевали русского генерала. И поэтому пространственная связь памятника Ефремову и с собором, где его крестили, а затем отпевали, и с воинским мемориалом, на который он смотрит, имеет глубокое символическое значение.

Повторяю: мы пришли к этому как бы случайно. Благодаря тому, что смирились и отказались от борьбы (а соблазн такой был, и многие тарусяне говорили мне, что нужно настаивать). Мы обрели лучшее место, потому что оно было найдено в мире и согласии, а не в ссоре и конфликте.

15 марта 2015 года

Интернет-журнал «Religare»

Беседовал журналист Алексей Гладков

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

Первый поэт Бронзового века

Николаю Заболоцкому выпало открыть в русской поэзии новую эпоху. А помогли ему в этом война и тюремный срок – уверен философ, политолог и социолог религии Александр Щипков.

Маленькую подмосковную Тарусу так и хочется назвать городом-музеем. Здесь жили и оставили свой след Марина Цветаева, Константин Паустовский, Белла Ахмадулина, Святослав Рихтер... Трудно пройти мимо памятника командарму Михаилу Ефремову с надписью «Не предавшему Родину и солдат» – явному антиподу печально известного генерала Власова. Скоро здесь появится памятник ещё одной, может быть, самой загадочной культурной знаменитости – Николаю Заболоцкому. Автор знаменитых «Столбцов», вначале обэриут, затем традиционалист – Заболоцкий прожил в Тарусе последние два года своей жизни. И лишь сегодня мы начинаем осознавать, что это не просто прекрасный русский поэт, но и открыватель целой эпохи – русского Бронзового века.

– Год литературы каждый празднует по-своему. Кто-то проводит фестивали и вручает премии за казённый счет. А вы ставите в Тарусе памятник Заболоцкому на собственные средства...

– Мне нелегко это далось. Во-первых, пришлось идти на самый бюджетный вариант, иначе элементарно не хватило бы денег. Ну и надо было объяснять домочадцам, для чего эта прореха в семейном бюджете.

– *Объяснили?*

– Да. Супруга и дети поняли и согласились. Но это – семья. А вот некоторые представители гуманитарной общественности обвинили меня в отсутствии, так сказать, идеологической выдержанности в подходе к русской культуре.

– *Вот как? Чем же им Николай Заболоцкий не угодил?*

– Понимаете, они уверены в том, что в культуре всё должно строиться по некоему плану. И наш XX век обязан соответствовать образу вальяжно-декадентской, холодноватой России. Это такая рафинированная культура, культура под колпаком.

– *Мифологизация?*

– Ну да. И в рамках этого устойчивого культурного мифа образ Серебряного века – это некая граница культуры и «варварства». Исторический обрыв, после которого вплоть до самого Бродского ничего ценного не могло и не должно было на русской почве произрастать. Это тёмные десятилетия русской культуры, которые следует вычеркнуть из анналов.

– *Ахматова и Пастернак жили в это межвременье. И Вознесенский, и Ахмадулина...*

– Конечно, замазать целые десятилетия таким штрих-корректором не получится. Но можно создать оптику, в рамках которой часть явлений станет неразличима, сольётся с фоном. Зато другие останутся отчётливыми. И эта оптика – миф о Серебряном веке как осевом времени русской культуры XX века. Желательно сделать вид, что он никогда не заканчивался, даже Иосиф Бродский к нему принадлежит. И вообще никакого «после» не может быть – только отголоски, подражания. Для этого линия литературной преемственности сознательно описывается как инерционная и подражательная.

А. Казачок работает над портретом Н. Заболоцкого. 2015 год

– *И что в итоге происходит?*

– Формируется некий культурно-исторический «шовинизм». С точки зрения которого любое продолжение – это доживание, шлейф, свечение отражённым светом. Поэтому Ахматова и Пастернак как бы продлевают Серебряный век. С этой точки зрения ценно лишь то, что наследует эпохе поэтических салонов или подражает великим. Поэтому, скажем, памятник Марине Цветаевой вписывается в этот формат. Вписывается и Белла Ахмадулина в силу явных следов цветаевского влияния. А вот Заболоцкий – лишний, чужой. Получается сегрегация, рассеечение культуры.

– *Вы полагаете, что памятник Заболоцкому поможет преодолеть это рассеечение?*

– Этим я хочу указать на необходимость преодоления разрыва традиции. Нельзя адаптировать и корректировать традицию под требования момента. Что-то стереть ластиком, а что-то оставить. Такие опыты с литературой опасны, они искажают культурную историю народа.

– *Это напоминает практику советского времени, не находите?*

– Это она и есть. Меняется только знак, а метод культурных «чисток» остаётся в силе.

– *Как выглядит сегодня культурный ландшафт Тарусы?*

– Здесь лежит «камень» Марины Цветаевой – с ней связан уже довольно старый культ. Существует музыкальный культ Святослава Рихтера, два раза в году проводятся «Рихтеровские фестивали» очень-очень хорошего уровня. В их тени находятся другие тарусяне – Паустовский, Ахмадулина, Борисов-Мусатов, Иван Цветаев, Эфрон, Виноградов и многие другие. В центре города стоит памятник генералу Михаилу Ефремову, и жители Тарусы хорошо знают, в чём его заслуга. Но очевидно, что без Заболоцкого этот ряд будет неполным. Я выяснил, что примерно в двадцати городах России есть улица имени Анны Ахматовой. И только в одном маленьком городе – Уржуме – существует улица имени Николая Заболоцкого. Я не хочу как-то умалить Анну Андреевну, но я против умаления Заболоцкого.

– *Как Заболоцкий воспринимается сегодня?*

– Его знают, и знают хорошо, но как-то однобоко. Например, как человека, который переложил «Слово о Полку Игореве». Переводчик, интерпретатор – это висит в воздухе. Знают его как обэриута и сотрудника журналов «Ёж» и «Чиж». Как веселого экспериментатора, чудаковатого, талантливого и немного несчастного человека. Цитируют стихотворение про девочку Марусю, про прачку и алкоголика, которые жили в доме на-

против. Изредка вспоминают о том, что он маялся в сталинских лагерях. И это всё. А ведь это номер один в русской поэзии XX века.

– *Не преувеличиваете?*

– Нет. Талантливых в XX веке много, но я не об этом, а о его уникальном положении в культуре. Заболоцкий прожил две жизни: до и после лагеря, до и после войны. И на этом переломе в его поэзии произошли большие изменения. Она наполнилась новыми, субрелигиозными смыслами. Тем не менее Заболоцкого по инерции продолжают считать поэтом начала XX века. Но ведь он одновременно и первый поэт второй половины столетия, то есть Бронзового века.

– *Кто был создателем термина «Бронзовый век»?*

– Среди поэтов – Олег Охапкин. А в литературоведении это понятие восходит к трудам известного исследователя и архивариуса русской поэзии Славы Лёна. Это совершенно уникальный человек, защитивший три докторских диссертации, – географ, философ, искусствовед и поэт. Он родился в 1937 году. А в 1990-е Лён методично ходил на поэтические конференции, приносил с собой ватманские листы, на которых отмечал фломастерами все фигуры и вехи литературного процесса. Согласно его классификации Бронзовый век начался в 1953 году со смертью Сталина и закончился в 1991-м. Хотя вторая граница не столь очевидна.

– *1953-й и 1991-й... Почему такие границы?*

– В 1991-м «осень застоя» уступила место железному веку коммерции, и это отразилось на литературном процессе. Смерть Сталина – это тоже понятно. Начиналась новая эпоха. К этому моменту остаточные явления Серебряного века уже не делали погоды. Смена парадигмы ускорила под влиянием военной темы. «Вставай, страна огромная!» Тут уж не до искр снега на зубах акмеизма... Хотя по большому счёту

Серебряный век закончился сразу после революции. Это такая предреволюционная штука. Футуризм, конструктивизм убили эстетику Серебряного века. Кружева декаданса расплзаются и сгорают в огне футуристических домен.

– *Великий перелом во всём?*

– Так сложилось. Футуризм – это переходное состояние: уже не серебро, но ещё не бронза. Скорее, выгорание. Динамическая пауза в смене эпох.

– *А Заболоцкий?*

– Он оказался связующим звеном довоенной и послевоенной лирики и стал родоначальником поэтического взрыва 1960-1970-х, то есть открыл нам ворота в Бронзовый век. Он сам переплавился – если использовать «металлическую» метафору, – и это говорит о его огромном таланте.

– *Какова же тогда роль знаменитых поэтов эпохи Политеха?*

– Я бы всё-таки провёл черту, не обидную, но важную. Есть поэты Бронзового века, а есть – Политехнического музея. Причём необязательно те, кто в нём выступал, ведь они могли жить в других городах и вообще не появляться в Москве. Но это лейбл. Это публицистическая поэзия, на которую возник запрос сверху. Не «ворованный воздух», а разрешение дышать от сих до сих, что-то лицензионное.

– *Бронзовый век в разрешениях не нуждался?*

– Поэты Бронзового века вообще не нуждались в отмене каких-то запретов. Они руководствовались иными мотивами. Автор термина поэт Олег Охупкин написал в 1975 году стихотворение под названием «Бронзовый век». Там речь идёт о поэтах, которых коснулся Христос.

Они вновь почувствовали Божье дыхание. Вернули жизни религиозную составляющую, которая была утрачена в декадансе, отвергнута в футуризме и сходила на нет в советской литературе. Но после войны это чувство всколыхнулось.

– *Что этому способствовало?*

– Война и Победа. Ведь это возврат к теме Христа и Голгофы, и неважно, Сталин это делал или не Сталин. Даже тех, кто был прикормлен властью, но при этом честен и талантлив, как Твардовский, – их, конечно, война разбудила. Это было неизбежно. Это шло снизу. Просто люди под огнём в окопах становились верующими, людей перепахало. И они оказались готовы к новой встрече с Богом. А в случае с Заболоцким сложились воедино война и лагерный срок. И то и другое было его личной Голгофой.

– *Почему эпоха называется Бронзовым веком, а не очередным «измом»?*

– Хороший вопрос. Это ведь не только универсальная хронология, но и символ. Бронза – горячий металл, похожий на золото. А серебро – металл холодный, белое с чёрным: «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл». Бронза, когда плавится, переливается всеми оттенками. И вот Олег Охупкин вольно или невольно противопоставляет новую веру остывшему, ледяющему декадансу. Пусть эта вера нецерковная, пусть это субрелигиозность. Неважно. Но у Охупкина открываются царские врата – и Христос входит в сердца. А дальше зёрна отделяются от плевел.

*Он исторгнул из Храма лишних,
Торговавших талантом, чтобы
Воцарился в сердцах Всевышний,
А в торгующих – дух утробы.*

*И пошли по домам поэты,
Те, кто Бога встречали – с миром,
А купцы разбрелись по свету
Золотому служить кумиру.*

*Разбрелись по всем дорогам.
Приступили ко всем порогам,
И на бронзовосерых лицах
Тихо бронзовый век горел.*

– Охапкин так изображает внутреннюю эмиграцию советской богемы?

– Не всей, а лучшей её части. И эту эмиграцию он видит как уход от мира. Советскость напоминает чем-то атмосферу Римской империи, таких параллелей и у Бродского много, в «Письмах римскому другу», например... Но поэты уходят в служение, а не в монастырь. Они образуют общину подобную апостольской. Там и русские, и евреи, и татары. Виктор Ширали, по-моему, вообще узбек. Христов интернационал. «Несть ни еллина ни иудея», все равны. Поэзия – их молитва.

– Это религиозная община?

– Практически. Они себя так чувствовали. Здесь явное двоemiрие: вот земное – вот небесное, вот Бог – вот Мамона.

– А Серебряный век?

– Это оккультная, искорёженная религиозность. Как они говорили? «Соединим Христа с эросом», «Откажемся от синоптиков». Всё это очень далеко от Бога.

– А вот романтизм золотого века – скажем, лермонтовский, байронический – он всё равно «золотой»?

– Понимаете, на самом деле даже богоборчество лежит в русле библейской традиции. Оно возможно, когда Бог рядом. А у Серебряного века придуманный бог, это минус-религиозность. Богоискательство, богостроительство – это упражнения в мистицизме без веры. Потом наступает период конструктивизма, где следов религиозности не будет вообще. Будет энергия разрушения и обновления, за которой – пустота. Пройдёт «безрелигиозный» период – и именно в лице Заболоцкого начнётся новая эпоха, напоминающая позапрошлую.

– Бронзовый век – это переключка с Золотым?

– Не просто переключка, а наследование, хоть и через поколение. В поэзии Охапкина, Бродского, Рейна, Кривулина, Липкина, Лиснянской, Чухонцева, Седаковой слышны голоса Пушкина, Тютчева, Баратынского. В цвете бронзы есть частица золота.

– И у Заболоцкого?

– Конечно. Заболоцкий после тюрьмы приходит к субрелигиозности в творчестве. В его стихах становится осязаемой подвластность мира высшему закону.

– Он приходит к этому раньше современников Охапкина.

– Именно так. Поэтому Заболоцкому и достались ключи от Бронзового века. Он открыл этот век. Стал родоначальником новой искренности и новой глубины. Это такое литургическое чувство, «размешанное» в картине мира. Как внутренний свет. Поэт, которому он светит, становится миссионером. Он чувствует: мне есть, что сказать всерьёз.

Не публике, которая в зале сидит или книжку читает, а поверх голов. Это незаметное пророчество.

– *Эстрадники Политеха никогда не пророчествовали?*

– Они не могли, поскольку находились в той же ситуации, что и официальная поэзия. Это был просто второй официоз, альтернативный. И он тоже имел свой формат. Вознесенский играет в футуризм. Почему? Потому что Маяковский – это символ, и подражание ему давало карт-бланш на эксперимент в известных рамках. Но по сути это был шаг назад, а не вперёд.

– *Таков удел всей советской литературы?*

– Нет такой литературы. Есть русская литература советского периода. «Советская литература» – миф, который был выгоден вначале советской власти, а затем её противникам. Он помогал отделять удобных от неудобных, «агнцев» от «козлиц». Понятно, что авторов ранга Пастернака стремились записать в святцы обе стороны. Понятие «поэт Серебряного века» со временем стало играть точно такую же роль: из термина оно превратилось в знак качества. Точнее, доброкачественности. Стало синонимом «поэта первого сорта». При этом Твардовский, Самойлов, Слуцкий или мощнейший Багрицкий считались поэтами классом ниже, хотя того же Багрицкого, например, Бродский называет в числе своих учителей. В какой-то мере выручало совпадение хронологии и вкусовых критериев. Но это не всегда срабатывало.

– *Да уж, назвать Пастернака «советским» в 1990-е язык не поворачивался.*

– Как можно-с! Ещё сложнее было с поэтами андеграунда, сформировавшимися в советскую эпоху.

– *А сегодня?*

– Сегодня в целях той же самой селекции понятие «Серебряный век» стремятся расширить. А его границу – передвинуть как можно дальше по исторической шкале, к Бродскому и даже за Бродского. Но здравый смысл подсказывает, что деление это ущербное – идеологически мотивированное и кастовое.

– *Вернёмся к памятнику Николаю Заболоцкому. Когда он появится?*

– Скоро он будет готов в бронзе. Работа, на мой вкус, очень хорошая. Автор памятника – Александр Дмитриевич Казачок, который уже сделал нам в Тарусе две работы: памятники Ивану Цветаеву и генералу Ефремову. Он изобразил Заболоцкого таким, каким он был сразу после лагеря, примерно сорокалетним. И сумел передать его особое состояние – сочетание простоты, открытости, ума и доверчивости. Заболоцкий у него почти улыбается, но улыбаются глаза, а не губы. Удивительное состояние.

– *Почему роль памятников сегодня снова возрастает?*

– Потому что начинается возвращение традиции. Потому что, как говорил великий Конёнков, «без скульптуры народ превратится в быдло». Историю культуры надо возвращать и расставлять всех по местам. Не надо никого скидывать с очередного корабля современности. Например, Рождественский с Вознесенским тоже яркие поэты, и им тоже надо воздвигать памятники.

БЕЛЫЕ КРЕСТЫ

Летом 2014 года по благословению митрополита Калужского и Боровского Климента на Новом кладбище в Тарусе появились белые кресты. Большой Памятный Крест белого цвета и вокруг него несколько небольших, тоже выкрашенных в белый цвет. Они прикреплены к деревьям по оба склона кладбищенского оврага и в вечерних сумерках похожи на летящих журавлей. Тех самых, о которых пел Бернес. Справа от Памятного Креста расположен подсвечник с песком, чтобы удобно было ставить поминальные свечи. Весь этот комплекс был построен стараниями известного политолога и публициста Александра Щипкова и его супруги журналиста Любови Щипковой, людьми, хорошо известными в Тарусе.

– Александр Владимирович, в чём глубинный смысл ваших парящих белых крестов?

– Полноценная семья состоит из дедов, детей, внуков и... отеческих могил.

В Тарусе – два кладбища. Они не имеют названий, и жители их называют попросту – Старое и Новое. Наши родственники покоятся на Новом, и мы с детьми и внуками здесь бываем довольно часто. Я люблю бродить по кладбищам, читать имена на памятниках, представлять, что это были за люди и чем они занимались. К сожалению, сегодня ушла традиция указывать профессию и род занятий покойного. А напрасно.

Прохожий, останавливаясь у могильной ограды и произнося имя, вольно или невольно поминает его. Хорошо бы знать, кем был этот человек. Это, конечно, не молитва в прямом смысле слова, но всё же какая-то форма поминовения. Что мы можем дать нашим близким, ушедшим

в мир иной? Только добрую память, только молитву о них. Ну и конечно, мы должны поддерживать в порядке саму могилу. Все мы чистим холмики, моем памятники, красим кресты и ограды, привозим свежий песок на дорожки. Косим траву, а зимой приходим с лопатой и пробираемся к могилам сквозь сугробы снега. Мы тратим физические силы не для того, чтобы вырастить урожай или заработать денег. Мы тратим силы ради памяти, мы чувствуем, что это – то немногое, что мы можем отдать им, дорожим нашим людям. В этой бескорыстной трате сил на поддержание «отеческих гробов» таится глубокий смысл таинственного общения между ушедшим поколением и поколением живущих.

– Вы говорите так, словно эти ушедшие от нас люди физически где-то рядом...

– Физически, разумеется, нет, а мистически, духовно – рядом. Почти все это чувствуют, но не всегда правильно понимают, как строятся отношения между живыми и мёртвыми. Поэтому кладбища зачастую

окутаны сотнями мифов, суеверий и страхов. Порой доходит до смешного. Недавно на кладбище случайный собеседник убеждал меня, что калитки могильных оград всегда должно оставлять распахнутыми, так как покойники «ходят друг к другу в гости». Пересказываю с улыбкой это наивное представление о загробном мире знакомой, которая в то же самое время пришла прибраться на могилке родителей. Она живо и совершенно серьёзно реагирует: «Какие глупости! Что ж покойник калитку сам открыть не сможет, что ли?».

– И что вы ей ответили?

– Ничего. Просто вспомнил стихи Василия Жуковского, которые в детстве приводили меня в священный трепет:

*«В двенадцать часов по ночам
Из гроба встаёт барабаник;
И ходит он взад и вперёд,
И бьёт он проворно тревогу.
И в тёмных гробах барабан
Могучую будит пехоту;
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горячих песков Палестины»...*

– Да, но эти образы возвышенны, в них нет народного суеверия.

– Разумеется, нет. Это стихотворение о воинской верности долгу, о воинском единстве, которое сохраняется в памяти, в истории и передаётся современникам. Ведь и Лермонтов продолжал эту тему, все помнят его знаменитые строки:

*«Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нём треугольная шляпа
И серый походный стуртук».*

– Вы сказали, что полноценная семья состоит из дедов, детей, внуков и отеческих могил.

– Да-да – и из могил. Мы – единое целое. В этом нет ничего ужасного или противоестественного, напротив, это норма, которую мы утратили. Забыли. Чистим свои могилы, а мусор выбрасываем тут же, рядом с соседней могилой или кладбищенской оградой. Меняем старый крест на новый и оставляем его в помойной куче. Бросаем крест, символ спасения, в мусор, отказываясь тем самым от собственного спасения в мире ином.

За последние годы мы вытащили из мусорного контейнера добрых два десятка крестов и, не зная, что с ними делать, оставили возле могилы моей матери. Постепенно это стало уже походить на Грабарку – знаменитое место православного паломничества в Польше, куда несут кресты со всех сторон. Но что делать с этими крестами мы не знали – просто спасали от поругания, ставили возле своей ограды.

И однажды нам пришла в голову такая мысль. У многих тарусян родные похоронены в других, порой очень далеких городах. И часто нет денег, да и сил съездить навестить их.

И вот подходит Радоница или Троицкая родительская суббота. Все потянулись на кладбище, а тебе некуда пойти. А ведь сколько людей вообще не имеют могил, сколько пропавших без вести, и не только в Отечественную или в Блокаду. Афганистан, Чечня, нынешняя Украина... Да сколько просто несчастных страшных случаев – «ушла из дома и не вернулась». Куда идти поплакать кроме церкви? Должно быть такое место, у каждого обязательно должно быть.

И тогда мы решили на нашем тарусском Новом кладбище поставить большой Памятный крест. Крест изготовили тарусские мастера.

Четырёхметровый православный крест, простой, ничего лишнего. Выкрасили в белый цвет.

7 июня 2014 года, в Троицкую родительскую субботу, настоятель тарусского собора апостолов Петра и Павла протоиерей Леонид Гвоздев освятил Памятный Крест и совершил возле него первую панихиду. Люди плакали.

– Кстати, а почему все кресты белого цвета?

– Наши кладбища выглядят уныло. Меня удручает нынешняя мода на чёрный траурный мрамор. Куда лучше – белый цвет! Радостный и спокойный одновременно. Цвет чистоты и вечности. Существует давняя церковная традиция – на отпевание священник служит в белых одеждах. А покойника накрывают белоснежным саваном.

Когда Калужский митрополит Климент приехал сюда служить панихиду, он подошёл к нашему белому кресту, положил на него руку и долго молча стоял. А потом повернулся и сказал: «Настоящий белый русский крест...».

Мы предложили построить на Новом кладбище небольшую часовню и получили на это благословение митрополита Климента. Но это в будущем. Нужно собрать денег, сделать проект. А место уже определили – возле дороги, прямо напротив Памятного креста. Зрительно они будут находиться на одной оси. Такое решение «соберёт», как выражаются архитекторы, воедино всё пространство Нового кладбища.

– Насколько я поняла, рядом с большим Памятным крестом вы расставили и развесили по деревьям именно те кресты, которые вытаскивали из помойки?

– Те самые. Некоторые совсем развалились, их пришлось сжечь (это разрешается, потому что не оскверняет символ креста). Остальные починили, отмыли от грязи и тоже выкрасили в белый цвет, чтобы видны были издали. Теперь на них тарусяне вешают фотографии тех своих

близких, могилы которых далече... а кто желает – устанавливает свой крест. Так осенью 2014 года появился крест рабу Божьему Игнатию, расстрелянному на Бутовском полигоне...

– Вот так складывается новая традиция в Тарусе...

– Помнить предков – не новая традиция, а очень древняя. На ней и стоим. Хотел бы сказать, что нам многие помогали. Кто трактором, кто самосвалом. Пришлось вывезти огромные количества мусора, который сваливали в овраг на краю кладбища, засыпать огромную яму, завезти «пгс», отсыпать площадку, изготовить подсвечник с песком, заказать икону на Памятный крест, повесить фонарики-лампады, которые теперь видны от самого входа на кладбище... Глаза боятся, а руки делают. Всем помощникам наша сердечная благодарность.

О ПРАВОСЛАВИИ

Июнь 2007 года

Журнал «Вода живая», Санкт-Петербург

Беседовала журналист и религиовед Анастасия Коскелло

НА ЗАПРЕТНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Интервью с Александром Щипковым, помощником Председателя Совета Федерации, председателем Клуба православных журналистов.

– Вы пришли в Церковь в 1970-е годы. Поменялись ли Ваши ощущения от Церкви, от Православия с тех пор?

– Поменялись, конечно. Тогда они были восторженно-неофитскими... Замечу при этом, что я никогда не употребляю слово «неофит» в уничижительном смысле. Неофитство – это дар Божий, это то, что человек ещё не заслужил, это то, что Господь даёт ему как бы «наперёд».

– Можете рассказать об этом состоянии исходя из Вашего опыта?

– Конечно, только исходя из своего опыта я и могу говорить. В период неофитства Господь даёт человеку почувствовать Его, – ещё только Его, а не Церковь. Просто ты неожиданно начинаешь чувствовать, что Он есть. Ты ещё не в состоянии сформулировать то, что произошло, как-то логично описать своё состояние, есть только ощущение, что есть ты и есть Он, Бог, и ты начинаешь с Ним разговор. Ты ещё не знаешь красоты канонических молитв, ты молишься стихийной, полубессвязной молит-

вой... Вообще это состояние эйфории, блаженства и одновременно тревоги и волнения перед открывающимся пространством.

– Вы думаете, это так у всех, кто приходит в Церковь?

– Уверен, что Бог однажды открывается каждому человеку. Лично. Персонально. Интимно. Другое дело, что один это первое обращение Бога к нему услышит и «подхватит», а другой – отвергнет или просто поленится на него ответить.

– А когда это состояние заканчивается?

– Когда ты начинаешь эту свою неоформленную молитвенную жизнь оформлять, структурировать и помещать в какие-то рамки.

– А можно без «рамок»?

– Нет, нельзя. Религиозная жизнь без рамок и дисциплины – путь в ересь. Обычно в Православной Церкви люди начинают регулярно ходить на литургию, вычитывать утреннее и вечернее правило, строго поститься, меняют одежду, прическу. Вообще неофит стремится к монашеству. От этого, кстати, окружающие начинают над ним посмеиваться: мол, смотри, шею сломаешь.

– Над Вами смеялись тоже?

– Конечно, как и над многими в такой ситуации. Но на самом деле, ничего тут смешного нет. Кажется, что неофитство – это только внешняя форма, а ведь за ней стоит очень важное содержание. Неофитство – это состояние «бесплатного» чувства Бога.

– А что приходит ему на смену?

– Ну а дальше – не то, чтобы ты становишься теплохладным, но это «бесплатное» состояние эйфории заканчивается. Дальше нужно прилагать усилия, работать. Причём, помня этот свой замечательный опыт, – и головой, и сердцем, – ты хочешь вернуть его, а это оказывается очень трудно. Особенно, когда есть какие-то неудачи и падения. Из-за них иногда даже отдаляешься от Бога.

– В чём это выражается? Перестанешь ходить в церковь?

– Ходить в церковь на богослужения очень важно, но церковная дисциплина – это в первую очередь внутренний порядок. Порядок, который ведёт тебя к Евхаристии. Но кто сказал, что православный человек – это только тот, кто регулярно ходит в церковь? А если у человека ног нет? Ну, допустим причащаться можно на дому... Но даже если он не причащается, разве можно исходя из этого утверждать, что он – не православный, не христианин? Он может всю жизнь сидеть в заточении или быть за что-то отлучён от причастия на двадцать лет. Мало ли как бывает в церковной жизни... Да даже если он некрещёный: ведь если человек крестится не в младенчестве, а в сознательном возрасте, значит он крестится по вере – то есть, он сначала обрёл православную веру и стал православным христианином, а потом уже принял крещение и вступил в Церковь со всеми добровольно взятыми на себя дисциплинарными обязанностями.

– То есть человек, отдаляясь от Бога, может оставаться христианином?

– Вся жизнь христианина – это вообще некая «синусоида», это постоянное борение, он то приближается к Богу, то от него отдаляется.

– Каких моментов больше?

– Равное количество. Как только опустишься, Бог напоминает о себе и помогает тебе опять подняться. Главное – не забывать в суматохе жизни просить у Него помощи и благодарить за эту помощь.

– А как вы считаете, изменилась ли Русская Православная Церковь с тех пор, как вы впервые пришли в неё?

– Тут надо сделать необходимое уточнение: Церковь со дня устройства её Иисусом Христом не меняется. Церковь – это, по мистической сути, не видоизменяемое явление. А внешне – конечно же, идёт исторический процесс, и Церковь в нём участвует. Видимая часть Церкви, конечно, меняется. Меняется язык, музыка, архитектура.

– А люди?

– С этим сложнее. Конечно, можно, наверное, говорить о духе Церкви – не в смысле мистическом, а в смысле субъективного ощущения. Он создаётся из внешнего вида духовенства и мирян, из манеры говорить, общаться. В таком смысле дух Церкви, конечно, поменялся по сравнению с 1970-ми годами.

– Каким образом?

– Тогда каждый, кто заходил в храм, испытывал чувство пусть минимального, но риска. Ощущение было, как в аэропорту: прошёл па-

спортный контроль – считай, уже улетел... Это было всё равно что оказаться на запретной территории. У старушек, которые в основном тогда были в приходах, может, такого острого чувства и не было – хотя тоже могло быть, ведь репрессии коснулись почти всех семей в стране. При этом я не утверждаю, что пришёл в Церковь в очень уж опасные времена: всё-таки, 1970-е – это не 1920-е, за веру уже не закапывали заживо и не расстреливали.

– Когда эта атмосфера риска, о которой вы говорите, в начале 1990-х исчезла, что пришло ей на смену?

– Это было сложное и путаное время. У меня лично возникло ощущение, что в мою Церковь пришли чужие люди – комсомольцы. Я очень ревностно к этому относился. Первое чувство было такое: «А по какому, собственно, праву?! Вы – чужие, Вы – внешние»...

Это было очень опасное чувство, потому что нет в Церкви «внешних». Интеллектуально я это и тогда понимал, – я знал, что Церковь по определению открыта для всех, – но вот эмоционально я с этим примириться не сразу.

– Что Вам в этом помогло?

– Только время. Это было как грипп – он ведь может и сам пройти, без лекарств.

– Но от гриппа-то можно и умереть...

– Да, можно. Поэтому, кстати, многие в тот период по причинам, о которых я упомянул, ушли из Русской Православной Церкви в различные самосвятские юрисдикции. Ушли, но вернутся. Не сами, так их дети вернутся. А для тех, кто остался, период 1990-х был очень важным временем отстаивания своего права быть в Церкви. В результате многие, наконец, стали ощущать себя в Церкви хозяевами.

– Это хорошо?

– Почему нет? Мы любим свою Церковь, мы заботимся о ней, уважаем её правила и установления. Мы члены Церкви и мы хозяева в ней. Заботливые и рачительные. В Русской Православной Церкви, к сожалению, это чувство – быть хозяином в Церкви – не очень развито у мирян, да и у некоторых священников его пока нет. А если ты не чувствуешь себя полноценным хозяином дома, то ты и не берёшь на себя ответственность за этот дом.

– Многие, пришедшие в Церковь в 1960-1970-е, с восторгом вспоминают о временах запретов, самиздата, кочегарок. Они говорят, что жить тогда было интереснее. Для вас это было так?

– Так говорят только те, кто наблюдал за процессом со стороны. Однажды Эда Моисеевна Береговская, в прошлом мой преподаватель стилистики французской литературы, сказала: «Саша, какая в те годы у вас в кочегарках была глубокая насыщенная жизнь!». Я ответил: «Кочегарка – это не только собрания поэтов, философов, художников, рок-музыкантов. Кочегарка – это грязь, водка, мат, ржавые экономайзеры, дикий, сутками непрерывающийся рёв насосов, крысы, сырость, утечки газа, аварии при минус двадцати. И абсолютная уверенность в том, что так будет всегда».

– То есть сейчас для вас жизнь стала интереснее?

– Конечно, да.

КЛАДБИЩЕ

Традиционно в весенние предпасхальные дни людей интересует довольно деликатная тема, которую не так часто затрагивают газеты, – тема кладбищ. Сегодня мы беседуем об этом с человеком, хорошо известным нашим постоянным читателям, – публицистом и общественным деятелем А. В. Щипковым.

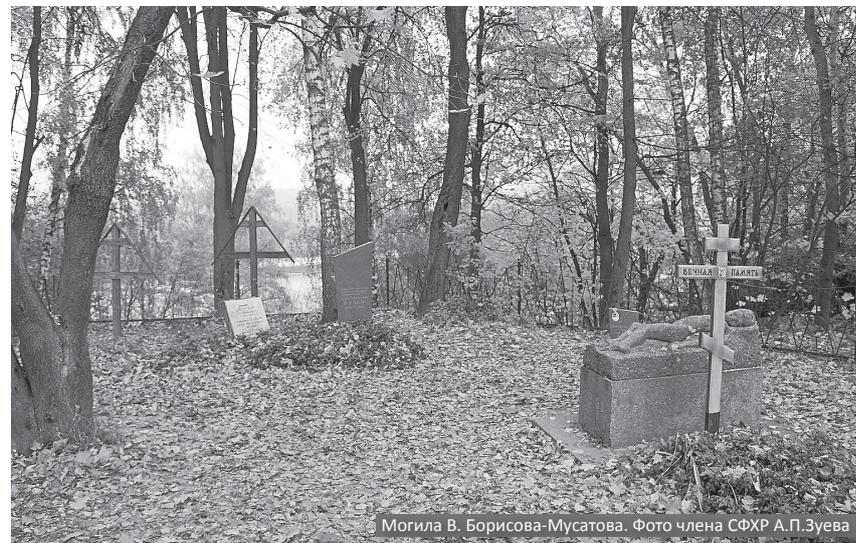
– Александр Владимирович, Пасха 5 мая считается поздней?

– Да, в этом году у нас и Пасха поздняя, и зима долгая – снег до конца апреля пролежал. Но к Радонице на кладбищах уже всегда сухо, люди начинают прибираться на могилах, наводить порядок. Это очень хорошая традиция, свидетельствующая о том, что память об умерших очень важна. Причём она важна в разных смыслах. Во-первых, это уважение к предкам, к родителям, к дедам и бабушкам, память о предыдущих поколениях, которые строили нашу страну. Но есть и вторая составляющая, не менее, а может быть, и более важная, – это религиозная часть, о которой мы редко задумываемся.

– Что Вы имеете в виду?

– Дело в том, что членами Церкви являются как живые люди, так и уже умершие. Это парадокс христианства.

– У Бога мёртвых нет?

Могила В. Борисова-Мусатова. Фото члена СФХР А.П.Зуева

– Совершенно верно. И это не просто фигура речи. Дело в том, что между нами и нашими умершими родителями и вообще родственниками сохраняется прямая связь. Люди эту связь всегда чувствовали: и в дохристианский период, и в эпоху христианства. Отношения живых и умерших строятся следующим образом. Люди грешны, и, умирая, они нуждаются в помощи живых. И эту помощь мы реально можем им оказать. Мы молимся о них. В церкви мы подаём записки «Об упокоении». Это не пустой ритуал, это наши молитвы о них, в помощь им в их иной жизни. Выделены даже определённые дни для этого – например, суббота считается поминальным днём. В году в кругу православных праздников есть Родительские субботы. И народ помнит об этом; в этот день обычно в храме много народу, все приходят, подают записки о поминовении.

– Что представляет собой поминовение усопших?

– Их инобытие нам неведомо, незнакомо. Мы не можем себе представить, в каком они там состоянии. Но поскольку люди грешны и греш-

Поклонный крест на Воскресенской горе.
Фото члена СФХР А.П.Зуева

ными умирают, они в этой нашей помощи нуждаются. Точно так же, как и мы будем нуждаться в молитвенной помощи после нашей смерти. А с другой стороны, и они молятся о нас, думают о нас, переживают. В трудные минуты жизни кого вспоминает даже старик? Маму! Естественно, самый близкий контакт у нас с матерью. Эта связь и после смерти неразрывна. Но это касается не только матери и отца – вообще всех родственников. Эта связь направлена в обе стороны. И в наших молитвах мы с ними как бы беседем.

Основное место молитвы – это, конечно, храм. Тут мы молимся все вместе, а общая молитва имеет большую силу. Но молиться можно где угодно – дома, в дороге, в лесу, и особенно на кладбище. Сюда приходят «помянуть», то есть вспомнить. А что такое «вспомнить»? Это молитва. Им там нужна наша молитва, а не вино с печеньем.

И, конечно, на могиле должен быть порядок – зримое проявление нашего отношения к нашим умершим. Есть на кладбищах могилы очень ухоженные, причём не обязательно с дорогими памятниками. Они сразу видны: человек приходит, стрижёт траву, сыплет песочек, пытается это место как-то обустроить. Если могила в запущенном состоянии, это означает одно из двух: либо никого из близких в живых не осталось, либо это небрежение со стороны родственников, которые похоронить похоронили, но больше не появляются. Могилки проваливаются, на них стоят покосившиеся кресты, ещё со дня похорон, которые в конце концов падают.

В связи с этим мне приходит мысль о том, что нам в Тарусе необходимо поменять своё отношение к кладбищам.

– *Каким образом поменять?*

– У нас в городе два кладбища. Вообще-то даже три. Нельзя забывать о кладбище на Воскресенской горе. Это кладбище было ликвидировано. К сожалению, таких случаев по стране было невероятное количество. Уничтожали кладбища, тем самым уничтожая память. На кладбищах строили дома, заводы, разбивали парки. Когда восстановили Воскресенский храм, православные собрали уцелевшие надгробия, поставили замечательный каменный поклонный крест. Этот крест, как и могила Борисова-Мусатова, – всё, что осталось от того кладбища.

Ведь и Марина Цветаева завещала поставить себе камень не абы где, а именно на кладбище, по которому часто бродила в детстве. Из-под этого кладбища в Оку вытекает источник. Недавно возникло странное поветрие – вешают возле этого источника тряпочки, пакеты, верёвочки. Смысла в этом нет никакого, а выглядит грязно и дико. Я бы на месте учеников 2-й школы взял это место под опеку и следил за чистотой источника, Маринино камня и могилы Борисова-Мусатова.

Второе – старое городское кладбище, которое пребывает у нас в очень неплохом состоянии. Благодаря тому, что оно старое, что там похоронено много тарусян, есть захоронения знаменитых людей, оно довольно обихоженное. Несколько лет назад появилась при кладбище часовня. Хотя и на этом старом кладбище есть, конечно, свои проблемы.

Третье кладбище новое. Пока оно небольшое, но люди, к сожалению, умирают, и оно довольно быстро растёт, поднимается в гору, отвоёвывает опушку леса. И вот я обратил внимание, что вначале это кладбище было строго распланировано, были аккуратные дорожки. Но сейчас исчезли поперечные дорожки, планировка нарушается, и такое ощущение, что кладбище начнёт развиваться стихийно, что, наверное, не очень хорошо, потому что кладбище должно быть организовано так, чтобы оно было удобным для прогулок.

– *Для прогулок?*

– Да-да... На кладбища нужно приходиться гулять. В этом нет ничего странного. Гулять можно не только в парках или по набережным – на кладбища тоже нужно ходить, и обязательно с детьми, потому что это напоминание и нам самим, и нашим детям о бренности нашей жизни и прививание детям памяти о предках. Кладбищ не надо бояться. У нас распространены суеверия о том, что кладбище – это некое страшное место, что лишний раз туда лучше не заходить, детей с собой не брать и так далее. Это в корне неправильно. Я, например, люблю приходиться на кладбище поздним вечером, в сумерках.

– *Почему?*

– Объясню. Мы с женой установили на своих родных могилах фонарики. Приходим вечером, зажигаем в них свечи, читаем мирянским чином панихиду, и когда уже идём к выходу, свечки в этих фонариках мерцают долго-долго, будто они нас провожают. Наши кресты в дальнем конце кладбища, но фонарики видны даже от входа, это очень красиво.

Эти фонарики – не просто украшения. Это лампы. Как в церкви, когда лампада и свеча возжигаются, символизируя нашу жертву и нашу память. Мы молимся, ставим свечки: на канон – отдельный столик для свеч – ставятся свечи в память об умерших, на остальные подсвечники – с молитвой о живых. Тот же смысл и в фонариках-лампадах. Просто обычные лампы довольно сложно возжигать на кладбищах – там ветер, дождь, а фонарики эти очень удобны. Свечи в них горят три-четыре часа.

При советской власти всё это было утрачено, а в старину на кладбищах устанавливали лампы. На деревенских кладбищах были специальные деревянные сооружения-«скворечники», в городах на богатых могилах делали каменные ниши. Это наша русская традиция, и её нужно возродить. И вечером, особенно в праздники, на Рождество, например, на Радоницу, на Троицу, даже в, казалось бы, не религиоз-

ный праздник 9 Мая, но связанный с народной памятью, эти лампы-фонарики будут долго мерцать и согревать могилы. Очень красиво. Мне кажется, было бы очень хорошо, если бы мы у себя в Тарусе попробовали это возродить. Замечу попутно, что замечательная традиция вечного огня на братских могилах имеет те же самые корни и тот же самый глубоко религиозный смысл.

А есть целый ряд совсем нелепых кладбищенских примет, которые мне приходилось слышать. Например, что зимой не ходят на кладбища. Это полная чушь. Снежком, дескать, могилки припорошило – не надо их тревожить. Действительно, я обратил внимание, что зимой кладбища посещают мало, но это не потому, что мёртвых «не надо тревожить» – просто лень прихватить с собой лопату и расчистить дорожку к могиле. Это требует некоторых усилий. Но ведь усилия, которые мы прилагаем, чтобы расчистить снег или выкосить летом траву, – это тоже форма нашего уважения к усопшим. Теперь мы можем только молиться о них и хоть что-то сделать физически: убрать листья, посадить цветы, почистить снег и т.д.

Что меня совершенно удручает на Новом кладбище – это мусор. На Старом кладбище, кстати, порядка больше, но на Новом... Позади идёт овраг, и весь мусор: старые венки, пакеты, бутылки – всё в овраге. Хотя на кладбище установили мусорный контейнер, мой сосед по кладбищу – наши родные могилы рядом – Василий Ефремов много хлопотал по этому поводу. Но контейнер-то установили, а в овраг кидают. Людям кажется, что они выкинули бутылку – и там её никто не увидит. Так поступают дети – глазки руками закрывают и думают, что их не видят. Бог-то это видит, от Него не спрячешься. Отсюда и выражение «всё тайное становится явным». Этот мусор – неуважение к нашим покойникам, которые тут лежат! Вся задняя часть кладбища превратилась в отхожее место. Чего тогда стоят наши старания по наведению порядка на своих могилах? Кладбище – это как одна общая могила всех тарусян, здесь похороненных. Мы с сыновьями периодически выгребаем этот мусор, но порой уже не справляемся, так его бывает много!

И потом, есть одна вещь, совершенно, на мой взгляд, чудовищная и недопустимая. Люди обновляют могилы, устанавливают памятники, заменяя ими временно поставленные в момент захоронения кресты. И кресты эти они выбрасывают. Выбрасывать крест – кощунство. Это очень важный символ в христианстве, мы ведь осеняем себя крестным знаменем, носим крест на себе. Небрежение к кресту вообще-то очень опасно. И для тех, кто его выбрасывает, в первую очередь. Это прямое надругательство над Христом, над его крестными муками.

– А как в таких случаях людям правильно поступать?

– Конечно, ни в коем случае не выбрасывать крест в мусор. Надо забрать крест и сжечь его дома.

– Очень многие люди традиционно посещают кладбища на Пасху, которая вот-вот наступит. Другие говорят, что этого делать нельзя, что можно приходить только на Радоницу, через десять дней после Светлого Христова Воскресенья, во вторник, следующий за Светлой седмицей. Как к этому следует относиться православному христианину?

– Я попытаюсь коротко объяснить, откуда появилась традиция не ходить на кладбище в Пасху, а приходить на Радоницу.

Пасха – это день воскресения Иисуса Христа, величайшее событие, которое празднуется народом на протяжении недели – Светлой седмицы. Поётся пасхальная молитва «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Здесь говорится о том, что Христос даровал жизнь всем умершим, «сущим во гробех», то есть лежащим в гробах, похороненным. И в эту неделю как бы нет разницы между живыми и мёртвыми, мы объединены общей радостью, общим праздником. В эту неделю мёртвые перестают быть мёртвыми, они живы. В этом главный смысл Пасхи – утверждение победы жизни над смертью, утверждение, что все мы живы и когда-нибудь воссоединимся.

Поэтому в эти пасхальные дни не совершаются поминальные богослужения. Некого поминать – все живы и все мы вместе! Глубочайший и очень радостный смысл этого главного христианского праздника. Вот отсюда-то и пошла народная традиция на Пасху не ходить на кладбище. Ходить можно, но не совершаются поминальные молитвы. А вот Радоница – это первый день поминовения усопших после Пасхи. Радоница переводится как Радость. Мы приходим на кладбище с радостью от того, что мы испытали за эти пасхальные дни. Поэтому Радоницу называют ещё и Пасхой мёртвых.

Так что приходить на кладбище можно в любой день в году. Никаких запретов не существует. Хоть каждый день.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ

В 2013 году по благословению благочинного Тарусского о. Леонида Гвоздева в Тарусе установили два поклонных креста на въезде в город – со стороны Серпухова и со стороны Калуги. Многие выражали удивление, кто-то даже неудовольствие: собственно, зачем и почему? О поклонных крестах, десяти заповедях и влиянии православной этики на общество размышляет наш постоянный автор – публицист и общественный деятель А. В. Щипков.

– Александр Владимирович, какой смысл заключён в традиции ставить при дороге поклонные кресты?

– У верующих разных конфессий есть традиция установки религиозных символов на тех территориях, где они живут. Возьмём хотя бы мусульман. В их традиции строительство в том или ином городе мечети означает, что это место принадлежит приверженцам ислама. Скажем, если в городе, традиционно не исламском, открывается мечеть, это обозначает право мусульман на пребывание здесь. Таковы традиция и психология их религиозного сознания. С этим нельзя не считаться, это нужно учитывать. Но ведь это относится и к другим религиям. Православные христиане тоже всегда отмечали территорию своего обитания – и строительством храмов, и установкой поклонных крестов. Они обозначают границы того поселения, где живут русские православные люди, но в то же время кресты – это знаки, оберегающие людей, живущих в этой местности, от всяких бед и напастей. Таким образом, в Тарусе просто возрождена древняя

Таруса. Игумнов Овраг. Часовня Боголюбской богородицы.
Фото члена СФХР А.П.Зуева

православная традиция, и очень хорошо, что эти поклонные кресты установлены.

– Но, может быть, обозначать таким образом свою территорию сегодня уже не так актуально? Времена меняются, XXI век на дворе.

– Таруса находится в центре России, мы живём на своей исконной земле и обозначаем этим не столько территориальные границы, сколько границы своей культуры. Мы показываем другим народам и напоминаем самим себе, к

какой религиозной и культурной традиции принадлежим.

Любая религия связана в первую очередь с вещами мистическими. Она связана с идеей личного спасения, спасения души человека для вечной жизни. Но религия также неразрывно связана и с формой общественного устройства нашей жизни. И личная, и общественная, и государственная жизнь опираются на традиционные этические нормы, которыми мы руководствуемся в своей жизни: в семье, в общении с соседями, во взаимоотношениях внутри общества и во взаимоотношениях народа и власти. Корни этих этических норм – в религии. Сначала появляется религия, затем на её заповедях строятся этические нормы, которые становятся основой культуры народа. Искусственное изменение этических норм приводит к повреждению культуры и нарушению

социального равновесия, то есть к росту агрессии, бандитизма и т.д. Наша современная этика своими корнями уходит в православие.

– А православная христианская этика основывается на десяти заповедях.

– Да, десять заповедей никто не отменял. Неважно, помнят их люди наизусть или нет, читали они их или не читали – в жизни они всё равно на них опираются. Обратите внимание на такую любопытную вещь: и верующая часть общества, и нерелигиозная его часть находят между собой общий язык, точки соприкосновения, несмотря на существенную разность мировоззрения. Это происходит вследствие того, что у всех нас одна и та же этическая основа поведения – десять заповедей. Это можно признавать или не признавать, но это так.

Первые четыре заповеди регламентируют наши отношения с Богом. Они как бы не касаются неверующих людей. Если вам интересно, вы легко можете найти их в Интернете, и я сегодня не буду о них говорить.

Но есть ещё шесть заповедей – они касаются всех, потому что они регламентируют взаимоотношения людей.

5. Почитай отца твоего и мать твою.
6. Не убий.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не укради.
9. Не лжесвидетельствуй.

Эти заповеди касаются всех – и верующих, и неверующих. Любой понимает, что он не прав, если преступает одно из этих правил.

– А как понимать десятую заповедь? Что значит «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни вола его, ни осла его...»? Ведь уже сказано: не кради, не прелюбодействуй...

– Смысл этой последней заповеди прост: не завидуй. Зависть – страшная вещь. Это чувство, которое разрушает жизнь человека. Она приравнена к воровству и даже убийству. Это не случайно. Зависть уничтожает человека изнутри, она его гнетёт и разъедает.

Но это наше отступление совсем не для проповеди. Мне просто хотелось бы подчеркнуть, что эти шесть заповедей, регламентирующие отношения между людьми, – универсальны как для верующих, так и для неверующих. И те, и другие их признают. Этическая основа у нас одна. И культура, основанная на этой этике, у нас одна. Так что установление поклонных крестов на въезде в Тарусу – глубоко символический акт. Этим мы напоминаем себе, кто мы есть и как мы намереваемся здесь жить.

– Перед самым празднованием 1025-летия Крещения Руси, где-то в середине июля Патриарх Кирилл обратился к пастве. О чём он говорил, на что хотел обратить наше внимание?

– Святейший Патриарх Кирилл говорил о том, что в Европе идёт очень опасный процесс – нарушение нравственных правил постепенно начинает возводиться в ранг государственных законов. Он имел в виду разрешение на однополые браки во Франции. Гомосексуализм однозначно осуждается абсолютно во всех религиозных системах. Норма сексуальных отношений – это отношения между мужчиной и женщиной. Во Франции нарушение этой нормы узаконили. И Патриарх указывает, что это первый шаг к нарушению нравственной гармонии в человеческом обществе. Гомосексуализм – это нарушение 7-й заповеди – «не прелюбодействуй». Ведь эта заповедь касается не только прелюбодеяния с противоположным полом. То есть Франция фактически сделала попытку отменить одну из заповедей. Возможно, они попытаются отменить ещё какую-либо заповедь.

Всё это не что иное, как попытка изменить фундаментальные принципы человеческих взаимоотношений. Слом традиционной этики ослабляет людей точно так же, как их ослабляет нарушение экологических норм.

Именно поэтому государственное законодательство должно опираться на нравственные нормы. Любой закон призван регулировать отношения в обществе и помогать людям, поддерживать их. А здесь получается, что человека уничтожают.

– Вероятно, не всем понравилось это выступление Патриарха Кирилла?

– Это было резонансное выступление, на которое тут же отреагировали и в России, и наши «доброжелатели» на Западе. Они выражали огромное неудовольствие.

Законодатели всех уровней должны помнить, что на них лежит огромная ответственность. И наши, местные тарусские депутаты, принимая то или иное решение, тоже должны помнить: любое их постановление должно опираться на этические нормы, о которых мы сегодня говорим. От этого зависит качество жизни людей, избравших их во власть.

15 ноября 2011 года

Журнал «Фома»

Беседовал журналист Алексей Соколов

СКОЛЬКО ВЕРУЮЩИХ В РОССИИ?

Известный публицист Александр Щипков уверен, что уровень общей религиозности в современной России и в СССР одинаков, а новые гонения возможны сегодня так же, как они были возможны за год до Октябрьской революции.

– Александр Владимирович, позвольте начать с общего вопроса. Так было в 1990-е годы второе Крещение Руси или нет?

– Было, но исключительно в метафорическом смысле. Это образное выражение пришло на смену уже основательно заштампованной «дороги к Храму». Единственное Крещение Руси состоялось более тысячи лет назад, а всё, что было потом, – уже христианская история нашей страны со всеми её сложностями, издержками, тёмными страницами и многочисленными победами.

В православии человек получает крещение раз и навсегда. Крестили – всё, ты теперь член Церкви. Думаю, что о церковном организме, о Поместной Церкви можно говорить точно так же. Потому что в обратном случае возникает вопрос: а что же такого случилось в 1991-м или в 1988-м годах? Дух Святой сошёл на Россию? Я бы так не сказал, потому что иначе произошло бы какое-то масштабное просветление, которого на самом деле не было.

Часто публицисты, говоря о «втором крещении», уверяют, что именно политические изменения повлияли в 1991 году на духовное и религиозное состояние граждан. А это в принципе неверно. Наша духовная внутренняя религиозная жизнь не может зависеть от политических

процессов, а только от тех, которые идут внутри каждого христианина и внутри Матери-Церкви. Конструируя модель «второго крещения» и увязывая её с политикой, мы попадаем в ловушку. И можем дальше наделать много неправильных выводов.

– Но ведь можно вспомнить тот ажиотаж вокруг Церкви, который царил в первые постперестроечные годы. Толпы желающих креститься каждое воскресенье... Число людей, одевших тогда крестик, возросло в разы.

– Думаю, верующих после 1991 года больше не стало. Равно как не стало их меньше. Здесь моя позиция понравится, конечно, не всем, однако, у меня есть свой собственный подход к расчётам в этой области.

Вот смотрите, в советские годы официальная статистика показывала, что неверующих – 85%, а верующих – 15%. После 1991 года социологи начали рисовать кривую стремительного роста: якобы число религиозных людей к концу 1992 года выросло до 60%, а вскоре и до 80-85%. Возникает логичный вопрос: а откуда эти «новые верующие» взялись? Что за причина породила этот религиозный взрыв?

Я изучал провинциальные авторефераты кандидатских диссертаций по научному атеизму 1960-х и 1970-х годов, где приводились результаты региональных замеров. Эти цифры заметно превышали общие показатели по СССР (85 на 15). Например, на Орловщине – 20% верующих, а на Ставрополье, в районе повышенной религиозности, – 40%. Наверняка эти цифры в полтора-два раза были приуменьшены в угоду идеологии. Эти цифры натолкнули меня на мысль о том, что советская атеистическая социология прекрасно знала уровень общей религиозности в СССР. И этот уровень соответствовал 85% процентам. Советской пропаганде ничего не оставалось делать, как просто исказить данные. А сегодня цифры встали на своё место, вот и всё.

Вывод простой: не было никакого взрыва религиозности, не было никакого «второго крещения». Более того, я уверен, что и во всём

Таруса. Храм на Воскресенской горке. Фото члена СФХР А.П. Зуева

остальном мире, в любой религиозной традиции уровень религиозности примерно такой же – 85 на 15. Я говорю об этом уже двадцать лет, коллеги-социологи помалкивают и продолжают писать диссертации о причинах несуществующего феномена – религиозного взрыва 1988-1992 годов. На самом деле куда более интересная и важная тема – качество веры у этих 85%. Вот здесь – непаханое поле и для учёных, и для Церкви.

– И что вы можете сказать о качестве веры, о её нынешнем состоянии?

– Из советской эпохи русский человек вышел с раненым религиозным сознанием. Ни в коем случае нельзя ни смеяться над его суеВЕРИ-ЕМ с элементами язычества, ни высокомерно осуждать его за это. Этих людей не надо приводить к вере, они уже верующие, уже православные. Им нужно просто помочь. С ними надо работать абсолютно по-другому: просвещать, разъяснять особенности православного учения и любить

их. Для этого, собственно, нам и нужны новые и новые храмы. Я являюсь горячим сторонником храмостроительства. Противники спрашивают – где для них верующие? Я отвечаю – в соседних домах. Вера качественно меняется на глазах, становится осмысленнее, твёрже, и людям нужны храмы в шаговой доступности.

– Вы говорите, что качество меняется, что на это повлияло? Ведь уровень образования растёт медленно, этот процесс измеряется десятилетиями...

– Главный источник перемен сегодня – отсутствие страха. Ведь все годы советской власти наша вера была придавлена страхом. За неё надо было платить, и платить были готовы, в принципе, все, но разную цену. Один был готов заплатить жизнью, став мучеником, другой – сесть в лагерь, став исповедником, третий – потерять престижную работу, четвёртый – пойти на конфликт с семьёй. Самый робкий тайно крестил своего ребёнка. Но это тоже было рискованно и опасно – можно было схлопотать «выговор по партийной линии» или лишиться очереди на квартиру. Кто помнит, сколько всё это стоило, понимает, что отсутствие этого страха – колоссальное достижение.

– Выходит, если опять начнутся гонения, все вернётся на круги своя и нынешние достижения Церкви пропадут впустую?

– Если за религию снова начнут преследовать, то пойдёт волна отречений от веры. Человек – слабое существо. Но всё же выросло целое поколение, для которого вера – неотъемлемая часть жизни. Это поколение будет готово отстаивать право верить и право передавать веру своим детям. И это качественное изменение никуда не денется.

Я глубоко убеждён в том, что многие действия Патриарха Кирилла объясняются его долгом успеть сделать как можно больше за то время, которое Господь отвёл нашей Церкви на свободу. Ведь политические изменения могут произойти с такой же катастрофической быстротой,

как и в 1917 году. Кто бы мог подумать в 1916-м, что всё так резко изменится? Ведь тогда был пик патриотизма, страна почти побеждала в войне, шёл Собор, бурлила богословская мысль!

Каких только объяснений я ни читал по поводу увеличения количества епархий – экономических, политических, аппаратных. А ведь это делается в первую очередь для укрепления Церкви Христовой. Ведь чем больше и мощнее епископат, тем сложнее его уничтожить, тем сложнее прервать апостольскую цепь хиротоний. Просто больше времени уходит на уничтожение епископата.

На нынешние двадцать лет свободы я смотрю как на некую временную передышку, которую мы должны максимально эффективно использовать для укрепления Церкви.

– И всё-таки это рассуждения уже с высоты дня сегодняшнего, а как всё это виделось тогда, в первые годы свободы? Оправдались ли тогдашние ожидания?

– Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что сам я принадлежал к очень специфической социальной прослойке «православного подполья». В 1970-1980-е мы были молоды и мыслили радикально, стараясь, как говорил Солженицын, «жить не по лжи»: работали кочегарами и свободно ходили в храм.

Я вылетел из института за свои взгляды, ушёл рабочим на завод и тем самым получил полную свободу: мог практически ничего не бояться, свободно ходить в церковь, читать, что хочу, и говорить, что думаю. Поэтому лично для меня случившийся к концу 1980-х переход не стал слишком резким. Но, конечно, масштаб событий я ощущал. Помню прославление Иоанна Кронштадтского, первый массовый крестный ход в Ленинграде. Тогда как раз впервые вышли на улицу те самые «перевёрнутые» 85% населения. Это было невероятное событие, половина Петроградки была запружена народом.

– Сегодня тогдашнее увлечение христианством называют модой.

– Это ошибка. Вера и мода – вещи несовместимые. Вера – это то, что у человека внутри, а мода – внешняя оболочка. Мода может существовать на храмовую архитектуру, песнопения, иконопись или на платки, рюкзаки за спиной и так далее. А сама вера – либо она есть, либо её нет.

Существуют расхожие представления о «настоящих и ненастоящих» верующих. Для первых даже используются особые клише: «ярый католик», «ортодоксальный иудей», «правоверный мусульманин». О православном говорят: «глубоко верующий». Но есть ли прибор, способный измерить глубину веры? Ведь вся глубина заключается в одном единственном знании: Бог есть. У человека, вчера принявшего Христа, такая же глубина веры, как и у Патриарха. А вот религиозный опыт у них разный. Его приобретают временем, страданиями, испытаниями... ему научаются, и с годами приходит то, что называют степенью воцерковленности, то есть вхождением в Церковь и пониманием себя как части церковного организма.

– Однако именно в 1990-е на волне роста числа верующих внутри них началось деление. Эти «старые», а эти «новые». Эти «интеллигенты», а эти «из народа». И даже приходы церковные стали разделяться по категориям: военный, интеллигентский и так далее. Это какая-то специфика эпохи или так было всегда? И насколько это в принципе верно?

– Думаю, всегда было что-то подобное, просто в 90-е процесс разделения стал заметнее. Количество приходов резко увеличилось, стали приходить новые люди, рукополагаться новые священники: бывшие политработники, офицеры, инженеры. Они приносили с собой частичку своего мира и тем самым меняли сложившийся уклад. Дело в том, что Церковь при советской власти представляла собой параллельный мир, в котором мы находили прибежище. А нынче церковная жизнь изменилась кардинально. Мы уже не параллельная реальность, мы стали основной реальностью этого мира вместе с новыми членами Церкви и обновлённым клиром.

– Однако порой возникает непонимание между старой паствой и новым клиром.

– Это проблема становления приходской общинной жизни, и решить её можно, по моему мнению, через выборность духовенства. Сейчас это невозможно по целому ряду обстоятельств, но, конечно, идеально, когда община из своей среды выбирает человека для священнослужения, обращается к правящему архиерею и после испытания этого человека рукополагают именно для этой общины.

– А что бы Вы назвали главной проблемой Церкви за последние 20 лет?

– Очень трудный вопрос, но я рискну на него ответить. У нас сегодня говорят о сращении Церкви и власти – мол, союз с властью разрушит Церковь. Всё это полная ерунда! Искушение властью больше надуманно, чем существует в реальности. На самом же деле главная угроза для Церкви не во власти, а в деньгах. Искушение деньгами, стремление заработать на религии – вот что сегодня действительно угрожает Церкви, а все остальные проблемы (в том числе в отношениях с властью) – лишь производные от этого.

О ВОЙНЕ

21 июня 2013 года
Газета «Октябрь», г. Таруса
Беседовала гл. редактор Галина Плущевская

22 ИЮНЯ. БИТВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Завтра российский народ отметит трагическую и скорбную дату в истории Отечества – 72-ю годовщину начала Великой Отечественной войны. Всё дальше уходит от нас этот день народной памяти и боли, всё меньше в живых людей, для которых война стала страницей их личной судьбы, – фронтовиков, узников фашистских концентрационных лагерей и гетто, тружеников тыла, ковавших Победу на пределе человеческих возможностей. И увы, всё чаще по никому не подконтрольным просторам соцсетей в интернете, а то и по страницам СМИ гуляет этакая «вольная интерпретация» нашей истории и нашей Победы. Причём «вольная интерпретация» – это ещё мягко сказано.

Не бывает ничего случайного. Так и эти попытки очернить Победу советского народа в Великой Отечественной войне, конечно же, далеко не случайны. В канун 22 июня – Дня памяти и скорби – мы попросили поразмышлять об этом на страницах нашей газеты общественного деятеля и публициста А. В. Щипкова.

– Великая Отечественная война связана в сознании нашего народа с двумя основными датами – 9 Мая, Днём Победы, и 22 июня, Днём памяти и скорби. Мы должны помнить и свято хранить обе эти даты. В последнее время в отдельных либеральных СМИ стали появляться статьи, в которых Великая Отечественная война под-

Таруса. 9 мая 2012 года. Фото члена СФХР А.П.Зюева

вергается ревизии. Пересмотру подвергаются её итоги, ход войны, значение Дня Победы и т. д. Нам пытаются внушить, что вообще-то никакой Победы не было. Что Вторая мировая война – это общемировая трагедия и вина за эту трагедию ложится в равной степени как на немцев, так и на русских.

– Это хитрый и лукавый пропагандистский ход, целью которого является попытка постепенно сначала как бы уравнять «две вины» (хотя совершенно очевидно: немцы были нападающей стороной, а мы защищали свою Родину!), а потом потихоньку историческую вину за Великую Отечественную войну вообще возложить... на СССР.

– С больной головы на здоровую?

– Совершенно верно. В этом есть огромная неприкрытая ложь. Обе даты – День Победы и День памяти и скорби – выполняют чрезвычайно важную функцию – объединительную. Эти праздники символизируют

единство народа. Подумайте: какой ещё из праздников так сплачивает нацию?

Что у нас есть ещё? 7 ноября не существует, его упразднили – мы живём уже в другом государстве. Новый год, 8 марта – очень добрые, трогательные праздники, но они – чисто семейные, приватные. Вот сейчас мы активно стали отмечать 1 мая, возродили орден – звезду Героя Труда, это, конечно, всё очень нужные вещи... Но 1 мая – праздник политический, и его изначальный смысл был не объединяющий, а наоборот – разъединяющий. Это была борьба рабочих с работодателями, отстаивание экономических и политических прав. Есть ещё различные постсоветские праздники, но они, честно говоря, не завоевали пока народной любви. А вот День Победы – он и при советской власти был святым для всех праздником, а сегодня даже усилил своё значение. Теперь к нему добавился День памяти и скорби, и оба они получили новое звучание, более сильное.

И что же мы читаем в прессе? Одни пишут, что Великой Отечественной войны вообще не было. Что Сталин сам собирался напасть на гитлеровскую Германию и СССР виноват в том, что произошло, а «бедная Германия» чуть ли не оборонялась. Другие пишут, что СССР выиграл войну только потому, что Сталин безжалостно посылал на смерть огромное количество народа и чуть не полстраны уничтожил. Третьи сообщают, что СССР выиграл войну исключительно благодаря американцам, открытию второго фронта и т. п. Четвёртые – что на самом деле мы, оказывается, войну не выиграли, а проиграли! Потому что после всех жертв, которые мы принесли, экономически мы живём хуже, чем сегодня живут немцы. Хотя, если вдуматься, за счёт чего они живут лучше? За счёт чего уничтоженная полностью Германия так быстро возродилась – да за счёт американских финансовых вливаний, это известный факт. И верх цинизма: пишут, как было бы хорошо, если бы Гитлер тогда победил и сейчас все мы жили бы «под немцем», в «цивилизованной» стране, богато и хорошо, пили бы дешёвое баварское пиво...

– Большой вопрос, кто бы жил богато и пил пиво, а кто – вообще бы не родился...

– Ну, это мы с вами понимаем, а отдельные авторы обсуждают тему абсолютно серьёзно. Это не выдумки – это вещи, которые я лично читал.

Кто-то, например, пишет, что генерал Власов, который предал Родину, – поступил правильно. Потому что он боролся с большевизмом. А вот, скажем, наш земляк генерал-лейтенант Михаил Ефремов поступил неправильно...

Недавно я разговаривал с нашим тарусянином, писателем Сергеем Егоровичем Михеенковым. Он глубоко изучает военную тему, часто бывает в архивах – он мне рассказал, что уже появились книги, в которых пишут, что Михаил Ефремов был бездарным военачальником. То есть налицо попытка десакрализации этого имени, святого не только для нас, тарусян, но и вообще для всех россиян.

– Как Вы считаете, надо обращать внимание на эти вещи? Или лучше поступать по принципу: солнце тучами не закроешь – они рано или поздно рассеются? Ну очевидная же ложь и клевета, очень часто бездарная...

– На эти вещи нужно обращать очень пристальное внимание. Цель у всей этой пропаганды, конечно, одна – опорочить нашу Победу. Ставится совершенно конкретная политическая задача – уничтожить эти праздники, эти памятные даты, вытеснить их из сознания народа, потому что именно они являются мощным объединительным стимулом для народа, осознающего, что он – народ-победитель. Кому-то очень хочется, чтобы народ эти даты забыл, чтобы он их сердцем не переживал, потому что единство народа возникает в тот момент, когда он начинает сопереживать. Даже молодое поколение, у которого не то что отцы, даже деды уже не воевали, – пишет на автомобилях: «Спасибо деду за Победу!» Это уже укоренилось на генетическом уровне. Отсюда и такая массивная ата-

ка на нашу общую память: вычистить две эти даты из сознания, чтобы не было этого внутреннего отклика – эмоционального, сердечного. Потому что когда у миллионов людей в один момент, в один день идёт такой эмоциональный внутренний всплеск, подъём – люди чувствуют себя единым целым, причём независимо от своей национальной принадлежности. А что такое этот дух? В любом военном сражении половина успеха обеспечивается именно этим высоким духом, психологической готовностью побеждать, ощущением собственной правоты и единства.

– Эти чувства великолепно передавал слоган времён Великой Отечественной: «Наше дело правое – враг будет разбит, Победа будет за нами...»

– Да! И с тех пор ничего не изменилось. Пока мы едины, мы непобедимы. И если лишить народ великого смысла Дня Победы и Дня памяти и скорби, тогда этот народ будет легче завоевать, поработить и уничтожить.

Есть ещё один очень любопытный момент в этой пропаганде. Очень тонкий и, на первый взгляд, незаметный, но знать и понимать его необходимо. Эта фальсификация, подтасовка истории – не что иное, как попытка подтолкнуть нас к тому, чтобы мы сами начали осуждать свою историю. В идеале кому-то очень хочется, чтобы мы, начитавшись отдельных газеток, сами рвали бы на себе рубаху: «ах, это Сталин виноват во всём, он сам хотел напасть, Гитлер его просто опередил! Ах, Жуков положил миллионы солдат, значит, Жуков был плох. Ах, все эти солдаты, которые там полегли, – они просто не умели воевать, ходили пьяными в атаку и гибли глупо и бессмысленно». Понимаете, начинают принижать во всём подвиг нашего народа и исподволь внедрять эти ложные стереотипы в сознание людей, особенно молодых. И кто-то из наших современников начинает оценивать эти события с некоторой неприязнью: ой, какие мои предки, оказывается, были нехорошие (бездарные, жестокие)... Таким образом постепенно прививается отвращение к своей истории, к своему народу, к своей стране.

– Своего рода гражданская война, только во времени, а не в пространстве? Когда воюют не белая и красная идеологии, а идеологии дедов и внуков?

– Можно и так сказать. И вот человек, у которого забрали его подлинную историю и которого направили против его собственной истории, в конце концов рано или поздно говорит: всё, пора «валить из Рашки», что тут делать. Такой человек начинает о своей Родине презрительно говорить «эта страна». Вот такие чрезвычайно серьёзные вещи стоят за всей этой массивной атакой на нашу Победу.

Вообще попытки «перелицовки» истории, в том числе Великой Отечественной войны, очень хитрые. Среди прочего, например, есть попытка вообще поменять отношение к Великой Отечественной войне. Например, когда речь идёт о власовцах – солдатах, перешедших на сторону фашистской Германии и воевавших против Советского Союза, или о казаках, эмигрировавших в Европу после 1917 года и в 1941-м поднявших оружие против СССР, – наблюдается попытка оправдать поведение этих власовцев и этих казаков. Как это делается? Нам говорят о том, что Великая Отечественная война была якобы войной гражданской. Продолжением гражданской войны 1918-1920-х годов. И люди эти воевали не против России, а против большевиков, против сталинизма и против коммунизма.

На гражданской войне не бывает предателей. Белые – не предатели. И красные – не предатели. Это было трагическое разделение одного народа, безумное самоуничтожение. А превращение Отечественной войны в гражданскую – это попытка оправдать предательство тех, кто направил оружие против своего собственного народа. Это искажение не только исторических фактов – это искажение духа и смысла великого противостояния злу – борьбы советского народа с нацизмом.

Недавно в Германии вышел фильм «Unsere Mutter, unsere Fäter» («Наши матери, наши отцы»), в котором солдаты вермахта были показаны такими благодетелями: на оккупированных территориях чуть ли не старушек через дорогу переводили. И в том же фильме художественны-

ми приёмами ярко изображаются зверства наших солдат в оккупированной Германии. Они там грабят, мародёрствуют и насилюют всех подряд немок. Абсолютно пропагандистский фильм.

– Дело Геббельса живёт и процветает?

– Ну, во всяком случае, без последователей он не остался. Министерство иностранных дел России вручило по этому поводу письмо послу Германии в Москве. Очень болезненно на этот фильм отреагировали также в Польше, потому что поляки в нём точно так же были показаны весьма неприглядно, некими извергами по отношению к добропорядочным немцам.

В общем, битва за историю вокруг Великой Отечественной войны не только продолжается – она накаляется и набирает обороты. И мы должны быть очень внимательны к этому. Мы должны сами это понимать и объяснять это своим детям. В наших силах не позволить никому лишиться нас нашей собственной истории, заставить нас бороться с нашими корнями. Необходимо хранить в сердце нашу героическую историю и нашу память. Без истории нет будущего.

14 февраля 2014 года
Газета «Октябрь», г. Таруса
Беседовала гл. редактор Галина Плущевская

ПЕПЕЛ БЛОКАДЫ

27 января 2014 года Россия отметила славную героическую дату – исполнилось ровно 70 лет со дня снятия вражеской блокады и полного освобождения Ленинграда из фашистского окружения. 70-летие снятия блокады по времени почти совпало с другой датой, весьма значимой для православных граждан России, – 5-летием интронизации Его Святейшества Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла.

Казалось бы, какая связь между двумя этими событиями, ну разве кроме той, что Патриарх Кирилл – петербуржец? Но оказывается, связь есть, и глубокая.

Двум этим датам мы посвятили свою очередную встречу с нашим постоянным собеседником – публицистом и общественным деятелем Александром Щипковым.

– Александр Владимирович, начнём с того, что наши с Вами беседы с большим интересом воспринимаются читательской аудиторией «Октября», причём как людьми православными, так и теми, кто к верующим себя не относит. Но читают внимательно. Давайте сегодня поговорим о 70-летию снятия блокады Ленинграда. Вы родились в Ленинграде и вам эта тема близка.

– Да, мама моя пережила часть блокады и осиротела тогда. Дата эта в истории нашей страны и нашего народа великая. А вторая дата, которую отметили православные в тот же день, – 5-летие выборов Святейшего Патриарха Кирилла. Я расскажу вам историю, которая связывает

эти два события. И даже наша Таруса отчасти здесь тоже присутствует.

Мало кто сегодня знает о том, что во время ленинградской блокады большая часть погибших была не похоронена, а сожжена в крематории. Мы знаем – из хроники, из рассказов – страшные описания жизни в блокадном Ленинграде, гибели от голода миллиона человек. Их, конечно, хоронили на городских кладбищах, если было кому хоронить. Если рядом были люди, у которых ещё были на это силы: родственники, соседи. В том числе хоронили на Пискаревском кладбище, где сейчас расположен знаменитый мемориал. Закапывали в оборонительных траншеях, которые были всюду нарыты в городе. Но уже зимой 1941-1942 годов стало понятно: весной начнётся катастрофическая эпидемия. Множество трупов было просто сложено во дворах – в знаменитых питерских дворах-колодцах, и горы этих трупов достигали окон третьих этажей.

По городу ходили специальные команды, собирали умерших и складировали их во дворах, в храмах, в других местах. Знаменитый храм Спаса-на-Крови с его замечательными мозаиками, где сегодня так любят бывать туристы, во время блокады был почти до купола заполнен телами. Город с ужасом ждал весенней оттепели и гибели от эпидемий.

И вот тогда приказом Жданова на окраине города был создан крематорий. Его открыли в той части Ленинграда, которая уходит к знаменитым Пулковским высотам, километрах в пяти-шести от них. Там находился небольшой кирпичный завод. В этих местах до войны добывали глину и тут же из этой глины делали кирпич. В 1930-е годы этот завод с технологической точки зрения был весьма оснащённым предприятием, там был сквозной конвейер для закладки кирпичей в печь для обжига. Оставалось только немного переоборудовать печи. Там и открыли спасительный для города крематорий.

Замороженные трупы в маленьких грузовиках-полупотроках свозили в крематорий в стоячем положении – чтобы больше помещалось в кузов. Для нас, нынешних, картина ужасающая, но люди в блокадном Ленинграде разучились ужасаться...

– Сколько же умерших людей было сожжено в этом крематории?

– В общей сложности, по разным данным, – от 600 до 800 тысяч человек. То есть основная часть погибших в блокаду ленинградцев была сожжена здесь.

– А что на месте крематория сейчас?

– Сейчас в этом месте находится зелёная зона. Такой большой-большой парк... Он носит название Парк Победы. Возник он вот как. После войны на улицу Московскую, где находился раньше завод, началось массовое паломничество. Люди возвращались с фронта, из эвакуации – а родных не находили ни среди живых, ни среди мёртвых. Могил не было. А про этот крематорий в городе, конечно, все знали.

И вот на этот пустырь, к этим рвам, откуда некогда брали глину и куда во время блокады вагонетками ссыпали пепел, – никто его, конечно, не закапывал, это было просто нереально сделать в тех условиях – туда потянулись люди. Они шли туда, сажали на этом пустыре деревья, кусты и вешали на них бирки с именами. И вся эта огромная территория – несколько гектаров земли – была в бирках; люди хотели хоть как-то обозначить место упокоения своих близких, хоть таким образом почтить их память. Всё это происходило, естественно, стихийно, но на Пасху, на Троицу, когда православные посещают могилы умерших близких, сюда стекались тысячи людей. Со всего города. Этот пустырь стал со временем святым местом для ленинградцев.

По документам, с которыми нам удалось ознакомиться, выяснилось, что уже в 1947-1948 годах в Московский райком партии Ленинграда поступали просьбы граждан поставить там часовню. Но время было атеистическое, и конечно, никакую часовню поставить не разрешили.

А город, между тем, расширялся, застраивался. После войны в этом месте появился очень хороший район с высокими сталинскими домами. В планах была застройка и этих нескольких гектаров земли, но городские власти сделать это не решились – боялись народного возмущения; в результате это место, где стояли деревья с бирками, просто «перешагнули» и начали строить дальше. И туда примерно в течение десяти лет ходил народ. В конце концов, чтобы как-то, с точки зрения власти, навести там порядок, было решено разбить там парк. Надо сказать, память блокадного Ленинграда стала отмечаться не сразу после войны. Лет 20 после войны это старались, наоборот, никак не афишировать, а паломничество людей к этим деревьям, конечно, привлекало всеобщее внимание. И вот разбили парк. Это очень большая территория. Вдобавок к тем деревьям, что уже росли, что-то высадили, сделали регулярные дорожки; крематорий после войны снесли. Рвы, в которые ссыпали человеческий пепел, заполнили водой – сейчас там пруды. Зимой это излюбленное место для купания «моржей» – большинство из них, наверное, уже и не помнят, что там был крематорий и на дне этих прудов – пепел блокадников. Многие даже удивляются: почему парк

называется парком Победы? Вокруг ни памятников, ни монументов – только название.

После 1991 года запрет на веру в стране был снят. Люди, пережившие блокаду, стали просить, чтобы там построили храм. И началось сопротивление. Городские власти не услышали этих просьб и не пошли навстречу.

– Кто именно не услышал?

– Первые запросы были адресованы А. Собчаку, а потом и всем остальным губернаторам. Безрезультатно. В течение 15 лет шла борьба за разрешение построить храм в этом месте.

– Но почему?!

– Сейчас объясню. Дело в том, что возле этого Парка Победы – прямо на месте бывшей проходной крематория – вырыли станцию метро «Парк Победы». Это один из богатых районов Ленинграда, там выстроены дорогие дома, весь Московский проспект – это оживлённая торговая улица, и с самого начала мушкетировались идеи построить тут торговый центр. Ещё в период «ларёчного капитализма», в середине 1990-х годов, всё место возле метро «Парк Победы» – тротуары и часть парка – было оккупировано торговцами. Там продавалась всякая шаурма – «шаверма», как говорят питерцы, бельё и прочий ширпотреб. И с тротуаров эти ларёчники наступали постепенно на территорию парка, на ту самую часть, где был завод, превращённый в крематорий.

– На землю, засыпанную пеплом...

– Именно. Блокадники и их родственники, понятно, стали сопротивляться. Поставили на этом месте деревянный поклонный крест. Торговцы шавермой его сожгли. Потом поставили металлический крест; рядом с ним время от времени служили панихиды – самочинно, конечно, без

всяких разрешений. Соорудили железную конструкцию на ножках типа мангала, засыпали её песком и там ставили свечи. Всё это было самодельно, несистемно – просто было такое народное движение. Тогда эти торговцы ночью подогнали «ЗИЛ», выдернули крест и куда-то его увезли. Но блокадники и их дети на одном из питерских заводов, чуть ли не на Кировском, заказали из очень хорошей стали крест с ножкой метра четыре длиной. Установили и забетонировали так, что танком не выдернешь. Этот крест стоит до сих пор, с ним ничего не смогли сделать.

И постоянно шла борьба за разрешение на строительство храма на этом месте. Так получилось, что в 2007 году по поручению Сергея Миронова я стал заниматься этим вопросом. Я тогда работал в Совете Федерации. Ездил в Петербург по два-три раза в месяц, обивал пороги, организовывали мы там всевозможные акции: и молебны, и панихиды... С другой стороны работали юристы, пытаясь выбить это разрешение. Но отговорок, конечно, находилась масса. То парк оказывался памятником федерального значения, поэтому там ничего нельзя было строить... То это зелёная зона и храм займёт место, предназначенное для отдыха горожан... Хотя речь шла о совсем небольшом храме, меньше по размерам нашего тарусского храма на Воскресенской горе.

Потом, когда мы развернули довольно активную деятельность, привлекли средства массовой информации, этот городской парк взяли и попросту выставили на торги. Город выставял на торги какие-то корпуса, заброшенные бани, прочие ненужные муниципалитету объекты, и среди них – Парк Победы.

– Удивительно! Чем мотивировали?

– Городские власти сказали, что они не в состоянии содержать этот парк и его нужно отдавать в частные руки. А к этому времени к нам уже попала копия плана строительства на этом месте огромного торгового центра с подъездными путями, автостоянками и всей прочей атрибутикой подобных мест. Фактически весь парк должен был – согласно этому плану – стать огромной торговой территорией. Уже в 1990-е годы

стараниями активистов здесь появился стихийный народный памятник жертвам блокады. Водолазы подняли со дна пруда вагонетку – одну из тех вагонеток, на которые погружали тела перед отправкой в печь крематория. Её установили на постамент, и это был единственный памятник тем страшным событиям в этом месте. 27 января 2009 года праздновалось 65-летие окончательного снятия блокады. Мы с коллегами придумали символическую акцию – для того, чтобы привлечь внимание медиаструктур и с помощью СМИ повлиять на Смольный. В этот день в Москву из Петербурга приехали две блокадницы – старушки в глубоком возрасте, одной было уже под 90 лет, – с урной, в которую положили землю из Московского Парка Победы в Петербурге. Это была земля, перемешанная с пеплом. И в этот день утром состоялась торжественная передача урны с прахом в музей Великой Отечественной войны в Москве на Поклонной горе. Её установили в зале с панорамой, посвящённой блокаде Ленинграда.

А перед этим событием произошло вот что. Иду я по коридору Совета Федерации – и ко мне совершенно неожиданно подходит человек, которого я никогда раньше не видел. Видно, что какой-то большой начальник, судя по выправке и поведению – из спецслужб. Останавливает меня и говорит, что ему известно о готовящейся передаче урны с землёй из петербургского Парка Победы. Спрашивает: «А вам помощь нужна?». «Да нет, – говорю. – Вроде я уже всё организовал». А он: «Но у вас же нет почётного караула». «Нет, – говорю. – Где же нам его взять?». Он говорит: «Мне кажется, что здесь будет уместен кремлёвский почётный караул». И всю нашу акцию сопровождал кремлёвский почётный караул. До сих пор не знаю, кем был этот человек и кто его послал, но я ему очень благодарен: акция прошла чрезвычайно торжественно.

Моим вернейшим помощником была жена. На протяжении трёх лет, пока мы этим занимались, мы пересекались с огромным количеством людей, которые нам помогали. Мы сняли интереснейший документальный фильм об этом Парке Победы, но, знаете, до сих пор это место остаётся как-то в тени. О нём меньше известно, чем, скажем, о Пискаревском кладбище, где расположен центральный мемориал жертв

вам блокады. Есть в этом некая несправедливость, конечно: самое главное место захоронения до сих пор малоизвестно... Так распорядилась история. Думаю, всё это со временем будет исправлено.

– И что было после этой торжественной передачи урны в музей?

– А дальше в Москве оказалось огромное количество петербуржцев, переживших блокаду, и их родственников. Все они пришли на эту торжественную акцию – едва разместились в зале. Я был поражён тем, как в Москве сохраняется память о блокаде. Но разрешения на храм у нас по-прежнему не было.

И вот теперь о Святейшем Патриархе Кирилле. Волей судьбы в тот же день, когда у нас проходила акция передачи урны с блокадным прахом в музей на Поклонной горе, в Москве проходил Поместный Собор Русской Православной Церкви, на котором выбирали Патриарха. Это огромной значимости событие – не только для православной церкви, но и в целом для России, потому что Патриарх – фигура в том числе политическая. Огромна значимость этой фигуры: кого выберут, как он будет руководить церковью и т.д. Уже под вечер, возвращаясь домой, я услышал по радио в машине, что Патриархом выбран Кирилл. А я с ним в силу своего ленинградского происхождения знаком, и знаком очень давно.

Прихожу домой и думаю: надо же его как-то поздравить. Сажусь за компьютер и пишу – даже не на открытке, на простом листе бумаги: «Ваше Святейшество, поздравляю Вас с избранием...» И так далее. Какие-то тёплые слова. И очень кратко пишу о том, что у нас вот такие проблемы со строительством храма на месте, которое он, конечно, прекрасно знает, ведь он после войны жил в Ленинграде. Возможно, и они с отцом – отец у него был священником – ходили к этому месту служить панихиды. Прошу Святейшего помочь. Как-то повлиять на ситуацию. Подписываюсь, ставлю дату: 27 января. А в церковной среде принято, когда ставишь дату и подпись, подписывать день святого. 27-го января – день памяти равноапостольной Нины. Но я вместо этого подписал: День окончательного снятия блокады Ленинграда. Я приехал в Отдел

внешних церковных связей – Патриарх до избрания был его председателем – и попросил знакомого священника положить эту записку ему на стол. Возможно, эта записка оказалась первой просьбой к нему в статусе Святейшего Патриарха.

– Всё произошло спонтанно?

– Спонтанно. Больше я к Патриарху с этим не обращался. Ну можно себе представить: первые месяцы патриаршества – приём дел, бесконечные документы, вал работы... Сотни бумаг в день – в каждую надо вникнуть, принять по ней какое-то решение.

А мы тем временем продолжаем заниматься нашими блокадными делами, пытаемся выколотить из Смольного разрешение. Февраль – тишина. Март – тишина. Ответа от Патриарха нет. Подходит апрель. И вот 7 апреля 2009 года, на Благовещение, сидим мы семьёй у себя дома, в Тарусе, мама ещё была жива. Сходили на праздничную службу в собор, а вечером сидим, пьём чай, у нас у всех хорошее настроение. И уже ближе к семи часам – вдруг звонок на мобильный телефон. Вот почему я говорю, что Таруса отчасти ко всему этому причастна! Слышу в трубке голос Патриарха. Его Святейшество говорит, что он днями был в Петербурге, там встречался с Валентиной Ивановной Матвиенко – она в ту пору была питерским губернатором – и в присутствии Владимира, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, и секретаря Епархиального управления о. Сергия Куксевича, находясь на церковной территории, в доме петербургских митрополитов на Каменном острове, Матвиенко сказала, что не возражает против строительства храма.

– Вот это вам была благая весть на Благовещение!..

– Да... Я, конечно, поблагодарил Святейшего, а сам в полном недоумении – что же теперь-то делать? Официальной бумаги-то нет. Какие шаги предпринимать дальше? И на следующий день я во все СМИ, куда только мог, передал сообщение о том, что состоялась такая встреча.

И СМИ вышли с информацией, что губернатор разрешила это строительство, что разговор был с Патриархом, а митрополит и его секретарь тому свидетели...

– И теперь отступить некуда.

– Нам – точно некуда. Дальше мы обратились к петербургским бизнесменам, которые, надо отдать им должное, отнеслись к этому очень искренне. Вскорости был сделан проект – на его подготовку ушло два-три месяца. Мы пытались понять, какой именно храм мы хотим строить. Поначалу рассматривали вариант копии одного из разрушенных петербургских храмов: там же очень много храмов было уничтожено, в том числе храмы знаменитых архитекторов. Но мы обсудили этот вариант со Святейшим, и он посоветовал не делать копий. Те храмы имеют свою историю, они строились совсем по другому поводу – это было бы смешением исторических пластов. И мы стали строить свой храм.

Сделали проект небольшого храма. Ещё кто-то в Смольном предложил: давайте часовню, – но тут уж мы категорически заявили: только храм, пусть маленький, но полноценный. В часовне нельзя служить литургию, а именно за литургией происходит главное поминовение усопших. В епархии мы договорились о том, чтобы литургию там служили каждый день.

Храм освятили 7 мая 2010 года, к 65-летию Великой Победы. И с тех пор литургия служится там ежедневно и на ней поминаются погибшие в блокаду. Службы не прерываются ни на день – независимо от того, есть люди в храме или нет. Храм открыт всегда.

– Долго его строили?

– Храм построили молниеносно – меньше, чем за год. Благодаря помощи Святейшего проект удалось сдвинуть с мёртвой точки. Казалось бы, эта история закончена, но истории, как известно, заканчиваются на небесах.

Один из моих товарищей, живущий в Петербурге, который очень мне помогал в этом деле, ездил по своим делам в Грецию. В то время уже шло строительство храма. Он человек православный – недавно, кстати, был рукоположён в священники. В Греции он несколько раз встречался с каким-то старцем – сейчас не помню его имени. Однажды во время беседы с этим очень пожилым греческим священником он ему рассказал эту историю: про блокаду, про крематорий, про многолетнюю борьбу за этот храм... Мы этот парк называли про себя парк-антиминс. Антиминс – это такой плат, в который зашита частичка мощей. В каждом храме на престоле лежит антиминс и на нём совершают евхаристию. Без антиминса, без частички мощей какого-нибудь святого невозможно совершать богослужение, потому что изначально на заре христианства литургии совершались на мощах мучеников, пострадавших за веру. Эта традиция сохраняется, в каждом храме есть такой плат красного цвета.

И вот этот парк, усыпанный пеплом умерших мученической смертью людей, мы и назвали парк-антиминс. Там были сожжены тела самых разных людей: и праведников, и неправедников, погибших на Пулковских высотах солдат, и верующих, и атеистов. Греческий старец, который никогда не был не то что в Ленинграде – в России, выслушал из уст моего товарища эту историю и сказал такую странную вещь. На этом месте в далёком будущем будет построен большой мужской монастырь, а посреди монастыря будет стоять огромный собор. Наша маленькая церковь – она находится с краешку, напротив того места, где был крематорий. А собор будет возвышаться прямо по центру, и когда-то, в неведомые нам времена, здесь состоится Всеправославный Собор.

Читатели могут, конечно, отнестись к этому утверждению скептически – я и сам не знаю, как это трактовать. Но поскольку это было сказано, я как-то придаю этому значение.

Как сложится жизнь, как Господь распорядится – узнаем. Но на самом деле нет больше нигде в мире такого кладбища, где было бы упокоено такое количество сожжённых людей. Их уморил голодом враг. История человечества такого не знает. Есть поля грандиозных сражений, битв, а здесь упокоены в подавляющем своём числе не воины. Это

безвинно погибшие люди. Это жертва в чистом виде. А жертва имеет очень глубокий сакральный смысл, и в религии, и в жизни человека. Даже когда ты нищему подаёшь милостыню – это жертва. И эта жертва возвращается к тебе в каком-то ином виде. Она никогда не остаётся бесследной. А жертва человеческая, безвинная, многотысячная, конечно, имеет какое-то глубинное значение для всего нашего народа. Это вещи чрезвычайно тонкие и сложные.

Вот такая история – тяжёлая, трагическая и закончившаяся победой над тьмой. В конце концов этот блокадный храм Всех святых в земле Российской просиявших объединил всех нас: и тех, кто за него боролся, и тех, кто по какой-то неведомой причине сопротивлялся. Ну и слава Богу!

О ПОЛИТИКЕ

28 марта 2014 года

Газета «Октябрь», г. Таруса

Беседовала гл. редактор Галина Плущевская

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОБЕДЫ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

Зимой 2014 года в Сочи прошли XXII зимние Олимпийские игры, ставшие триумфом российского спорта, – наша команда показала великолепную подготовку и волю к победе, заняв первое место и по числу золотых медалей, и по общему числу олимпийских наград. Не менее высокий «командный дух» показала и страна, за несколько лет сумевшая выстроить спортивные объекты такого масштаба, на которые у других ушли бы десятилетия. А ведь чего только ни говорили и ни писали в мировой прессе, предрекая крах сочинской Олимпиады! Как говорят в Одессе, не дождётесь. У каждого события такого масштаба есть своя политическая составляющая. Об этом мы беседуем сегодня с общественным деятелем и публицистом А. В. Щипковым.

– Александр Владимирович, как Вам Олимпиада?

– Это, бесспорно, одно из крупнейших общественных, спортивных, культурных и политических событий современности. Спортивным это событие является по определению, общественная значимость заключается в привлечении внимания средств массовой информации, культурная составляющая – это открытие и закрытие Олимпиады, обсуждаемые с точки зрения эстетики, формы, подачи и т. д. Но главная, конечно, – политическая составляющая. Олимпиада в первую очередь – это важнейшая политическая акция.

Дело в том, что Олимпиада явилась своеобразным представлением России миру. Проводя Олимпиаду на своей территории, любое государство получает огромный пиар. Только открытие и закрытие Олимпиады смотрят около трёх миллиардов человек. По крайней мере миллиард из них впервые узнаёт, что такая страна вообще существует. В каких-то далёких странах, не исключено, люди вообще имеют смутное представление о России, а здесь они смогут что-то услышать, увидеть и т.д. Но и тем, кто прекрасно знает о России, мы о себе ещё раз напоминаем, что совершенно не лишне.

– Часто можно слышать осуждающие голоса: не нужно было проводить Олимпиаду, потому что это очень затратное мероприятие, а лучше было бы эти деньги потратить на какие-то социальные нужды и т.п.

– С одной стороны, вроде бы в этом есть своя логика. Понятно, что денег всегда не хватает. Но, с другой стороны, нужно понимать, что отношения между государствами требуют затрат. Это разные затраты. Есть затраты дипломатические – содержание дипкорпуса обходится государству недёшево. Или, например, содержание армии. Армия – это один из сильных аргументов во внешнеполитических отношениях. И составляющая идеологическая, не побоюсь этого слова, пропагандистская, или, как сейчас говорят, пиаровская, не менее важна, чем первые две. И она тоже требует серьёзных финансовых вложений. В данном случае Олимпиада – один из элементов внешнеполитической пропаганды в дополнение к общему спортивному празднику.

– Один из способов победить в информационной войне?

– В том числе. Государство, принимающее Олимпиаду, демонстрирует, на что оно способно. Свои технологические, строительные, организационные возможности. Сложно организовать мероприятие на уровне Тарусы – что уж говорить о мероприятии такого масштаба, как Олимпиада! Поэтому это, конечно, совершенно не зря потраченные деньги.

Хотел бы обратить внимание читателей на следующую вещь. Мы выиграли право на проведение Олимпиады семь лет назад, в 2007 году. И в течение этих семи лет постоянно шли публикации антиолимпийского содержания.

– За границей?

– И за границей, и в России. Что это значит? Сам выигрыш права на проведение Олимпиады – это уже успех России, и люди, которые понимают, что такое Олимпиада в политическом смысле, отдают себе в этом отчёт: Россия на Олимпиаде заработает очень много позитивных очков. Причём это даже не зависит от количества выигранных медалей. То есть это, конечно, тоже очень важный момент, ведь все мы боеем за наших спортсменов, но с политической точки зрения спортивный результат, я бы сказал, на втором месте. А на первом месте – сам факт проведения Олимпиады на российской территории.

Обратите внимание: президент Путин пошёл на огромный риск. Он решил проводить Олимпиаду в Сочи. Говорят: ну что за странное решение! Зимняя Олимпиада – в субтропиках. У нас что, нет других городов, где можно было её провести? Москва, Петербург, Новосибирск, Красноярск и т.д. Снега в России достаточно, и есть немало городов, где он не тает. А в Сочи он тает, и это проблема. Так почему?

А потому, что президент выбрал для проведения Олимпиады самую беспокойную точку. Рядом Кавказ. Кавказ, на который претендуют наши, как сейчас говорят, «партнёры». Проведение Олимпиады в непосредственной близости от Кавказа – это укрепление наших позиций в регионе.

– То есть мы даём понять, что это наша земля?

– Не только это мы даём понять. И так ясно, что это наша земля и мы её отдавать не собираемся. Но это демонстрация того, что мы полностью контролируем ситуацию в этом беспокойном регионе. Вот даже

проводим мероприятие мирового уровня. И мы его провели без потерь. Никаких терактов, взрывов и прочего, слава Богу, не допустили.

Ещё семь лет назад наши оппоненты прекрасно это всё понимали, и поэтому в информационных войнах была поставлена задача: если не сорвать Олимпиаду – это было бы для них совсем замечательно, – то по крайней мере как можно больше ей навредить. В связи с этим началась системная информационная кампания против Олимпиады.

– Как это делалось?

– Это очень любопытная штука. Всё, что я сейчас расскажу, – вы всё это знаете, читали в наших газетах и слушали по нашему радио, на разных радиостанциях и телеканалах. Нужно только внимательнее приглядеться к происходившему.

Было запущено несколько так называемых идеологем. Это некие идеи, тезисы, которые забрасываются в медийное пространство и начинают тиражироваться в СМИ. Если вы сейчас не поленитесь и возьмёте несколько статей, скажем, во французской прессе, в английской и американской, выяснится интересная вещь: все они сделаны по одним лекалам. Это всё равно что одна статья, но написанная в разных газетах и разными людьми.

– И каковы эти идеологические тезисы?

– Самый первый, который начал разрабатываться ещё семь лет назад, – это черкесская тема. Так называемый «геноцид черкесов». Мол, на этой территории проживали черкесы, которые вынуждены были сто лет назад покинуть эту территорию под давлением русских. А теперь, мол, на этой территории проводятся спортивные праздники – веселье на крови. За границей были срочно созданы какие-то антиолимпийские комитеты, состоящие из трёх-четырёх черкесов, и эти, с позволения сказать, организации стали возвышать свой голос против проведения Олимпиады на этой территории. Ничего им, ко-

нечно, сделать не удалось, но обратите внимание: эта тема постоянно муслировалась.

Вторая идеологема – экология. Строительство Олимпийской деревни, всех этих спортивных сооружений, дескать, полностью уничтожит уникальную природу Сочи. На этом этапе к делу подключается «Гринпис». И многие люди, которые переживают за природу, действительно говорят: да, как же можно там строить стадионы, мы же всё испортим, Красную Поляну загубим и т.д. То есть для людей, которые небезразличны к национальным проблемам, подготовлена тема геноцида черкесов. Людям, озабоченным экологическими проблемами, предлагается тезис про экологию. Всё очень продуманно.

– Чтобы противостоять этой идеологеме, президент озабочился судьбой леопардов?

– В том числе и для этого. На каждый из этих тезисов, естественно, находятся контртезисы. Таковы условия информационных войн.

Третья и очень сильная идеологема: кавказская террористическая угроза. В Сочи, мол, категорически нельзя проводить Олимпиаду, потому что всех спортсменов, которые туда приедут, взорвут и уничтожат кавказские террористы. Открыто запугивают спортсменов. Идеологема террористической угрозы была вброшена для людей, боящихся терроризма, а их огромное число.

Четвёртое. Для тех, кто не любит Путина. Вся Олимпиада, мол, была затеяна для того, чтобы потешить «диктаторские амбиции Путина», «кровавый режим» с переполненными лагерями, казнями, и всё в том же духе. Путин – страшный человек, свободы слова нет, по улицам ходить опасно и т.д. На Западе море таких публикаций, считаешь их газеты – только хохотать остаётся. Но на кого-то эта идеологема действует.

Пятое – коррупция. Писали: всё будет обязательно разворовано, а если что и останется – лучше эти деньги раздать бедным. Это хорошо действующая идеологема, потому что людям всегда не хватает денег. Давно известно: если ты хочешь кого-то опорочить, какого-нибудь

главу города, например, или руководителя предприятия, – обвини его в том, что он неправильно расходует средства. Вместо того чтобы раздать средства людям, он или их ворует, строит себе дачу, или вкладывает не туда, куда нам хочется, например, начинает строить новый цех, а надо не цех строить, а зарплату повесить, и т. д. То же и с Олимпиадой.

Следующая идеологема, шестая. Русские ничего не умеют делать и всё равно построят плохо. Помните все эти снимки «двойных унитазов», отваливающиеся ручки на окнах. Уже даже началась Олимпиада, но этот тезис всё ещё пытались раскручивать.

И последняя идеологема, седьмая – гомофобия. Это было выпущено в самый последний момент. Почему-то с самого начала она не была запланирована. Скорее всего, наши оппоненты увидели, что перечисленные идеологемы слабо работают, и в последний момент, после принятия закона о запрете пропаганды гомосексуализма среди детей и подростков, попытались использовать гомофобию.

Отмечу, все эти идеологемы не сработали. На каждую, включая гомофобию, были сделаны контрответы. Путин с улыбкой на лице сказал: да, пожалуйста, приезжайте! Кто вам мешает? А пропаганду среди детей мы запретили – и будем на этом стоять.

Теракты в Волгограде в конце 2013 года – это же тоже была попытка запугивания в канун Олимпиады, это совершенно очевидно. И тоже не сработало. Я разговаривал с людьми, которые были на Олимпиаде. Священник о. Николай Соколов, духовник Олимпиады, говорит, что был потрясён уровнем, качеством подготовки всего, что было сделано в Сочи. Безопасность обеспечена так, что ты ходишь и не чувствуешь ни присутствия полицейских, ни каких-то кордонов – ничего. Секьюрити не видно. Все ходят совершенно свободно. У каждого три-четыре карточки для того, чтобы пройти на спортивные объекты. В общем, всё было подготовлено тщательнейшим образом. Всё разработано: где могут находиться волонтеры, где зрители, где пресса и т.д.

Любопытная вещь. Все эти идеологемы были разработаны на Западе. Ещё пять-шесть лет назад я читал первые публикации в иностранной

прессе. Но очень скоро их подхватили наши либеральные СМИ. Все эти семь перечисленных выше пунктов были ими отработаны, как говорится, по полной программе. Я разговаривал с журналистами, писавшими антиолимпийские статьи, и задавал им такой вопрос. Ваше право – критиковать Олимпиаду и даже выступать против её проведения: почему нет? Мы живём в свободной стране, журналист высказывает свою точку зрения. Но почему вы не смогли своими умными головами придумать ни одной собственной идеологемы? Все слизаны с западных СМИ. Почему вы взяли всё, что вам приготовили западные идеологи, западные интеллектуальные центры? Они не смогли мне ничего ответить.

На самом деле тезисы, о которых я рассказываю, не так просто придумать. Это на первый взгляд кажется простым, а на их разработку тратятся большие силы и средства. Так что же наши-то либералы? Со всем нет никакого самоуважения?

– Заплачено?

– Дело не в том, что заплачено. Дело в том, что наши либеральные СМИ, которые работают против России, находясь внутри России, ничего не придумывают сами в принципе. Они – своего рода интеллектуальные импотенты. Берут идеи в Европе, а продают в виде своих статей здесь, то есть занимаются куплей-продажей интеллектуального секунд-хенда. И это касается не только политической составляющей Олимпиады. Если взять, скажем, проблемы культуры – там то же самое. Всевозможные современные формы, с позволения сказать, культуры, авторского самовыражения, которые здесь пропагандируются. Ведь слизано с Европы. Это на самом деле – продажа интеллектуального «вторсырья». А государство не может существовать, если внутри него нет собственных интеллектуалов, которые создают свой продукт, свои идеи: в культуре, в образовании, в науке и в идеологии. Если нет своего интеллектуального продукта, а питаешься только чужим – государство разваливается.

– И становится колонией.

– Совершенно верно. Это один из элементов колонизации страны. Есть военное давление – скажем, продвижение НАТО на восток, есть дипломатическая составляющая, а есть идеологический, или пропагандистский, элемент – о нём применительно к Олимпиаде мы сегодня и говорим.

Главное – что у нас теперь вслед за островом Русский на Дальнем Востоке и на юге России создан стратегически важный политический центр. Мы столбим свою территорию, на которую есть весьма немало желающих. Так делается политика.

Завершая наш разговор, я хотел бы сказать, что миром можно управлять двумя способами: оружием и смыслами, идеями. Эти два способа всегда стоят рядом, и смыслы ничуть не менее важны, чем оружие. Так что прошедшая Олимпиада – это не напрасно потраченные средства. Они вложены в наших детей, в будущее нашей страны. Уверю вас.

17 декабря 2014 года
«Литературная газета»

ЛИБЕРАЛИЗМ И НАЦИЗМ

Известный общественный деятель и публицист Александр Шипков рассказывает о своей только что вышедшей книге «Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики», которая посвящена проблеме неофашизма.

– Александр Владимирович, вопрос вроде как неизбежный, но риторический. Почему решили написать о фашизме?

– Потому что мы в этом году стали очевидцами страшного события. США и большая часть Европы фактически совершили легализацию фашизма, который был более или менее табуирован с 1945 года. Сказали: теперь можно.

– Вот прямо так, официально?

– Практически. 10 декабря 1948 года ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека. А спустя 76 лет против резолюции о недопустимости героизации нацизма в ООН проголосовали три страны: Украина, США и Канада. Европейцы воздержались. Это не случайное голосование. Это демонстрация, знак: всё! теперь никаких идеологических комплексов не будет.

– Что нового о фашизме вы хотели сказать в своей книге?

– Время идёт, явление эволюционирует, и я это описываю. Вот, например, в украинском варианте наряду с нацизмом (уничтожение людей

другой национальности) присутствует культур-расизм. Я имею в виду все эти игры с европейской идентичностью. Идентичность у Европы одна: христианские ценности. Поэтому Украина – европейская страна, как и Россия. Вместо этого раскручивается какой-то культуркампф, стремятся превратить страну в некий форпост, в «границу западной цивилизации», вытеснив из неё Россию. При этом украинизировать русских. И всё время твердят о «конфликте менталитетов».

– *Вам это не напоминает книгу Самюэля Хантингтона «Конфликт цивилизаций»?*

– Напоминает. И тревожит тот факт, что размышлять об истоках неонацизма сейчас не очень принято. Именно об истоках. Слово «фашизм» произносится часто, а вот его подлинный смысл мало кого волнует. Это очень легкомысленное отношение и опасное.

– *Чем оно опасно?*

– Тем, что слово из термина превращено в идиому. Конкретное понятие выпадает из языка. А картину реальности презентует нам именно язык. Поэтому на месте реального фашизма как явления остается белое пятно. Люди смотрят в упор – и не видят, с чем имеют дело. Не понимают. Например, они говорят: «У меня родственники на Украине, они нормальные люди, не может же большая часть страны состоять из фашистов. Вы людей демонизируете, вы раздуваете из мухи слона».

– *Это не так?*

– А разве в Германии 1930-х все были злодеями? Нет. Но генеральную линию большинство поддерживало, потому что было отравлено этой идеологией. Не случайно фильм М. Ромма называется «Обыкновенный фашизм». Это означает, что фашистские взгляды разделяют обыкновенные люди. Они никакие не злодеи, они просто заразились.

Ведь сказано: «Ненавидь грех, а не грешника». Но это означает, что проблему фашизма и неофашизма надо постоянно обсуждать, разбираться в ней, давать научные определения. Иначе – никак.

– *Всё же не все молчат, кое-кто из людей серьёзных говорит. Например, Максим Кантор.*

– «Красный свет» – отличный антифашистский роман. Но в публицистике Максим Кантор, на мой взгляд, пошёл по пути искусственного усложнения проблемы и только запутывает её, формулируя шесть (!) признаков фашизма. Правда, Умберто Эко выделял аж четырнадцать. Но и шесть, на мой вкус, это многовато. По ним ничего определить невозможно, даже запомнить их сложно. Об этом идёт речь в главе «Неофашизм как понятие: идейные дискуссии и границы смыслов». Я считаю, что у фашизма может быть только одно определение – неравенство. Неравенство, разумеется, не имущественное (это нормально), а биологическое, культурное, цивилизационное, правовое. И применение силы для его сохранения. Это идея неполноценности той или иной группы, в отношении которой «закон не писан».

– *«Совков», «ватников»?*

– Например. Или превосходства какой-то группы, что логически одно и то же. «Неполноценность» может иметь разные маркеры: национальный, культурный (для оправдания колониальной экспансии), цивилизационный. Этот комплекс превосходства выступает обоснованием биологического и социального неравенства людей. Сегодня он возрождён. Скоро осуждать фашизм станет дурным тоном, а потом последуют прямые запреты.

– *В Германии вслед за профессором Нольте стало модно говорить о фашизме как «реакции на большевизм», как о чём-то вторичном.*

– Это попытка вывести фашизм за рамки обсуждения. Конечно, фашизм не вторичен. Корни фашизма куда древнее и марксистских, и большевистских. Фашизм возник вместе с колониальной экспансией – как её оправдание. Вначале римские папы издавали буллы, позволяющие отнимать земли у «нехристианских народов», что сопровождалось зачисткой этих земель от аборигенов. Это называлось «terra nullius» – «ничейная земля». Данный принцип закрепился в европейском и американском праве. Что нового придумал Гитлер? Всего две вещи.

– *Какие?*

– Во-первых, он сделал уничтожение людей быстрым и технически совершенным. Во-вторых, что и есть главное: он просто перенёс в центр Европы те методы, которые раньше применялись лишь на окраинах мира. Возник знаменитый план «Ост» по преобразованию восточных территорий и колонизации славян, особенно русских. Появилась брошюра «Унтерменш» – о «неполноценных» народах. Принимались Нюрнбергские законы, направленные на сохранение чистоты крови. Но не только крови. Был в Германии и «культуркампф» (борьба за культуру) и даже «кирхенкампф» – борьба за «немецкую церковь» и новый, героический образ Христа.

– *Так. А что на Украине?*

– Всё очень похоже. Страна спокойно выходит из советской юрисдикции, ей никто не препятствует. Но вернуть территории, полученные в рамках этой юрисдикции, Украина не желает. То есть право на самоопределение распространяется не на всех, а только на украинцев. Русских Юго-Востока обязывают изменить идентичность, украинизироваться. Наконец, происходит переворот. После этого украинизацию начинают проводить силой. А условия евроинтеграции, которые принимает Украина, означают, что под нож пойдёт вся промышленность Востока и Юго-Востока, потому что продукция этих предприятий на

европейских рынках не нужна. А это сулит люмпенизацию населения. Люди протестуют. Начинаются репрессии. Становится ясно, что из такой страны надо срочно выходить. Но если захват административных зданий в Киеве и Львове считается революцией, то аналогичные действия в Донецке – терроризмом. Выход Украины из СССР – освобождением, уход ДНР и ЛНР – сепаратизмом.

– *В общем, деление на «чистых» и «нечистых».*

– Ну, а дальше – «ватники», «генетический мусор», «Грады», самолеты, кассетные бомбы, блокада, разрушение подстанций, химических заводов... Такого зверства не было даже в немецком плане «Ост». По тому, как ведут войну ВСУ, понятно, что их цель сейчас – не победить ополчение, а сделать территорию непригодной для жизни, заставить мирных жителей уйти. Утилитарность этого террора свидетельствует о том, что корни фашизма не только идеологические, но и экономические.

Здесь не только комплекс культурного превосходства, но и желание устроить судьбу одних областей Украины за счёт других. В том числе надо учитывать и залежи сланцевого газа в Донбассе, на которые положили глаз американцы, плюс продажу газораспределительной системы и других активов иностранному бизнесу. Чтобы поделить людей на группы и убедить их поддерживать это разделение, фашизм необходим.

– *Получается, что фашизм есть радикальная форма либеральной идеологии?*

– Да, если видеть либеральный дискурс в целом, а не выделять из него правозащитную тематику. Как раз об этом я пишу в главе «Смысловая эволюция современного неолиберализма». Потребность в легитимации экспансионистских целей с неизбежностью ведёт к конструированию вспомогательной доктрины абсолютного зла, которая избавляет её носителя от лишних моральных рефлексий. Эта апелляция к «абсолютному злу», «оси зла». Но если нет готового противника (например,

советского режима или исламского радикализма), его приходится конструировать. И здесь уже требуется культур-расизм, национал-расизм, теории биологического и культурного неравенства.

– Однако в России либерализм является негласным идеологическим стандартом.

– Важный итог 2014 года состоит в том, что либерализм в России полностью утратил моральный ресурс, легитимность и чистоплотность. Это произошло у нас на глазах. Люди, говорящие от имени либерализма, измазались в крови.

– Они бы с вами не согласились.

– Разумеется. Но делегитимация либеральной идеи в общественном мнении произошла. Наглядно, откровенно. Об этом пока недостаточно говорят. Говорят отдельно о фашизме, отдельно – о чьей-то соглашательской позиции и денежных интересах. А сложить 2 и 2 отказываются. Но это временно. Отсчёт в истории идей начался с новой точки.

– В каком смысле?

– Историческая сцепка, соединившая два явления в одно – либерал-фашизм, – уже произошла. Это уже не отмотать назад, не вычеркнуть из истории. Через полвека люди будут точно знать, кто заказал и кто осуществил геноцид русских на Украине.

– В чём причина такой линии поведения?

– В природе так называемых властных элит. Для финансовых и сырьевых баронов нет моральных границ: подумаешь, фашизм. Главное – норма прибыли. И они диктуют политику. Господин Байден, американский вице-премьер заинтересован в украинских газопроводах и

сланцевом газе. И вот он едет на Украину собирать кабинет министров, даёт кадровые рекомендации и требует усилить военный нажим на Новороссию. Демократия!

– Вот это вертикаль. Не чета российской...

– Это и есть экономическая сцепка фашизма и капитала. В общем, как я уже сказал раньше, это две части одного целого – либерал-фашизма.

– Ещё год назад такая мысль казалась непривычной.

– А в этом году она стала очевидной. Теперь все политики как на ладони. Вопрос только в том, куда эта ситуация толкнёт обывателя – влево или вправо. К отказу от либеральной системы ценностей или к принятию вместе с ней и фашистской. Трансгуманизм, «ювеналку» уже легализовали, теперь осталось взять фашизм под зонтик политкорректности – какие проблемы?

– Что теперь делать либеральной интеллигенции?

– Знаете, я бы такой термин уже не употреблял. Он себя изжил. Теперь либо «либеральная», либо «интеллигенция». Одно из двух. Потому что смычка либерализма и фашизма предстала в такой незамутнённой ясности, что это отрицать невозможно. Либеральный истеблишмент перешёл красную черту. И если вы считаете себя интеллигентом, то не можете быть либералом.

– Но либерализм начинался с философских трактатов, с Джона Локка, Иммануила Канта...

– Видите ли, книжный либерализм и либерализм практический, точнее, военно-экономический, – мягко говоря, не одно и то же. При-

звы вернуться к либеральным истокам бессмысленны, как нашёптывания гадалки. Это отговорки с целью сохранить сакральность самой идеи – и не более. Нельзя никуда вернуться, проехали мы эту станцию.

– А те, кто в России воспевают киевскую власть, они – кто?

– Они и есть реальные либералы, а не книжные. Кризис на Украине вызван активностью глобальных экономических игроков. Их они объективно и поддерживают. Но, слава Богу, подавляющее большинство с ними не согласно.

– 84%?

– Да, эта группа людей численно примерно совпадает с теми, кто поддержал возвращение Крыма. Крым удалось вырвать из когтей киевского режима, успели в последний момент.

– Российские «свидомые» говорят: «84% – это главная проблема России». Они считают этих людей враждебным «запутинским» электоратом.

– Это, конечно, очень демократично звучит: 84% для них проблема, а не они для этих 84%. Лишнее доказательство того, что между либерализмом и демократией нет ничего общего. Так называемая оппозиция у нас намного тоталитарнее власти. И эти проценты в первую очередь – «закрымские». Это признание в любви к соотечественникам. Они поддержали не лично Путина, а действия Путина по освобождению Крыма. И президент это прекрасно понимает. Они голосуют не за кого-то, а за что-то. Это и есть признак зрелого гражданского общества.

– Как вы охарактеризуете нынешнюю идеологию?

– Она отсутствует. И это закреплено 13-й статьёй Конституции РФ. Хотя в условиях противостояния фашизму снаружи и внутри страны не иметь ясной идеологии – значит проиграть. Если есть задача эти 84% сохранить и не расколоть, идеологический курс надо срочно выправлять. Не удастся сохранить крымское большинство – не удастся сохранить нацию. В этом случае нас ждёт украинский сценарий. Любой раскол будет незамедлительно использован.

– Кем?

– Этими 16%, которым мы мешаем, как мешают Порошенко жители Донецка и Луганска. Мы для них тоже отбросы истории, «генетический мусор».

– Что же делать?

– Быть русскими. А это означает: совершать поступки, которые это доказывают. Вступаться за своих. Как заступаться – вопрос тактики. Мне кажется, что в истории с Украиной и жёстких экономических мер хватило бы, чтобы всё расставить по местам.

И последнее. Вы знаете, почему русские победят, а американцы проиграют? Потому что американцы за свою родину готовы убивать других, а русские готовы за свою родину умереть сами.

ЛЕВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ

Весной 2013 года вышел в свет общественно-политический сборник «Перелом» – и сразу стал предметом активного обсуждения внутри гуманитарной тусовки. Не все статьи можно подвести под единый идеологический знаменатель. Но все авторы сборника исходят из необходимости пересмотра базовых понятий российской общественной жизни в пользу новых, где центральными являются «справедливость» и «традиция». Эту смену парадигмы «переломовцы» объясняют рождением новой, левоконсервативной идеологии. О том, что это такое, нам рассказывает составитель сборника «Перелом», политолог и публицист Александр Щипков.

– Александр Владимирович, недавно вышедший сборник «Перелом» вызывает споры, кто-то называет его провокационным, кто-то скандальным. Признайтесь, вы и ваши коллеги – чего вы добивались?

– Насчёт скандальности, думаю, что это преувеличение. Ничего особенно скандального я там не вижу. Что касается дискуссий, то сейчас, в наше переходное время, они нужны и полезны. Если, конечно, ведутся всерьёз, а не в порядке политического шоу. Всё, что мы сказали в сборнике, мы говорили серьёзно. Мы должны были обозначить резкий сдвиг общественной ситуации, который именно сейчас, сегодня происходит. Мы его обозначили.

– А что именно, на ваш взгляд, происходит?

– Прежде всего, заканчивается эпоха политических симуляций. Псевдооппозиционности, псевдодержавности, псевдогражданственности, разного рода «ребрендингов» и «апгрейдов». Мы на пороге того, что в мире принято называть Realpolitic – реальной политикой. Метод «технологии вместо политики» больше не действует. Придётся принимать реальные политические решения.

Привычные технологии перестают работать. Мы всё меньше понимаем, что происходит с обществом и какие приоритеты у государства. Нас всё время кидает из стороны в сторону. От попыток вдохнуть новую жизнь в наукограды – к проектам платного образования, то есть новой сословности. От ювенальных технологий, наступления на интересы семьи – к поддержке президентом родительских общественных организаций. От атаки на Церковь – к попыткам защитить её посредством нового закона.

– Борьба центров политического влияния?

– Наверное. Но не в этом для нас заключается главный вопрос. Проблема глубже, чем изгибы политического курса.

– В чём она состоит?

– В том, что привычные нам понятия, такие как «реформа», «реакция», «заморозки», «оттепели», «модернизация», перестали соответствовать реальным процессам. Они ничего не выражают. Это термины-заклинания. Общество это чувствует, но пока не знает, о чём и как говорить. Но мы-то должны об этом думать. Нет смысла плестись в хвосте событий. Лучше осознать и решить проблему как можно раньше.

– И вы решили начать это делать, выпустив сборник? Между прочим, «Перелом» кое-кто сравнил с «Вехами».

– Сопоставление оправдано. Кто уловил связь между «Вехами» и сборником «Перелом», тот не ошибся. Мы, как и «веховцы» (впрочем, как и авторы «Из-под глыб»), обращаемся к жанру прямого высказывания, открытого диалога с обществом. Но проблемы сегодня не совсем те, что были в 1909 году. Тогда речь шла о болезни интеллигенции. Сегодня на повестке дня реабилитация понятий «справедливость» и «традиция» в сознании российского общества. И не просто реабилитация, но соединение их друг с другом.

– Именно это вы и называете левым консерватизмом?

– Да. Это соединение понятий соответствует историческому российскому идеалу общинной справедливости, соборности. Без этого мы никуда не двинемся сегодня. Нужна прочная платформа. Это она и есть.

– Тут я бы возразил вот в каком смысле. Понятие «левый консерватизм» звучит странно...

– Назовите это социал-консерватизмом или левым традиционализмом. Суть от этого не изменится.

– Но уже приходилось слышать, что это ремейк начала 90-х. Что левый консерватизм – это когда бывшие коммунистические аппаратчики пошли на временный союз с патриотами.

– Абсолютно неверная аналогия. Коммунисты, либералы и казённые патриоты – это три отряда «партии власти» в широком смысле слова. Партии, которая веками управляла Россией как внутренней колонией. События 1993 года, когда эти отряды вдруг столкнулись, были просто войной за раздел бывшего советского наследия. Эта история не про нас, не про левоконсерваторов.

– Но многие коммунисты сегодня тоже называют себя консерваторами, в частности КПРФ.

– Потому что хотели бы реанимировать советский проект. Так?

– Вероятно, да.

– А при чём здесь мы? В понимании коммунистов реконструкции подлежит исторически локальный проект советского социального государства. Но этот проект изначально строился на костях крестьянского мира и церковной общины, на стыке которых в начале XX века должен был строиться левоконсервативный, солидаристский проект. Большевистский корпоративный коллективизм был подменой исторической русской соборности. Целью коммунизма на начальном этапе было построение общества, вырванного из контекста истории и традиции. Вместо справедливых форм общежития навязывался государственный раздаточно-распределительный механизм.

– И поэтому левый консерватизм не может считаться ремейком коммуно-патриотизма?

– Ни в коем случае. Мы ведём жёсткую полемику с наследниками компартии. Мы стремимся разрушить их неоправданную монополию на понятие «социальное государство». Узурпировавшие это понятие политики не имеют исторического права говорить от его имени.

– Хорошо. С «коммуно» разобрались. А как быть собственно с патриотизмом, державностью, охранительством? Вы, случаем, не охранители?

– Левый консерватор – охранитель традиции, а не госинститутов или «партии власти». Нужно охранять общественное благо, а обще-

ственное благо – это сбережение народа и его традиций. Отношение к власти тут вторично.

– Но у вас есть какие-то предпочтения относительно форм государственного устройства?

– Любая власть и любая форма правления, будь то республика или монархия, империя или конфедерация, демократия или унитарное правление, могут оцениваться лишь с одной точки зрения: насколько успешно они решают эту задачу – сбережение народа и его традиций. Увы, ни российская, ни советская империя, ни постсоветский либеральный авторитаризм эту задачу не решали.

– Консерваторы нередко ностальгируют по монархии.

– Я бы сказал, это такое антикварное чувство – тоска по монархии. Ничего не имею против неё, но всё дело в целесообразности. Монархическая форма правления не хуже и не лучше других. Но сегодня ностальгический антикварный монархизм вряд ли может сказать веское слово в реальной политике. Если ошибусь, то особо не расстроюсь.

– Национализм тоже апеллирует к традиции – этнической. Что вы на это скажете?

– Я православный христианин. Мы отвергаем этническое определение нации и понимаем её в гражданском, культурно-историческом и религиозном смысле. Почва важна, как и дух. Почва и вера. Где кровь, там – язычество.

– Ну, тогда уж нам не обойти стороной старинный спор западников и почвенников. Как насчёт европейского выбора, Александр Владимирович?

– Абсолютно нормально. Иного выбора и не может быть. Только надо понимать, что европейский выбор Россия совершила, когда была крещена. В этом заслуга князя Владимира и его великого последователя Ивана Третьего. А не Петра, привившего стране провинциальные комплексы. Европейский путь – путь национально-религиозного самоопределения на основе той или иной традиции христианства. В нашем случае – только православия.

– А западники?

– А западничество здесь совершенно ни при чём. Не случайно же в остальной Европе понятие «западничество» отсутствовало. Их европеизм как-то без него обходился, не правда ли? И нам надо было обойтись. Вообще так называемый спор западников и почвенников – одно из самых больших недоразумений русской истории. Западничество есть выморочная форма колониально-провинциального сознания. Почвенничество – более лёгкий вариант той же болезни – без примеси «смердяковщины». Поэтому сама постановка вопроса неверна. Она родом из прошлого.

– Следствие того, что прежние социально-политические термины устарели?

– Совершенно верно. Отождествление европеизма и западничества некорректно. Европеизм предполагает некоторую общность социальных институтов и культурных явлений у христианских стран и народов, но никогда – намеренное подражание. Исторически ни западники, ни имперская бюрократия не способствовали продвижению России по европейскому пути. Вот в чём проблема. Это был европеизм для верхов и азиатчина, крепостное право – для низов. Отсюда и постоянный разрыв традиции, который наблюдался в истории нашей страны.

– *Что вы имеете в виду?*

– Проблема России в том, что её история – это регулярный разрыв с собственной традицией. Если угодно, традиция отказа от традиции. Происходило это под разными лозунгами, от большевистских до либеральных. Так, церковный Раскол – псевдореформа – привёл через много поколений к большевистской смуте. Эту пагубную тенденцию необходимо преодолеть. Сценарий прерывания традиции должен быть остановлен.

– *Но что считать традицией в наше время? Боюсь, мнения разойдутся. Для кого-то это вольность дворянства, для кого-то – история дома Романовых, а для кого-то – нынешняя сырьевая стабильность...*

– Прежде всего, это ценности общины, соборности, разделяемые когда-то 80% населения. И сейчас эта цифра не сильно уменьшилась, уверяю вас. Несмотря на советские и либеральные десятилетия. Основа национальной традиции не может быть уничтожена до конца, это генетическая память народа.

– *А в чём суть соборности? Для кого-то это церковное понятие, для кого-то мирское, крестьянское. Для кого-то – синоним коллективизма.*

– Здесь важно и то, и другое, и третье. Используя формулу Макса Вебера, социальную модель русской нации можно определить как «православную этику и дух солидаризма». Эта модель действительно восходит к православному принципу «коллективного спасения». Который, конечно, сильно отличается от протестантской идеи «избранности» и индивидуального спасения «только верой», сформулированной Лютером. Идея соборности и коллективного спасения есть прототип нынешних представлений общества о справедливости.

– *А какую роль в наполнении смыслом этого понятия сегодня играет Церковь?*

– Определяющую. Поскольку Церковь – это единственный институт дореволюционной России, переживший ломку советского периода. Русская Православная Церковь Московского Патриархата в силу исторических обстоятельств выполняет в России не только религиозную и морально организующую функцию, как в остальной Европе, но и роль временного хранителя всей исторической традиции. Не только церковной.

– *Временного?*

– Да, конечно. Как только государство примет на себя бремя хранения традиции, Церковь расстанется с ролью временного исполняющего обязанности. Но останется моральным камертоном в обществе. Это нормальная ситуация. Но пока что государство (начиная с Петра) постоянно разрушает традицию.

– *Отдельные ваши идеи можно встретить и в других источниках. Кто ваши исторические предтечи, кто на вас повлиял?*

– Вообще-то о преемственности в России сегодня говорить трудно. Тем не менее исторические аналоги левоконсерватизму следует искать во взглядах славянофилов, консервативных народников и той умеренной части эсеров, которая не была склонна к насильственно-террористической деятельности. Также у немецких социал-консерваторов, идеологов «консервативной революции». А ещё много полезного об общине можно прочитать в Новом Завете, в частности в «Деяниях Святых апостолов». Современный аналог общины возможен как равноправное содружество работников умственного и физического труда.

– *Давайте спроецируем это на политическую повестку дня. Что получится?*

– Давайте попробуем. Левый консерватизм отвергает эксплуатацию большинства народа его мнимой «элитой». Это касается хозяйственной жизни в той же мере, что и культуры, нравов и мнений. В справедливой стране не может быть бедняков и миллиардеров, но могут быть разные уровни дохода. Защита государством личной и частной собственности отнюдь не означает свободы капитала, а рыночная экономика не означает рыночного общества. В справедливой стране невозможны такие явления, как сокращение пенсий, платное образование и здравоохранение, оскорбление народной памяти (истории) и религиозных чувств, ювенальная юстиция и узаконенные сексуальные извращения.

– Понятно. А кого бы вы назвали историческими противниками левого консерватизма?

– В Германии 1930-х это были нацисты. Они пытались привлечь идеологов немецкой «консервативной революции» на свою сторону, как и многих других, но, разумеется, просчитались. В России начала XX века это большевики. Они увлекли крестьянскую массу обещанием земли, а потом уничтожили крестьян как класс в ходе коллективизации. А сегодня это либералы и коммунисты. В некоторых ситуациях они на удивление легко находят общий язык. Например, в борьбе против строительства храмов.

– Либералы тоже?

– Либерализм прямо противостоит христианской традиции. Поскольку исторически либерализм основан на идее тотальной конкуренции, то есть выживания сильнейшего. Иными словами, здесь дарвиновский естественный отбор переносится из животного мира на общество.

– Культивирование животного сознания?

– По сути да. В основе либерализма лежит отрицание всех высших ценностей, кроме свободы – таких как патриотизм, религия, героическое прошлое народа, национальные традиции, солидарность, взаимопомощь, традиционная семья. Эти ценности отрицаются как якобы «тоталитарные».

– Почему?

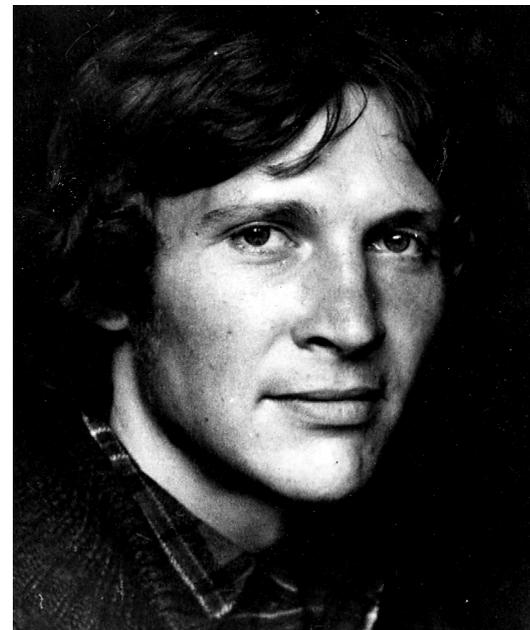
– Это отрицание следует из аксиомы: никакая ценность не может быть выше, чем её рыночная цена. Это постулат господствующей сегодня идеологии – рыночного фундаментализма. Приверженность внерыночным ценностям современный либерализм стремится объявить «тоталитарными комплексами», отклонением от социальной нормы. Это манипулятивная технология. Другая технология – культивирование в обществе искусственных различий. Такое общество не способно быть солидарным и единым. А значит, не может сопротивляться никакой тирании. Реальная демократия из такого общества испаряется.

Рыночная экономика порождает рыночное общество – статусное потребление, товарный фетишизм. Мир поделён на зоны – «золотого миллиарда» (центра) и его экономических колоний (периферии). Происходит постоянный вывоз капитала с окраин в центр. Товары производятся за гроши в странах третьего мира, но продаются на дорогих рынках Запада. Прибылью никто не делится. В таких условиях «модернизация» есть не что иное, как вечная зависимость.

В последнее время либеральный истеблишмент стремится привести к единому рыночному знаменателю такие общественные институты, как религия, семья, отношения полов. Отсюда принудительная секуляризация, ювенальные технологии и узаконивание однополых браков. Вполне тоталитарная практика.

– Вы считаете, что за левым консерватизмом будущее?

– Да. Думаю, в ближайшее время социальные и консервативные ценности выйдут на сцену в новом качестве. Их соединение естественно для России, а остальные идеологии исчерпали себя в ходе постсоветского политического спектакля. У нас есть возможность исправить ошибки прошлого. Левоконсервативный путь – это и есть работа над ошибками в национально-историческом масштабе.

Олег Ошапкин
(1944-2008)

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

С.С.

На Галерной чернела арка.
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.

А. А.

Красовицкий, Ерёмин, Уфлянд,
Глеб Горбовский, Соснора, Кушнер...
Макинтошами, помню, услан
Путь Господень в живые души.

Рейн да Найман, Иосиф Бродский,
Дмитрий Бобышев да Охапкин
Наломали пред Ним берёзки,
Постилали цветов охапки.

Ожиганов, Кривулин... Впрочем,
Дальше столько пришло народу.
Что едва ли строфу упрочим,
Если всех перечислим сряду.

Куприянов Борис да Виктор
Ширали... Стратановский, кто же
Не вспомянет о них! Без них-то
Было б грустно. Скажи, Серёжа...

Чейгин, Эрль... может. Лён иль кто-то
Из других: Величанский, либо
Кто ещё, но открыл ворота
Всея процессии. Всем спасибо.

И когда Он вошёл в сердца нам.
Мы толпою пред Ним стояли.
Но дружиною стали, кланом.
Чуть бичи Его засвистали.

Он исторгнул из Храма лишних.
Торговавших талантом, чтобы
Воцарился в сердцах Всевышний,
А в торгующих – дух утробы.

И пошли по домам поэты.
Те, кто Бога встречали – с миром,
А купцы разбрелись по свету
Золотому служить кумиру.

Разбрелися по всем дорогам.
Приступили ко всем порогам,
И на бронзовосерых лицах
Тихо бронзовый век горел.

На Галерной пылала арка.
Доносились битлы из парка,
И на жарких старинных шпичах
Летний зной день за днём старел.

А по набережной блокадной
Той походкой слегка прохладной
Горемык, стариков, калек
Двадцать первый маячил век.

Век железный. Теперь уж точно.
Но в него мы войдём заочно.
Нас раздавит железом он –
Век машина, Число-закон.

Но поэзии нашей бронза
Над машиною встанет грозно,
Серафически распластав
Огнецветный души состав.

И над веком Числа незримо
Шестикрылого серафима
Отразит глубина сердец.
Так велел ей времён Творец.

И вспомянет нас новый Ньютон,
Ломоносов, Державин в лютой
И железной своей тоске.
Мы не строили на песке.

Мы стояли на тех гранитах.
Где священная речь убитых
Ваших пращуров, наших лир
Освятила грядущий мир.

Но в жестокие наши годы
Мы слагали вот эти оды.
Возводили алтарный свод.
Где Глагол к нам сходил с высот.

Это в бронзовом нашем веке
Совершилось. Пришелец некий
Босоногий меж нас ходил.
К вам доходит лишь дым кадил.

И за это видение Слова
Нам досталась такая слава,
О которой судить не нам.
Жизнь даётся по именам.

Им ещё прославляться рано.
Но, что делать, когда так странно
Открывается книга тех,
Кто из мёртвых восставил стих.

Эта бронза ещё в расплаве.
Но ваятель отливку вправе
Совершить на хозяйский глаз.
Помяните, поймите нас!

Мы пройдем, как пред нами те, кто
Назначал нам пути и вектор.
Но пройдёте и вы, кто там
Настигает нас по пятам.

Это всё, что хотел сказать я.
Впрочем, все стихотворцы – братья,
И в железное время то
Не осудит меня никто.

Я восславил не столько неких
Современников, сколько речь их,
На которой легла печать.
Приучившая нас молчать.

Бронзовеющий стих надывав,
Я гляжу, как друзья на дыбах
Постаментов молчат и ждут
Послабленья. Напрасный труд.

Быстротечен их век и тесен
Круг назначенных Богом песен.
Всё, чему суждено греметь,
Им придётся в молчаньи петь.

Лишь тогда отдохнут от бронзы.
Как начнётся эпоха прозы.
Эх, поэзия! Грёзы, розы...
Русской лиры прямая медь.

Ленинград, 1975

Об авторе

Александр Владимирович Щипков (1957) – почётный гражданин г. Тарусы, общественный деятель, писатель, политолог, публицист, действительный государственный советник 3 класса, директор Московского центра социальных исследований, главный редактор интернет-журнала RELIGARE. Один из ведущих специалистов в России по религиозно-политической ситуации в стране и мире.

Автор книг:

Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. Курс лекций. – СПб.: РХГИ, 1998.

Соборный двор / Предисловие акад. Л. Н. Митрохин. – М.: Пробел-2000, 2003.

Христианская демократия в России. – М.: Ключ-С, 2004.

Территория Церкви. – М.: Индрик, 2012.

Религиозное измерение журналистики. – М.: Пробел-2000, 2014.

Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики. – СПб.: Алетейя, 2014.

Национальная история как общественный договор: от экономического гегемонизма к консенсусу традиций – СПб.: Алетейя, 2015.

Диалектика экономического и религиозно-этического в становлении русского социал-традиционализма. – М., 2015.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аверинцев С. С.	21	Гвоздев о. Леонид	72,118
Амальрик А. А.	21	Гebbельс Й.	136
Амельченков о. Серафим	33	Гинзбург А. М.	21
Ахмадулина Б. А.	58,79,80,82,83,85,87-90	Гитлер А.	132,134,160
Ахматова А. А.	12,24,88-90	Глазунов И. С.	21
Багрицкий Э. Г.	16,96	Голубицкий П. М.	80,81
Балахонов В. Ф.	21	Горбаневская Н. Е.	21
Баратынский Е. А.	95	Горбовский Г. Я.	11,178
Белжеларский Е. А.	55	Демидова И.Н.	36
Береговская Э. М.	109	Добрмян М. Б.	73,85
Бернес М. Н.	98	Дудинцев В. Д.	76,77
Блуа Л.	41	Ельцин Б. Н.	43,44,46,47,50,58
Бобышев Д. В.	11,178	Ерёмин В. Ф.	11,178
Богданов Н. В.	81	Ефремов В.М.	115
Богораз Л. И.	21	Ефремов М. Г.	5,21,29,63,66-74,78,79,81,85-87,97,133
Борисов-Мусатов В. Э.	21,83,90,111,113	Жданов А. А.	138
Бродский И. А.	11,88,96,178	Живов А. П.	78,80
Бурич В. П.	9	Жуков Г. К.	134
Ватагин В. А.	21	Жуковский В. А.	100
Вебер М.	172	Заболоцкий Н. А.	6,21-27,67,76,87-93,95,97
Величанский А. Л.	12,178	Казачок А. Д.	72,89,97
Виноградов А. К.	90	Кант И.	163
Власов А.А.	5,68,69,87,133	Кантор М. К.	55,159
Вознесенский А.А.	12,15,96,97	Кирилл, патриарх	29,30,42,74,85,121,122,126,137,144
Вучетич Е. В.	67	Климент (Капалин), митрополит	85,98,102
Галансков Ю.Т.	57	Ковалёв С. А.	21
Галич А. А.	57	Кодин Е.В.	38
		Конёнков С. Т.	29,71,97
		Красовицкий С. Я.	11,178
		Крахмальникова З. А.	21

Кривулин В. Б.	11,19,95,178
Куксевич о. Сергей	145
Куприянов В. Г.	12,178
Кушнер А. С.	11,178
Лён Слава	5,8,10,12,14,15,91,178
Ленин В. И.	73
Лермонтов М. Ю.	100
Либкнехт К.	65
Липкин С. И.	95
Лиснянская И. Л.	95
Лихачёв Д. С.	18,58
Локк Дж.	163
Лотман Ю. М.	18
Люксембург Р.	65
Макаренко А. С.	30
Маллер И. М.	36
Марченко А. Т.	21
Матвиенко В. И.	145
Машкова В. Е.	21
Маяковский В. В.	15,96
Мельникова Т. П.	21
Мессерер Б. А.	73,85
Милкин о. Андрей	33
Миронов С. М.	142
Михеенков С. Е.	133
Найман А. Г.	11,78
Новиков-Ланской А. А.	26
Нольге Э.	159
Ожиганов А. Ф.	11,178
Окуджава Б. Ш.	57

Осипов В. Н.	21
Островский А. В.	32
Охапкин О. А.	5,10-14,19,24,26,91-95,177,178
Пастернак Б. Л.	24,76,88,89,96
Паустовский К. Г.	21,67,75,76-78,83,87,90
Петров Н.А.	40
Поленов В. Д.	21
Потапов И. Д.	55
Путин В.В.	44,48,50,151,153,154,164
Пушкин А. С.	23,95
Распутин В. Г.	77
Рейн Е. Б.	11,95,178
Рихтер С. Т.	21,40,87
Рождественский Р. И.	97
Ромм М. И.	158
Самойлов Д.	9,16,26,96
Сахаров А. Д.	21,57,83
Седакова О. А.	95
Сергеева Е. А.	33
Сидоренко И. В.	10
Синяевский А. Д.	21
Слуцкий Б. А.	16,96
Иоанн (Снычѐв), митрополит	47
Собчак А. А.	46-48,141
Соколов Н.	154
Солженицын А. И.	21,77,127
Соснора В. А.	11,178
Сталин И. В.	8,30,56,71,73,91,93,132,134
Стратановский С. Г.	12,178
Сухомлинский В. А.	29

Твардовский А. Т.	16,93,96
Третьяков В.Т.	55
Тюренков М. А.	55
Тютчев Ф. И.	95
Утенков В. И.	69,70
Уфлянд В. И.	11,178
Хаматова Ч. Н.	58
Хантингтон С.	158
Хрущев Н. С.	30
Цветаев И. В.	29,60-67,79,81,83,84,90,97
Цветаева М. И.	15,24,67,80,81,83,84,87,89,90,113
Церковников В. М.	76
Чейгин П. Н.	12,178
Черняховский С. Ф.	55
Чухонцев О. Г.	95
Шагин Д. В.	45
Ширали В. Г.	12,94,178
Щипкова Л. В.	66,69,98
Щипкова Т. Н.	28,29,34,35,38,42,43
Эко У.	159
Эрль В. И.	12,178
Эфрон С. Я.	90
Якунин Г. П.	43

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
Бронзовый век и аксиомодерн (<i>вместо предисловия</i>)	7

О ПАМЯТИ

Мама	28
Пришедший из девяностых	43
Интеллигенция и кровь	55

О ПАМЯТНИКАХ

Иван Цветаев	60
Михаил Ефремов	66
Константин Паустовский	75
Белла Ахмадулина	79
Николай Заболоцкий	87
Белые кресты	98

О ПРАВОСЛАВИИ

На запретной территории	104
Кладбище	110
Десять заповедей	118
Сколько верующих в России?	123

О ВОЙНЕ

22 июня. Битва продолжается	130
Пепел Блокады	137

О ПОЛИТИКЕ

Политические победы Олимпийских игр	149
Либерализм и нацизм	157
Левый консерватизм	166
Олег Охапкин. Бронзовый век (поэма)	177
Об авторе	183
Именной указатель	184

Александр Владимирович Щипков

БРОНЗОВЫЙ ВЕК РОССИИ

Взгляд из Тарусы

Редактор

Анастасия Климова

Подписано в печать 21.05.2015

Формат 60x84/₁₆. Объем 11,16 усл. печ.л.

Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-905618-08-6

9 785905 618086